

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (70)

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кривова Д. А. Взаимодействие Кабинета министров и руководства Оренбургской экспедиции в период башкирского восстания 1735–1736 гг.	5
Джунджузов С. В. Противодействие побегам оренбургских и ставропольских крещеных калмыков в Калмыцкое ханство в 1737–1771 гг.	19
Сухова О. А. Места памяти и мемориальная культура российской провинции в XIX – начале XX в.: историография и источники	33
Ванюшина О. В., Кривошеева Ю. А. Супружеские конфликты в повседневной жизни провинциальной семьи во второй половине XIX – начале XX в.: гендерный аспект.....	45
Русанова В. С. Деятельность Исторического кружка при Петербургском университете в 1909–1919 гг.	57
Брянцев М. В. «Пивной путч»: отображение на страницах советских газет	67
Ажигулова А. И. Конъюнктурный обзор эпидемической заболеваемости и профилактических мероприятий в Оренбургской области в 1930-е гг.	80
Мочалов Д. П., Невзорова И. В. Деятельность КПСС по поддержке международного коммунистического движения (по материалам прессы и парламентских слушаний)	92
Митрофанов В. П. Учебный процесс в средневековых университетах (на материалах Парижского, Болонского и Пражского университетов).....	103
Смятцкий Д. Г. Проблема периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии	116

Захаров Р. В. Православная община в общественно-политической жизни Ливана: историография проблемы в трудах отечественных, западноевропейских и ближневосточных авторов XX–XXI вв.	125
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Белоусов С. В. Пензенский и саранский полицмейстер Иван Васильевич Кравков: материалы к биографии и атрибуция портрета	140
Терещенко Я. В. Демографическая ситуация в российской провинции в период Первой мировой войны (на материалах Пензенской губернии)	152

РЕЦЕНЗИИ

Митрофанов В. П. Новая монография о Войнах Алой и Белой Розы в Англии XV в.	163
Варфоломеев Ю. В. «Русь не замерла еще, коли сумела выставить из своих рядов тысячи добровольцев»: из истории добровольчества в Поволжье в XIX в.	172

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (70)

2024

CONTENTS

HISTORY

Krivova D.A. Interaction between the Cabinet of Ministers and the leadership of the Orenburg expedition during the Bashkir uprising of 1735–1736.....	5
Dzhundzhuzov S.V. Countering the escapes of Orenburg and Stavropol baptized Kalmyks to the Kalmyk Khanate in 1737–1771.....	19
Sukhova O.A. Places of memory and memorial culture of the Russian province in the 19 th – early 20 th centuries: historiography and sources	33
Vanyushina O.V., Krivosheeva Yu.A. Marital conflicts in the provincial families' daily life during the second half of the 19 th and early 20 th centuries: a gender perspective.....	45
Rusanova V.S. Activities of the Historical Club at St. Petersburg University in 1909–1919.....	57
Bryantsev M.V. “Beer Hall Putsch”: depicted on the pages of Soviet newspapers	67
Azhigulova A.I. Conjunctural review of epidemic morbidity and preventive measures in the Orenburg region in the 1930 years	80
Mochalov D.P., Nevzorova I.V. The activities of the CPSU in support of the international communist movement (based on the data of the press and parliamentary hearings).....	92
Mitrofanov V.P. The educational process in medieval universities (by the materials from Universities of Paris, Bologna and Prague)	103
Smyattskiy D.G. The problem of periodisation of the Viking Age in England in modern English language historiography	116

Zakharov R.V. Orthodox community in public and political life in Lebanon: historiography of the theme in works of Russian, Western Europe and Middle East researchers from the 20 th to the 21 st centuries	125
---	-----

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

Belousov S.V. Penza and Saransk police chief Ivan Vasilyevich Kravkov: materials for biography and portrait attribution.....	140
Tereshchenko Ya.V. Demographic changes in the Russian province caused by the First World War (by the materials of the Penza province)	152

CRITICAL REVIEWS

Mitrofanov V.P. A new monograph on the Wars of the Roses in England in the 15 th century	163
Varfolomeev Yu.V. “Russia has not frozen yet, if it has managed to put thousands of volunteers out of its ranks”: from the history of volunteerism in the Volga region in the 19 th century	172

УДК 94(47).063

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-1

Взаимодействие Кабинета министров и руководства Оренбургской экспедиции в период башкирского восстания 1735–1736 гг.

Д. А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

dariya4191@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Правительство Анны Иоанновны стремилось к упрочению позиций на европейском юго-востоке страны. Одним из важнейших мероприятий 1730-х гг. стала организация Оренбургской экспедиции, повлекшей за собой серию башкирских движений 1735–1740 гг. Актуальность изучения темы обусловлена тем, что анализ действий центральных и местных властей в период башкирского восстания 1735–1736 гг. дает возможность определить единую стратегию правительства 1730-х гг. на юго-востоке, основную роль в выработке которой играл Кабинет министров. Цель работы заключается в изучении взаимодействия Кабинета и местного начальства в лице руководства Оренбургской экспедиции в период башкирского восстания 1735–1736 гг. *Материалы и методы.* Осуществление исследовательских задач было достигнуто путем изучения документов, извлеченных из фонда Объединенного государственного архива Оренбургской области, а также анализа опубликованных законодательных и делопроизводственных материалов. В работе были использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы. *Результаты.* Проанализирована реакция Кабинета и руководства экспедиции на башкирское восстание 1735–1736 гг. Рассмотрено, что жесткие методы по подавлению восстания со стороны Кирилова и Тевкелева стали причиной возникновения и эскалации конфликта. Исследовано, что Кабинет был заинтересован не только в прекращении восстания, но и в интеграции башкир в сферу влияния Российской империи. Выявлено, что путем совместных усилий центра и местных властей восстание было подавлено в декабре 1736 г. *Выводы.* Кабинет занимался координацией серьезных задач, связанных с подавлением восстания, – от него зависела общая линия поведения местного руководства при ликвидации движения. Исследование указов Кабинета в период башкирского восстания позволяет говорить о том, что правительство стремилось к прекращению конфликта. Кабинет был вынужден поддержать жесткие меры по ликвидации восстания, однако постоянно напоминал местному руководству о необходимости мирного существования башкир в составе Российского государства.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., Анна Иоанновна, Кабинет министров, Оренбургская экспедиция, башкирские восстания

Для цитирования: Кривова Д. А. Взаимодействие Кабинета министров и руководства Оренбургской экспедиции в период башкирского восстания 1735–1736 гг. //

Interaction between the Cabinet of Ministers and the leadership of the Orenburg expedition during the Bashkir uprising of 1735–1736

D.A. Krivova

Samara National Research University, Samara, Russia
dariya4191@mail.ru

Abstract. *Background.* Anna Ioannovna's government sought to consolidate its positions in the European southeast of the country. One of the most important events of the 1730s was the organization of the Orenburg expedition, which entailed a series of Bashkir movements in 1735–1740. The relevance of the topic is conditioned by the fact that the analysis of the actions of the central and local authorities during the Bashkir uprising of 1735–1736 makes it possible to determine the unified strategy of the government of the 1730s in the southeast, the main role in the development of which was played by the Cabinet of Ministers. The aim of the paper is to study the interaction between the Cabinet and local authorities represented by the leadership of the Orenburg expedition during the Bashkir uprising of 1735–1736. *Materials and methods.* The realization of research tasks was achieved by studying the documents extracted from the collection of the United State Archive of Orenburg Region, as well as by analyzing published legislative and clerical materials. Historical-genetic and comparative-historical methods were used in the work. *Results.* The reaction of the Cabinet and the expedition leadership to the Bashkir uprising of 1735–1736 is analyzed. It is considered that the harsh methods of suppressing the uprising by Kirilov and Tevkelev caused the emergence and escalation of the conflict. It is investigated that the Cabinet was interested not only in stopping the uprising, but also in integrating the Bashkirs into the sphere of influence of the Russian Empire. It is revealed that by joint efforts of the center and local authorities the uprising was suppressed in December 1736. *Conclusions.* The Cabinet was engaged in the coordination of serious tasks related to the suppression of the uprising – the general line of behavior of the local leadership during the liquidation of the movement depended on it. The study of the Cabinet decrees during the Bashkir uprising allows us to say that the government sought to end the conflict. The Cabinet was forced to support harsh measures to eliminate the uprising, but constantly reminded the local leadership of the need for peaceful existence of the Bashkirs within the Russian state.

Keywords: Russian Empire of the 18th century, Anna Ioannovna, Cabinet of Ministers, Orenburg expedition, Bashkir uprisings

For citation: Krivova D.A. Interaction between the Cabinet of Ministers and the leadership of the Orenburg expedition during the Bashkir uprising of 1735–1736. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):5–18. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-1

Введение

Правительство Анны Иоанновны было заинтересовано в активизации политики на юго-восточной окраине Европейской России. Государство ставило перед собой цели по присоединению Казахстана, установлению

экономических связей со Средней Азией, укреплению позиций в Башкирии за счет ее хозяйственного освоения.

В 1730-е гг. власти пришли к убеждению о необходимости проведения целого комплекса мероприятий для защиты юго-востока европейской части страны от нападения кочевников и строительства для этой цели протяженных оборонительных линий. Так, еще в конце 1730 г. Сенат принял решение об одновременном возведении Украинской и Новой Закамской укрепленных линий и о реконструкции Царицынской. Очевидно, что таким образом власти пытались создать условия для появления новых районов оседлого земледельческого расселения [1, с. 22–23].

Одним из мероприятий в русле юго-восточного направления также стала организация Оренбургской экспедиции и строительства Самарской линии.

Инициатором создания будущей экспедиции в 1734 г. выступил Иван Кириллович Кирилов – обер-секретарь Сената. Центральная идея его проекта заключалась в строительстве крепости на юго-востоке России – города в устье р. Орь. Данный город должен был стать опорным пунктом по сдерживанию набегов кочевников, от которого по Яику, Самаре и Сакмаре нужно было строить крепости, редуты и форпосты, составившие Самарскую пограничную линию [2, л. 68].

Важно отметить, что строительство нового города между Башкирией и Казахстаном вносило коренные изменения в политику России по отношению к степным народам. Еще в середине XVII в. в Башкирии значительно возросло количество крепостей, что привело к раздаче башкирских земель русскому служилому населению. Частые башкирские восстания причиняли большое беспокойство местным жителям, особенно когда втягивали в свою орбиту соседние народности: калмыков, казахов (их также называли киргиз-кайсаками), каракалпаков. Поэтому не случайно, что одним из назначений нового города была мысль о том, чтобы помешать подданным башкирам соединяться с калмыками во время набегов [3, с. 105].

Сам по себе проект Кирилова был очень амбициозен и масштабен для 1730-х гг. Проект ставил перед собой цели по присоединению Казахстана, развитию среднеазиатской торговли, строительству порта на Аральском море [2, л. 50–69].

Инициатива Кирилова получила одобрение правительства – 18 мая 1734 г. Анной Иоанновной была подписана инструкция по организации Оренбургской экспедиции, первоначально называвшейся просто «известной». В качестве ее руководителей были объявлены сам Кирилов и его помощник мурза Алексей Иванович Тевкелев [2, л. 93–103]. Согласно именному указу императрицы от того же 18 мая Кирилов был пожалован в статские советники, а Тевкелев – в полковники; кроме того, Ивану Кирилловичу тогда же назначили награждение три тысячи рублей, а Тевкелеву – одну тысячу [4, с. 58].

При проведении в жизнь обширного проекта Кирилова руководство экспедиции столкнулось с рядом обстоятельств, затруднивших его реализацию. Так, первоначально ее штаб размещался на территории Башкирии, в Уфе. Сам Кирилов выражал надежду, что башкиры будут заинтересованы в строительстве будущего Оренбурга. Он полагал, что новая крепость обеспечит башкирам защиту от киргиз-кайсаков [2, л. 68 об. – 69].

К сожалению, именно расположение экспедиции в Башкирии повлекло за собой весьма плачевные последствия. Ее финансовой базой по проекту должны были послужить доходы Уфимской провинции. Однако «уфимские прибылые доходы», составлявшие в 1735 и 1736 г. всего 5073 и 12 495 руб., оказались незначительными для проекта такого масштаба [5, с. 427]. Терять башкирским владетелям было что: в пересчете на душу мужского населения Башкирии подати составляли всего 14,5 коп. в год, что было гораздо меньше, чем платили русские крестьяне. Также на территории Башкирии не было таможен, местное население не несло воинской повинности и охраняло свою территорию только от вторжения отрядов кочевников. Таким образом, появление экспедиции Кирилова в Уфе вызвало недовольство как башкирской знати, так и простых башкир, которое вылилось в масштабное восстание [6, с. 187].

Башкирские выступления 1735–1740 гг. – один из драматических эпизодов, произошедших в царствование Анны Иоанновны. Хронологические рамки данной работы ограничены восстанием 1735–1736 гг., жестко подавленным местным руководством. Несмотря на то что период 1735–1740 гг. связан с целой серией кровопролитных башкирских восстаний, уместно согласиться с точкой зрения авторов обобщающего исследования «История башкирского народа», выделявших выступления 1735–1736 гг. как самостоятельное восстание [7, с. 13]. И действительно, для этого выступления были характерны определенные причины, в первую очередь связанные с ошибками Кирилова по расположению в Уфе и суровыми мерами по его подавлению со стороны Тевкелева.

Рассуждая об исследованиях по данной теме, следует подчеркнуть, что история Кабинета министров как особого явления во время правления императрицы Анны Иоанновны долгое время не выступала в качестве объекта исследования историков.

Так, в 1911 г. было издано коллективное исследование, посвященное роли Кабинета министров в области государственного управления, – «Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904» [8]. Начиная с учреждения Кабинета в 1704 г. при Петре I, историки рассматривали его дальнейшую эволюцию при других правителях. Относительно Кабинета министров при Анне Иоанновне исследователи делали вывод, что этот государственный орган имел предшественников в качестве петровского кабинета и Верховного тайного совета.

Очень кратко о Кабинете упоминается в монографии Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» [9]. Идею возникновения этого органа он связывал с «победой определенной группировки в борьбе за власть».

Деятельности Кабинета министров посвящена диссертация Е. Н. Савельевой [10]. В целом, говоря о работе исследуемого государственного органа, Савельева приходит к выводу, что результативность Кабинета оставляла желать лучшего, однако предоставляет недостаточно фактов, на основе которых сформулирована такая точка зрения. Подробно рассмотрев предпосылки, причины образования Кабинета, проанализировав его компетенцию, а также особенности персонального состава, автор уделяет мало внимания конкретным задачам, которыми занимался Кабинет.

Непосредственно башкирским восстаниям 1735–1740 гг. посвящен очень большой пласт литературы, начиная еще с работ современника событий П. И. Рычкова [11, 12]. В дальнейшем этой темой занимался С. М. Соловьев [13]. Примечательно, что в «Истории России с древнейших времен» Соловьева были впервые введены в научный оборот ценные документы, извлеченные из Кабинета министров Анны Иоанновны.

В фундаментальном исследовании «Очерки по истории Башкирской АССР» (т. 1, ч. 1) проанализировано социально-экономическое развитие Башкирии в первой половине XVIII в. [14].

Большое значение для работы по политике России на юго-востоке – строительству Новой Закамской и Самарской линий – имеют исследования Ю. Н. Смирнова [15] и Э. Л. Дубмана [1].

Видным исследователем по истории башкирских восстаний в XVII–XVIII вв. можно назвать И. Г. Акманова [16, 17]. Кроме того, из современных историков, занимавшихся спецификой башкирского отношения к политике правительства на юго-востоке страны, следует отметить А. З. Асфандиярова [18], А. Б. Азнабаева [19].

К сожалению, в большинстве работ, посвященных истории башкирских восстаний 1735–1740 гг., недостаточное внимание уделено роли правительства в происходивших событиях. Поэтому в данной статье будет проанализировано, как Кабинет министров, а вместе с ним и Правительствующий сенат отреагировали на восстание и какие меры предпринимали по его подавлению. Вместе с тем в работе будет рассмотрена линия поведения местного руководства на юго-восточных землях в лице начальников Оренбургской экспедиции, действия которых также находились в прямой взаимосвязи с распоряжениями из центра.

Новизна данного исследования состоит в том, что оно позволяет рассмотреть взаимодействие центральной власти в лице Кабинета министров и местного начальства на юго-восточной окраине России в период башкирского восстания 1735–1736 гг.

Источниковая база исследования основана на архивных и опубликованных материалах. Ценные сведения были извлечены из Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). Материалы фонда «Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии 1734–1737 гг.» (ф. 1) дали возможности изучить указы Кабинета и Сената, а также доношения Кирилова и Румянцева касательно планов по строительству Оренбурга и мер по борьбе с башкирским восстанием [2, л. 25].

Среди опубликованных источников нельзя не упомянуть документацию Кабинета министров, зафиксированную в «Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.». Эти материалы вышли в сборниках Императорского русского исторического общества (СИРИО) под редакцией А. Н. Филиппова [20]. Кроме того, важную подгруппу источников представляют «Материалы по истории России» в двух томах, составленные А. И. Добросмысловым [4]. Они также содержат значительный массив указов Анны Иоанновны, Кабинета министров и других правительственных учреждений, регулировавших работу Оренбургской экспедиции. Большую ценность для исследования представляет также шестой том «Материалов по

истории Башкортостана» [21], содержащий уникальные документы по башкирскому восстанию 1735–1736 гг.

Таким образом, изучение вышеизложенной источниковой базы позволяет рассмотреть взаимоотношения Кабинета министров и местного руководства в период подавления башкирского восстания 1735–1736 гг.

Основная часть

Кабинет министров являлся высшим органом государственного управления в 1731–1741 гг. Но необходимо учитывать, что практически на протяжении всего своего существования Кабинет признавал важную роль в государственных делах за Сенатом, а за собой оставлял только общий контроль и разрешение наиболее серьезных вопросов [22, с. 38]. Сенату часто приходилось исполнять ряд поручений Кабинета по доставке разного рода справок и сведений, а также отправлять по приказам Кабинета указы императрицы. Все это приводило к тому, что «приказы кабинетных министров» ставили Сенат в подчиненное положение по отношению к Кабинету [23, с. 522].

Эта модель взаимоотношений отразилась и на ситуации с организацией Оренбургской экспедиции и подавлением башкирского восстания – от имени Кабинета в основном выступают приказы по назначению либо смещению руководящих лиц, выделению им жалованья и наград, а также по общей линии поведения руководства экспедиции на юго-востоке.

Так, в связи с эскалацией начавшегося башкирского конфликта Кабинет в августе 1735 г. принимает решение о назначении А. И. Румянцева главным командиром по подавлению башкирского бунта. В то же время министры приказывают Кирилову наладить связь с Румянцевым и сообщать ему всю необходимую информацию о башкирах [24, с. 301, 329–330].

Как мы видим по инструкции генерал-лейтенанту Румянцеву от 13 августа 1735 г., в разработке которой среди других влиятельных государственных деятелей участие принимали министры А. И. Остерман и А. М. Черкасский, правительство в первую очередь было заинтересовано в мирном разрешении возникшей проблемы. Румянцеву изначально приказали в усмирении башкир использовать «пристойные добрые способы и уговаривания». Если они не подействуют, тогда можно употребить и оружие [25, л. 4]. Потому как башкиры являлись подданными Ея Императорского Величества, Румянец получил право наказывать виновных и в то же время выяснить, что послужило причиной неповиновения башкир, так как императрица обещала проявить свое милосердие к бунтовщикам [25, л. 5].

Появление Румянцева в качестве новой фигуры в деятельности Оренбургской экспедиции в определенной мере и без того запутывало мало согласованное дело подавления башкирского бунта. На юге и юго-западе руководить усмирением восстания должны были Кирилов и П. Бахметьев, которые имели ставку в Самаре. В центре и на севере – Румянец. На северо-востоке – В. Н. Татищев и А. И. Тевкелев. Эта слабая согласованность действий местного руководства осложнялась запутанностью подотчетности: Кирилова – перед Кабинетом министров и Сенатом, Румянцева – перед Военной коллегией, Тевкелева – коллегией иностранных дел [26, с. 42].

В сентябре того же 1735 г. Кабинет уже проявлял недовольство, поскольку от Румянцева не поступало сведений по успокоению восстания,

а обстановка все более накалялась. Министры считали, что генерал-лейтенанту следует проявить усилия для того, чтобы к его войску присоединились те башкиры, которые не были замешаны в восстании. Им были обещаны «особая императорская милость и награждение» [24, с. 381–382]. В октябре 1735 г. по указу Кабинета прощение императрицы не должно было касаться руководителей бунта – их следовало выдать правительству [24, с. 413].

Сам Румянцев склонялся к тому, что действовать в сложившихся обстоятельствах следует максимально осторожно. В ноябре 1735 г. генерал-лейтенант в своем доношении в Кабинет советовал императрице оставить башкир в покое [21, с. 89].

Начавшееся башкирское восстание едва не стало причиной отказа от строительства Оренбурга и сворачивания деятельности всей экспедиции. Видимо, правительство всерьез опасалось тех последствий, к которым оно могло привести. И это не удивительно, потому как власти не могли не опираться на негативный опыт относительно недавних событий 1704–1711 гг., когда злоупотребления правительственной администрации и начавшееся переселение на земли, которые башкиры полагали своими, привели к их возмущению. Стоит подчеркнуть, что социальный конфликт на юго-востоке страны со временем разросся и вовлек в свою сферу русское и татарское население Казанской и Астраханской губерний, казачество Дона и Яика и другие народы региона. Таким образом, его ликвидация стоила значительных усилий [1, с. 15].

Тем не менее колебания по сворачиванию организации Оренбургской экспедиции на этот раз оказались временны. Ю. Н. Смирнов доказывает, что план Кирилова по возведению новой крепости на юго-востоке России отчасти спасло покровительство фаворита императрицы Э. И. Бирона, а также решительное продвижение отрядов Ивана Кирилловича к Яику, упредившее указ об остановке похода [15, с. 25–26].

Интересен для нас и взгляд с другой стороны – то, что пытался донести до правительства сам руководитель Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов касательно башкирского вопроса. Его точка зрения весьма отличалась от осторожной позиции Румянцева. К примеру, в своем доношении к Сенату от 16 августа 1735 г. он писал, что еще до его приезда в Уфу промахи допускало местное руководство – позволяло «своеволие воров-башкирцев». Потому и прощение к провинившимся нужно было проявлять аккуратно, чтобы не сказали позже, что башкирам всегда все прощалось и не применялось никаких санкций по отношению к ним [25, л. 19 об.]. Таким образом, Кирилов проявил себя как сторонник жестких мер по подавлению башкирского бунта.

Оценка деятельности И. К. Кирилова в историографии весьма неоднозначна. Выходец из нижних чинов, сумевший заслужить расположение Петра I, он являлся человеком выдающихся интеллектуальных способностей. Ученый, который занимался составлением «всероссийских ландкарт», экономикой, историей, географией, по словам П. И. Рычкова, «о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение» [12, с. 28–29]. Тем не менее историк И. Г. Акманов настаивал, что Кирилов, будучи человеком, работавшим в первую очередь с научными трудами, имел слабое представление о реальной обстановке на юго-востоке России, а потому совершил ряд ошибок в оценке башкирского недовольства. Он также предполагал, что Кирилов

первоначально несколько преуменьшал масштабы восстания, вводя Кабинет в заблуждение [17, с. 59–60].

Тевкелев вполне разделял точку зрения Кирилова относительно методов борьбы с восстанием. Многочисленные свидетельства источников говорят о том, как безжалостно Тевкелев расправлялся с башкирами. Так, башкирские старшины *Акай Кусюмов* и *Кильмяк-абыз Нурушев* в своем письме императрице Анне Иоанновне в ноябре 1735 г. в своих обидах виноватым считали именно Тевкелева, который потребовал их людей в Уфу якобы «на оренбургскую службу», однако распорядился с ними совершенно по-другому – одних убил, а других высек и держал под караулом [21, с. 76–87].

Действительно, кровавой страницей в истории башкирского восстания остались действия полковника в селении Сеянтус Балыкчинской волости Сибирской дороги в январе 1736 г., когда все 1000 жителей деревни, в том числе женщины и дети, были убиты, а 105 человек из них заперты в амбаре и подверглись сожжению заживо. Кроме того, он полностью разорил в тех местах около 50 других башкирских аулов [27, с. 25].

Интересно объяснение о случившемся в деревне Сеянтус со слов самого Тевкелева. По его доношению к А. И. Румянцеву о розыске и расправе над восставшими башкирами в деревне Сеянтус 27 января 1736 г. можно заключить, что действия мурзы были своевременной ответной мерой на раскрытие планов о возможном нападении местных башкир на команду Тевкелева «в тесных местах с тылу». Если бы это случилось, писал Тевкелев, то ситуация приняла бы для него критический оборот, поэтому «на страх другим бунтующим ворами и, чтоб от них ежели их далее удерживать, большаго вреда не воспоследовало, з женами и з детьми, окроме тех, которые заранее в леса розбежались от команды, переколоты и деревню их велено выжечь до подошвы» [21, с. 120–121].

Без сомнения, суровый нрав Тевкелева сыграл определенную роль в этих трагических событиях. Однако в целом нельзя забывать, что служебная карьера Тевкелева была довольно нестандартна для той эпохи – он до конца своих дней оставался мусульманином, хотя и взял русское имя – Алексей Иванович. Поэтому можно предположить, что для преодоления недоверия к собственной персоне на основе принадлежности к мусульманской вере помощник Кирилова считал своим долгом проявить излишнее старание на службе [12, с. 25–26].

В феврале 1736 г., когда башкирские набеги не могли остаться без внимания, Кирилов изложил свои предложения по подавлению восстания в доношении в Кабинет. Он видел необходимость в продолжении ведения политики выжженной земли – «воров башкирцов от Сибирской и Казанской стороны утеснять, разоряя сплошь». По мнению Кирилова, карательные войска должны были разделиться на партии, чтобы со всех сторон окружить и уничтожить башкир, а деревни их выжечь, «чего они паче всего боятца» [21, с. 128].

Если говорить о позиции Кабинета относительно жестких шагов Кирилова и Тевкелева, то, видимо, министры относились к этой деятельности с негласным одобрением. Об их молчаливой поддержке всего происходящего свидетельствует указ 17 февраля 1736 г., согласно которому Кирилову и его помощнику было приказано «вдвое учинить жалованье и рацион» [28, с. 80].

Тем не менее, возможно, центральные власти все же не знали всей правды о происходящих событиях на юго-востоке страны. Общая картина восстания создавалась больше на основе рапортов и донесений местного руководства, поступавших в столицу. Все местные начальники – Кирилов, Румянцев, Татищев и др. – несколько преуменьшали опасность и преувеличивали результативность своих действий [26, с. 47].

Как бы там ни было, по мере эскалации башкирского конфликта строже стали меры по отношению к бунтовщикам со стороны правительства. Особое значение в этом отношении для нас приобретает именной указ от 11 февраля 1736 г. [29, с. 740–741], который в целом является поворотным моментом во взаимоотношениях Российской империи и Башкирии. Поскольку указ имел такое чрезвычайно важное значение, он получил несколько более поздних копий, отправленных в Сенат. Одна из них – указ императрицы А. И. Румянцева от 26 февраля 1736 г. – была просмотрена в качестве архивного документа [25, л. 35].

В одном из пунктов указа от 11 февраля 1736 г. уже прямо говорится, что тех башкир и татар, которые сознались в нападении на «вологодские» роты и в других убийствах, «казнить смертию, а в других в ссылку сослать, а не освобождать, а пущих заводчиков, хотя они и отпущение получили – Акая, Кильмяка, Бепеня, Мясегута, Умира, Ишалю, Салтан-Мурата... жестоко казнить смертию» [25, л. 35].

Таким образом, в указе от 11 февраля 1736 г. отчасти отразились правительственные реакции на разворачивающийся башкирский конфликт. Однако судя по всей совокупности изложенных пунктов можно предположить, что правительство пыталось не только подавить восстание, но и заодно использовать его для осуществления мер, рассчитанных на более долгие сроки, – при помощи решения земельного вопроса оно стремилось способствовать дальнейшей интеграции башкирского народа в сферу влияния Российской империи.

В частности, в данном указе говорилось о разрешении продажи башкирских земель – тем самым им отменялось ограничение, существовавшее еще с Соборного уложения 1649 г. [18, с. 197]. Если раньше у башкир невозможно было приобрести земли и угодья, теперь же было объявлено, что этот запрет следовало отменить для их же пользы – «с сего указа, земли и угодья тамошним жителям – дворянам, и офицерам, и мещерякам, у башкирцев покупать, и за себя крепить позволить» [25, л. 36].

Исследователь Б. А. Азнабаев высоко оценивает указ от 11 февраля 1736 г. По его мнению, благодаря законодательному акту правительства о разрешении продажи башкирских земель была создана настоящая экономическая база для активной помещичьей, заводской и крестьянской колонизации Башкирии. Также положительное значение он видел в распространении рыночных отношений на башкирские земли, которые вынуждали собственников активно включаться в систему правовых отношений с русским населением и российской администрацией [19, с. 253–254].

Важно подчеркнуть, что ключевой идеей Кабинета министров по-прежнему оставалась мысль о том, чтобы башкиры мирно сосуществовали в рамках единой Российской империи. Эта идея прослеживается в указе Кабинета от 4 июля 1736 г., в то время, когда восстание пошло на спад. Так, в нем

говорится о необходимости все башкирское население вернуть в подданство [28, с. 304].

На протяжении долгого времени, с самого добровольного присоединения в середине XVI в. башкиры были неразрывно связаны с Российским государством, в частности неоднократно принимали участие в войнах на стороне русской армии. Актуальным этот вопрос был и теперь, когда восстание постепенно сходило на нет. Так, в сентябре 1736 г. Румянцев в своем доношении в Кабинет советовал отправить 2 или 3 тыс. башкир на войну с Турцией [21, с. 279].

Тем не менее до Кабинета продолжали доходить и неутешительные вести. Получив в сентябре 1736 г. информацию о том, что башкиры сожгли вотчины баронов Строгановых, министры выразили неудовольствие Румянцеву, поскольку тот никак не помешал им. В связи с этим моментом министры потребовали, чтобы генерал-лейтенант применил все усилия, чтобы остановить башкир, а также распорядились выслать ему на помощь два пехотных полка в качества подкрепления в ответ на его требование в людях [29, с. 475]. Вероятно, разочаровавшись в работе Румянцева, министры в скором времени решили передать дела башкирской комиссии бригадиру М. Хрущеву [29, с. 483].

Однако мысль Румянцева об отправлении башкир на войну с Турцией не осталась без внимания Кабинета. В октябре 1736 г., когда по последним доношениям от Кирилова и других лиц пришли сведения о том, что нападения башкир прекращаются, императрица приказала послать башкирам грамоты, чтобы те отправили 3000 человек на войну с турками и «изготовя те грамоты для отправления, прислать в Кабинет Ея И. В-ва» [29, с. 516].

К ноябрю 1736 г. от Хрущева наконец пришли новости об улучшении обстановки. В частности, он ссылаясь на ведомость В. Н. Татищева о том, что «сибирская дорога башкирцев почти вся успокоилась» [29, с. 561]. В именном указе от 3 декабря 1736 г. Кабинет одобрил действия Татищева относительно восставших, поскольку «многие башкирцы от воровства унимаются», и велел ему в дальнейшем действовать сообща с Кириловым и майором Хрущевым [29, с. 583].

Заключение

Таким образом, следует сделать следующие выводы. Правительство Анны Иоанновны одну из важнейших задач видело в продвижении на европейский юго-восток страны. Оно одобрило проект И. К. Кирилова по организации Оренбургской экспедиции, потому как его реализация вполне укладывалась в общую концепцию по обеспечению безопасности юго-восточной окраины и расширению торговых отношений со странами Средней Азии.

Развернувшееся башкирское восстание 1735–1736 гг. стало неожиданно для правительства. Кабинет был заинтересован в его скорейшем подавлении, поскольку главной задачей на тот момент была организация деятельности Оренбургской экспедиции, а восстание создавало для нее большие препятствия. Примечательно, что Кабинет министров занимался координацией наиболее серьезных вопросов, касавшихся сложившейся ситуации с экспедицией. Именно от министров зависело назначение ключевых фигур в организации экспедиции

и общая линия поведения местного руководства на юго-восточном направлении в деле подавления башкирского восстания.

Вероятно, правительство понимало, насколько опасным мог быть новый национальный конфликт, потому как не могло не учитывать опыт относительно недавнего башкирского восстания 1705–1711 гг., а также более ранних столкновений с башкирами. Именно поэтому изначально меры по подавлению «башкирского замешания» носили самый осторожный характер. Однако в связи с его эскалацией и жесткой позицией со стороны местного руководства – И. К. Кирилова и А. И. Тевкелева – правительство поддержало более суровые действия по борьбе с восставшими. Но все же, несмотря на негласное согласие с реализацией суровых карательных действий, Кабинет постоянно напоминал местным начальникам, что главная цель их деятельности заключалась в удержании башкир в составе Российской империи и дальнейшем их мирном существовании.

Список литературы

1. Дубман Э. Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара : Самарский университет, 2005. 196 с.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
3. Буканова Р. Г. Города-крепости России юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. 253 с.
4. Материалы по истории России : сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края : в 2 т. / сост. А. И. Добросмыслов. Оренбург : Типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900. Т. 1. 303 с.
5. Петрухицев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : РОССПЭН, 2014. 1062 с.
6. Демкин А. В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. М. : Институт российской истории Российской академии наук : Центр гуманитарных инициатив, 2021. 254 с.
7. История башкирского народа : в 7 т. Уфа : Гилем, 2011. Т. 3. 467 с.
8. Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 794 с.
9. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая Школа, 1983. 352 с.
10. Савельева Е. Н. Кабинет министров Анны Иоанновны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 189 с.
11. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. 406 с.
12. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750 гг.). Оренбург : Оренбургский губ. стат. ком., 1896. 93 с.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. 10. Т. 19–20. М. : Соцэкгиз, 1963. 780 с.
14. Очерки по истории Башкирской АССР : в 2 т. Т. 1 : в 2 ч. Уфа : Башкиргоиздат, 1956. Ч. 1. 303 с.
15. Смирнов Ю. Н. Оренбургская (комиссия) экспедиция и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара : Самарский университет, 1997. 190 с.
16. Акманов И. Г. Из истории Оренбургской экспедиции // Очерки дореволюционной России. 1972. Вып. 1. С. 90–104.
17. Акманов И. Г. Оренбургская экспедиция и восстание 1735–1736 гг.: неизбежно ли было это массовое движение? // Оренбург. Вчера, сегодня, завтра: исторический и

- социокультурный опыт : материалы и тезисы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 260-летию г. Оренбурга. Оренбург : Димур, 2003. С. 55–60.
18. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа : Китап, 2006. 504 с.
 19. Азнабаев А. Б. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
 20. Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО) : в 148 т. Т. 103. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1 (1731–1732 гг.). Юрьев : Типография К. Матисена, 1897. 684 с.
 21. Материалы по истории Башкортостана / сост. Н. Ф. Демидова. Уфа : Китап, 2002. Т. 6. 768 с.
 22. Фаизов А. В. Правительствующий Сенат в 1730–1741 гг.: полномочия и компетенция // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 4 (35). С. 34–43.
 23. Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911 : в 5 т. СПб. : Сенатская типография, 1911. Т. 1. С. 479–640.
 24. СИРИО : в 148 т. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4 (1735 г.). Юрьев : Типография К. Матисена, 1901. 664 с.
 25. ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
 26. Сафонов Д. А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург : Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
 27. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков : в 10 т. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост., транскрипция скорописи XVIII в., историографич. очерк и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы : Дайк Пресс, 2005. 484 с.
 28. СИРИО : в 148 т. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5 (1736 г.). Юрьев : Типография К. Матисена, 1902. 752 с.
 29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 9. 1016 с.

References

1. Dubman E.L. *Novaya Zakamskaya liniya: sud'ba, proekt, stroitel'stvo* = *New Zakamskaya line: fate, project, construction*. Samara: Samarskiy universitet, 2005:196. (In Russ.)
2. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAОО)*. F. 1. Op. 1. D. 1 = *United State Archives of Orenburg Region. Fund 1. Item 1. File 1*. (In Russ.)
3. Bukanova R.G. *Goroda-kreposti Rossii yugo-vostoka Rossii v XVIII veke: Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* = *Fortress cities of Russia in the south-east of Russia in the 18th century: The history of the cities' formation on the territory of Bashkiria*. Ufa: Kitap, 1997:253. (In Russ.)
4. Dobrosmyslov A.I. (comp.). *Materialy po istorii Rossii: sb. ukazov i drugikh dokumentov, kasayushchikhsya upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya: v 2 t.* = *Materials on the history of Russia: collected decrees and other documents relating to the management and structure of Orenburg region: in 2 volumes*. Orenburg: Tipolitografiya F.B. Sachkova, 1900;1:303. (In Russ.)
5. Petrukhitsev N.N. *Vnutrennyaya politika Anny Ioannovny (1730–1740)* = *Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740)*. Moscow: ROSSPEN, 2014:1062. (In Russ.)
6. Demkin A.V. *Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny i upravlenie territoriyami Rossiyskoy imperii* = *Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna and administration of the territories of the Russian Empire*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2021:254. (In Russ.)

7. *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t. = History of the Bashkir people: in 7 volumes.* Ufa: Gilem, 2011;3:467. (In Russ.)
8. *Dvukhsotletie Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva. 1704–1904 = Bicentenary of the Cabinet of His Imperial Majesty. 1704–1904.* Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1911:794. (In Russ.)
9. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii = History of state institutions of pre-revolutionary Russia.* Moscow: Vysshaya Shkola, 1983:352. (In Russ.)
10. Savel'eva E.N. *Cabinet of Ministers of Anna Ioannovna.* PhD dissertation. Moscow, 2004:189. (In Russ.)
11. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii = Topography of Orenburg province.* Orenburg: Otd. Rus. geogr. o-va, 1887:406. (In Russ.)
12. Rychkov P.I. *Istoriya Orenburgskaya (1730–1750 gg.) = History of Orenburg (1730–1750).* Orenburg: Orenburgskiy gub. stat. kom., 1896:93. (In Russ.)
13. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn. Kn. 10. T. 19–20 = History of Russia since ancient times: in 15 books. Book 10. Volume 19–20.* Moscow: Sotsekgiz, 1963:780. (In Russ.)
14. *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR: v 2 t. T. 1: v 2 ch. = Essays on the history of the Bashkir ASSR: in 2 volumes. Volume 1: in 2 parts.* Ufa: Bashknigoizdat, 1956;(pt. 1):303. (In Russ.)
15. Smirnov Yu.N. *Orenburgskaya (komissiya) ekspeditsiya i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII veka = Orenburg (commission) expedition and the annexation of the Volga region to Russia in the 30–40ss of the 18th century.* Samara: Samarskiy universitet, 1997:190. (In Russ.)
16. Akmanov I.G. From the history of the Orenburg expedition. *Ocherki dorevolyutsionnoy Rossii = Essays on pre-revolutionary Russia.* 1972;(1):90–104. (In Russ.)
17. Akmanov I.G. Orenburg expedition and uprising of 1735–1736: was this mass movement inevitable? *Orenburg. Vchera, segodnya, zavtra: istoricheskiy i sotsiokul'turnyy opyt: materialy i tezisy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 260-letiyu g. Orenburga = Orenburg. Yesterday, today, tomorrow: historical and sociocultural experience: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 260th anniversary of Orenburg.* Orenburg: Dimur, 2003:55–60. (In Russ.)
18. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiriya posle vkhozhdeniya v sostav Rossii (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX v.) = Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th centuries).* Ufa: Kitap, 2006:504. (In Russ.)
19. Aznabaev A.B. *Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoy treti XVIII v. = Bashkir society in the 17th – the first third of the 18th centuries.* Ufa: RITs BashGU, 2016:370. (In Russ.)
20. *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva (SIRIO): v 148 t. T. 103. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. T. 1 (1731–1732 gg.) = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 103. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna of 1731–1740. Volume 1 (1731–1732).* Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1897:684. (In Russ.)
21. Demidova N.F. (comp.). *Materialy po istorii Bashkortostana = Materials on the history of Bashkortostan.* Ufa: Kitap, 2002;6:768. (In Russ.)
22. Faizov A.V. The Governing Senate in 1730–1741: powers and competence. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Perm University. Series: History.* 2016;(4):34–43. (In Russ.)
23. Filippov A.N. The Governing Senate during the reign of Anna Ioannovna and Ivan Antonovich. *Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let, 1711–1911: v 5 t. = History of the Governing Senate for 200 years, 1711–1911: in 5 volumes.* Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1911;1:479–640. (In Russ.)
24. *SIRIO: v 148 t. T. 113. Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. T. 4 (1735 g.) = Collection of the Imperial Russian Historical Society:*

- in 148 volumes. Volume 113. *Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna of 1731–1740. Volume 4 (1735)*. Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1901:664. (In Russ.)
25. OGAOO. F. 1. Op. 1. D. 3 = *United State Archives of Orenburg Region. Fund 1. Item 1. File 3*. (In Russ.)
26. Safonov D.A. *Nachalo Orenburgskoy istorii (Sozdanie Orenburgskoy gubernii v seredine XVIII veka) = The beginning of Orenburg history (Creation of Orenburg province in the middle of the 18th century)*. Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 2003:92. (In Russ.)
27. Erofeeva I.V. (comp.). *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov: v 10 t. T. 3. Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.) = History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th – 20th centuries: in 10 volumes. Volume 3. Journals and memos of diplomat A.I. Tevkelev on history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)*. Almaty: Dayk Press, 2005:484. (In Russ.)
28. SIRIO: v 148 t. T. 114. *Bumagi Kabineta ministrov imperatritsy Anny Ioannovny 1731–1740 gg. T. 5 (1736 g.) = Collection of the Imperial Russian Historical Society: in 148 volumes. Volume 114. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna of 1731–1740. Volume 5 (1736)*. Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 1902:752. (In Russ.)
29. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1: v 45 t. = Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes*. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830;9:1016. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дарья Анатольевна Кривова

аспирант, Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Россия,
г. Самара, ул. Академика Павлова, 1)

E-mail: dariya4191@mail.ru

Daria A. Krivova

Postgraduate student, Samara
National Research University
(1 Akademika Pavlova street, Samara, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 22.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.05.2024

Принята к публикации / Accepted 09.06.2024

УДК 94:323.1(47)"1737/1771" (=512.37)
doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-2

Противодействие побегам оренбургских и ставропольских крещеных калмыков в Калмыцкое ханство в 1737–1771 гг.

С. В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия
djund@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Поселенные в Среднем Поволжье и на Южном Урале крещеные калмыки способствовали хозяйственному освоению и обороне юго-восточных рубежей России. Негативной стороной создания обособленных калмыцких поселений являлось стремление части крещеных калмыков к возвращению в Калмыцкое ханство. Цель работы – рассмотреть меры, предпринимавшиеся российскими властями для предупреждения побегов крещеных калмыков в Калмыцкое ханство, а также практические шаги, направленные на их задержание и возвращение в 1737–1771 гг. *Материалы и методы.* Основу источниковой базы исследования составили материалы Объединенного государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Калмыкия. Используются историко-генетический, структурно-функциональный методы научного исследования, метод критического анализа исторических источников. *Результаты.* Проанализированные источники не позволяют судить однозначно об эффективности мер, направленных на предотвращение побегов крещеных калмыков. Побег продолжался вплоть до откочевки волжских калмыков в Китай и ликвидации Калмыцкого ханства. В то же время общая численность беглецов к концу 1760-х гг. не превышала одного процента общей численности поселенных в Оренбургской губернии крещеных калмыков.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, крещеные калмыки, побег, Оренбургская губерния, противодействие, улус

Для цитирования: Джунджузов С. В. Противодействие побегам оренбургских и ставропольских крещеных калмыков в Калмыцкое ханство в 1737–1771 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 19–32. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-2

Countering the escapes of Orenburg and Stavropol baptized Kalmyks to the Kalmyk Khanate in 1737–1771

S.V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
djund@yandex.ru

Abstract. *Background.* The baptized Kalmyks settled in the Middle Volga region and in the Southern Urals contributed to the economic development and defense of Russia's southeastern borders. The negative side of the creation of separate Kalmyk settlements was the desire of some of the baptized Kalmyks to return to the Kalmyk Khanate. The purpose of the work is to consider the measures taken by the Russian authorities to prevent the escape of baptized Kalmyks to the Kalmyk Khanate, as well as practical steps aimed at their

detention and return in 1737–1771. *Materials and methods.* The basis of the research source base was the materials of the Joint State Archive of Orenburg Region and the National Archive of the Republic of Kalmykia. The historical-genetic, structural-functional methods of scientific research, the method of critical analysis of historical sources are used. *Results.* The analyzed sources do not allow us to judge unambiguously the effectiveness of measures aimed at preventing the escape of baptized Kalmyks. The escapes continued until the migration of the Volga Kalmyks to China and the liquidation of the Kalmyk Khanate. At the same time, the total number of fugitives by the end of 1760 did not exceed one percent of the total number of baptized Kalmyks settled in the Orenburg province.

Keywords: Kalmyk Khanate, baptized Kalmyks, escape, Orenburg province, opposition, ulus

For citation: Dzhundzhuzov S.V. Countering the escapes of Orenburg and Stavropol baptized Kalmyks to the Kalmyk Khanate in 1737–1771. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):19–32. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-2

Поселения крещеных калмыков на Средней Волге и на Южном Урале способствовали хозяйственному освоению обширного Оренбургского края и содействовали охране юго-восточных рубежей Российской империи в середине XVIII – первой половине XIX в. Первое из них было образовано в 1737 г. из крещеных калмыков, размещенных в Ставропольской крепости (современный Тольятти) и ее окрестностях. В 1740-х гг. оно получило обособленное военно-административное устройство – Ставропольское калмыцкое войско (с 1760 г. – корпус). Оренбургские крещеные калмыки состояли казаками Оренбургского казачьего войска. В 1757 г. они были компактно поселены на выделенной территории по берегам р. Самары, Гусихе, Большому и Малому Урану, между Новосергеевской и Сорочинской крепостями.

Общие сведения о ставропольских и оренбургских калмыках, как правило, представлявшие собой цитирование архивных документов, нашли отражение в трудах дореволюционных авторов [1–4]. В советской историографии крещеным калмыкам не уделялось особого внимания. Исключение составляют несколько книг Т. И. Беликова, посвященные участию ставропольских крещеных калмыков в войнах России и восстании Емельяна Пугачева [5–7]. Наиболее плодотворным в плане изучения истории крещеных калмыков Среднего Поволжья и Южного Урала стал современный период, начавшийся после распада Советского Союза в 1992 г. Последние три десятилетия ознаменовались выходом в свет как обобщающих монографий [8, 9], так и обширной статейной литературы, посвященной различным аспектам истории Ставропольского калмыцкого войска – его военно-административному устройству [10, 11], христианизации калмыков [12, 13], а также вопросам народного образования, здравоохранения и хозяйственного развития их поселения [14–16]. Наименее изученной в силу недостатка источников остается история калмыков-казачков Оренбургского казачьего войска середины и второй половины XVIII в. [17, 18].

Крещение и последующее переселение калмыков в Оренбургский край имело, однако, и обратное, негативное для российского государства последствие. Оно выражалось в стремлении части крещеных калмыков к возвращению в Калмыцкое ханство, в родные для них кочевья. В правительственных кругах побег крещеных калмыков обычно объяснялись «ветреностью» и

«легкомыслием» степных народов. Действительно, крещеные калмыки часто поддавались на уговоры родственников, соседей и прочих заезжих из Калмыцкого ханства агитаторов. Но для восприятия подстрекательства как руководства к возвращению к родным пенатам имелись и более веские, объективные обстоятельства. Поселения крещеных калмыков располагались в более суровых климатических условиях по сравнению с находившимся в низовьях Волги Калмыцким ханством. Первому поколению калмыцких поселенцев в зимнее время приходилось учиться жить в крестьянских избах, заготавливать впрок дрова и сено. К тому же, пусть и без особого успеха, их пытались принуждать к земледельческому труду. Весьма обременительной для калмыков была и обязанность по несению военной службы по охране пограничных линий. Так что откочевка обратно в Калмыцкое ханство могла восприниматься ставропольскими и оренбургскими калмыками как возвращение к былой и, как им могло казаться, вольной жизни в приволжских степных просторах.

Хронологические рамки противодействия побегам оренбургских и ставропольских крещеных калмыков в Калмыцкое ханство логично укладываются в период с 1737 по 1771 г. – со времени основания Ставропольского поселения крещеных калмыков на Средней Волге и до ликвидации Калмыцкого ханства после откочевки значительной части волжских калмыков в Китай, где они надеялись поселиться на пустующих землях разоренного китайцами Джунгарского ханства.

Источниками для исследования главным образом послужили материалы из фонда 36 (Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе) Национального архива Республики Калмыкия и фонда 3 (Оренбургская губернская канцелярия) Объединенного государственного архива Оренбургской области. Некоторые документы из этого фонда были опубликованы в первом томе тематического сборника «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.».

Нежелание крещеных калмыков покидать нижневолжские степи стало очевидным, когда их в 1737 г. начали собирать в Астрахани и других низовых городах для отправки к новому месту жительства. 29 сентября назначенный командиром над крещеными полковник А. И. Змеев принял в Саратове собранных воеводой, полковником В. П. Беклемишевым, 2014 калмыков обоего пола [1, с. 515]. По имевшимся в Коллегии иностранных дел сведениям, на Нижней Волге в то время проживало не менее 5,5 тыс. крещеных калмыков [19, л. 13 об.]. В качестве одной из основных причин шестидесятипроцентного недобора крещеных калмыков астраханский обер-комендант, бригадир А. Т. Унгерн объяснял развернутое зайсангом Матвеем Гелдеем подстрекательство к их возвращению обратно в степи. В итоге от Астрахани откочевали 532 кибитки (семьи) крещеных калмыков, а в Саратов было отправлено всего 267 человек [20, л. 145–147].

Напрасно калмыцкая крещеная княгиня Анна Тайшина при посредничестве самой императрицы Анны Иоанновны пыталась добиться передачи ей крещеных калмыков, состоявших в улусе ее покойного мужа Петра Тайшина. По ее мнению, их насчитывалось не менее тысячи кибиток [21, л. 4]. На правительственные запросы хан Дондук-Омбо отвечал, что «с теми кривцами и ворами не советовался и им к себе приходиться не велел». Но обещал, что если

они к нему прикочуют, то сообщит в тот же день [21, л. 99–99 об.]. Естественно, оставаясь в Калмыцком ханстве, под влиянием своих нойонов и буддийского духовенства крещеные калмыки забывали о христианстве и вновь становились буддистами.

Однако российское правительство не собиралось отступить от принятого решения поселить всех крещеных калмыков в Среднем Поволжье. 6 июня 1747 г. Контора татарских и калмыцких дел информировала астраханского губернатора И. А. Брылкина о полученном годом ранее секретном указе. Этим нормативным актом астраханским чиновникам предлагалось придерживаться выжидательной тактики: «Беглых крещеных калмык из улусов некрещеных калмык не отбирать и от владельцев формально не требовать, дабы от того калмыцкой народ не мог притти в смятение, а ловить оных крещеных, когда они зачем в который город приедут, и держать под караулом, пока они из улусов вывезут жен и детей своих, и по вызове отсылать в Ставрополь» [22, с. 173–174].

Деятельность российских властей по противодействию побегам крещеных калмыков за пределы определенных под их поселение территорий получила нормативное закрепление и начала осуществляться после передачи Ставрополя-на-Волге в состав Оренбургской губернии. В ней прослеживались два тесно связанных между собой направления. Первое заключало в себе меры предупредительного и надзорного характера. Содержание второго составляли мероприятия по выявлению, задержанию и возвращению беглых калмыков. Начнем с первого.

Указом Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыках» определялся круг лиц, призванных следить за перемещением и контактами ставропольских калмыков с посторонними лицами. На низовом уровне «попечение и смотрение» возлагалось на управлявших улусами владельцев (нойонов) и зайсангов. Они были вправе давать разрешение на поездки рядовых калмыков в пределах Ставропольского ведомства. Если возникала необходимость дальнейшей поездки за пределы ведомственной территории, владелец улуса направлял представление градскому командиру – коменданту Ставропольской крепости. В том случае, когда комендант соглашался с необходимостью поездки, просителю выписывался паспорт [22, с. 135–136] с указанием, куда и на какой срок отпущен.

На ставропольского коменданта также возлагалась обязанность выявления контактов между крещеными и некрещеными калмыками. Согласно пункту 15 «Правил», используя подчиненных, он должен был «разведывать, чтоб никакие шпионы, а особливо от некрещеных калмык, для возмущения или для каких противных внушений вкрадываться к ним [крещеным калмыкам] не могли» [22, с. 142]. В случае выявления тайно проникавших в Ставрополь или в калмыцкие улусы некрещеных калмыков их следовало немедленно задержать, допросить, «от кого и зачем подосланы», и, не удерживая в Ставрополе, отправлять в Оренбургскую губернскую канцелярию. Если же побег предотвратить не удавалось, то комендант должен был поставить в известность «все ближайшие Оренбургской губернии команды». Задержанные крещеные калмыки направлялись обратно в Ставрополь. Зачинщиков

и предводителей беглецов после выявления или поимки предписывалось содержать в Ставропольской крепости или конвоировать в Оренбург [22, с. 143].

Обстоятельство, способствовавшее побегам ставропольских крещеных калмыков, первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев не без основания усматривал в их неконтролируемых контактах с некрещеными калмыками. Повод для беспокойства дал рапорт, представленный 15 сентября 1750 г. Ставропольской канцелярией. В нем говорилось о задержании при переправе через р. Сок шестерых некрещеных калмыков. На допросе они показали, что с письмом от владельца их улуса Бабара и с разрешения Астраханской губернской канцелярии ездили в Яицкий городок за некрещеными калмыками. Затем, что вызвало подозрение, из Яицкого городка с паспортом «калмыцкого письма» были отпущены в Ставропольское ведомство для свидания с родственниками. Задержанные в сопровождении конвойной команды, состоявшей из капрала, солдата и трех отставных драгун, были отправлены к р. Самаре и далее выпровожены в степь. На полпути, в урочище Крутой Баярак, конвоируемые освободились от ножных колодок и напали на конвойную команду. Капрала и солдата они связали, а отставных драгун побили. Затем с отобранными шестью лошадьми, деньгами и прочими пожитками, отобранными у незадачливых конвоиров, скрылись из виду.

Губернатор И. И. Неплюев поставил на вид чиновникам Ставропольского ведомства серьезные просчеты в выполнении должностных обязанностей, предусмотренных п. 15 «Правил содержания и управления Ставропольской крепости». Во-первых, губернатор задавался вопросом, как могло случиться, что шестеро посторонних некрещеных калмыков целый месяц прожили в улусах ставропольских калмыков без ведома Ставропольской канцелярии. Во-вторых, сам факт тайного пребывания некрещеных калмыков должен был вызвать обоснованное подозрение: не шпионы ли они и «не для вымышленного им, крещеным [калмыкам], какого наущения приезжали»? В-третьих, если все же подозрение в «злых умыслах» вызывали, то почему их отправили в степь при малочисленном конвое, не поставив в известность Оренбургскую губернскую канцелярию [22, с. 184–185]?

Ставропольской канцелярии было предписано произвести расследование. Для предупреждения подобной ситуации Канцелярия должна была публично растолковать крещеным калмыкам, чтобы они под страхом наказания ни под каким видом без ее разрешения некрещеных калмыков не принимали даже с выписанными их владельцами паспортами. Тогда же был поставлен вопрос об устройстве и содержании в летнее время форпостов по р. Самаре. Через два года, 22 апреля 1752 г., высочайший указ об учреждении таких форпостов был получен в Оренбургской губернской канцелярии и на следующий день с пояснениями отправлен в Ставрополь [22, с. 186–188].

Российское правительство понимало, что полностью запретить родственные контакты крещеных и некрещеных калмыков попросту невозможно. Поэтому ставилась задача их максимальной регламентации и контроля. В донесении состоявшего при калмыцких делах подполковника Ивана Кишенского, полученном в Оренбурге 6 июня 1768 г., утверждалось, что никто из ордынских калмыков без письменного разрешения наместника Калмыцкого ханства Убаши и особенно его, Кишенского, в Оренбург и Ставрополь ездить не должны, «в чем уже желаемый успех происходит». Перед тем как

выписать паспорт, состоявший при калмыцких делах чиновник требовал от некрещеных калмыков подписку, что они не будут подговаривать крещеных калмыков к побегу в свои улусы. В Ставрополе они должны были явиться к ставропольскому коменданту, уведомив его сначала о приезде, а затем и об отъезде в Калмыцкое ханство. Тех его подопечных, кто приезжал в Ставрополь без удостоверяющих документов, И. Кишенской просил: «...не допуская до свидания с крещеными калмыками, тотчас высылать оттуда обратно, не приемля от них никаких объяснений... чем всемерно побегу из Ставрополя и из Оренбурга прекращены будут» [23, л. 63 об. – 64].

Однако ни угроза наказания, ни опасение быть захваченными на речных переправах были неспособны прервать контакты между крещеными и некрещеными калмыками. Регулярность таких неконтролируемых контактов была установлена в связи с конфликтной ситуацией, возникшей вокруг торговли лошадьми, которых ежегодно пригоняли в Самару некрещеные калмыки из улуса нойона Бамбара. На них было подано сразу две жалобы.

Первая от жителей Самары была представлена в донесении Самарского магистрата. Городские обыватели выражали недовольство по поводу угона их скота возвращавшимися с самарского торгового кочевыми калмыками. Второе донесение в Оренбургскую губернскую канцелярию губернатору А. А. Путятину было направлено от Трифона Бочарникова, поверенного содержателя питейных и прочих сборов, коллежского ассессора Петра Хлебникова. Т. Бочарников сетовал на убытки, которые претерпевал его доверитель, не получавший положенного ему с 1767 г. процента со сбора продаваемых калмыками лошадей.

В обоих донесениях акцентировалось внимание на беспрепятственном общении приезжавших по торговым делам в Самару некрещеных и крещеных калмыков. Самарские обыватели добивались запрета для некрещеных калмыков появляться даже в окрестностях их города. Веским основанием к такому запрету должно было стать указание городского магистрата, что «те волжские калмыки находят способ крещеных калмык в предосуждение христианскому закону подговаривать и о побеге в их орду, что де уже и в самом деле и неоднократно быть случалось» [23, л. 105].

Т. Бочарников и вовсе засвидетельствовал факт самовольных поездок ставропольских крещеных калмыков в Калмыцкое ханство. Из его донесения следовало, что крещеные калмыки получали в Ставропольской канцелярии паспорта, разрешавшие им поездку для занятия торговлей в Яицкий городок. Но вместо поездки на Яик они переправлялись через р. Самару и уходили в Калмыцкое ханство. Домой ставропольские калмыки возвращались с купленными в ханских кочевьях лошадьми, за приобретение которых, к досаде П. Хлебникова, не платили установленных пошлин [23, л. 107 об.].

В ходатайствах просителей оренбургский губернатор усмотрел грубое нарушение законодательства, требовавшего не допускать ни под каким видом сообщения крещеных и некрещеных калмыков. Губернатор потребовал, чтобы самарские обыватели прекратили меновую торговлю с калмыками. В противном случае им грозила конфискация всего выменянного и подлежащего к мене товара. Ставропольской канцелярии предписывалось через И. Кишенского сообщить калмыцкому владельцу, люди которого приезжали

на самарский торг, чтобы больше они к Самаре не приближались и без разрешения торговлей не занимались [23, л. 110–112].

Приведенные выше распоряжения правительства и Оренбургской губернской администрации, нацеленные на изоляцию ставропольских крещеных калмыков, были реакцией на повторяющиеся из года в год побегі представителей этой этноконфессиональной группы калмыков к соплеменникам в Калмыцкое ханство.

23 января 1752 г. состоявший в то время в Астрахани при калмыцких делах полковник Н. Спицын получил из Оренбурга от бригадира А. И. Тевкелева письмо, содержащее сведения о калмыках, сбежавших из ставропольского поселения. За четыре года – с 1748 по 1751 г. – таковых набралось четырнадцать человек, а именно: в октябре 1748 г. совершили побег четверо братьев с матерью и «одной женкой». С собой они увели сто лошадей. В июле 1750 г. в калмыцкие степи ушли Иван Таки, Иван Олзон и Наталья Ульмжея. Ими было угнано шесть лошадей. 24 сентября 1751 г. их примеру последовали Иван Намки Шарап с десятилетней дочерью, Давыд Эренцен и Михайло Хорулчи. Последние увели двенадцать лошадей [24, л. 21].

Самое раннее документированное известие о бегстве крещеных калмыков из Ставропольского ведомства, отложившееся в фонде Оренбургской губернской канцелярии, датируется 1748 г. Судя по реакции на него со стороны оренбургских и ставропольских чиновников, оно действительно было первым в череде подобных происшествий. 27 октября Ставропольская канцелярия направила в Оренбург донесение о рапорте, полученном от провиантмейстера Красноярской крепости Тимашева. В нем говорилось о бегстве из кочевавшего по соседству с Красноярской крепостью улуса вдовы Никиты Дербетева трех калмыков Гаврилы Лузанга, Гаврилы Ходы и Гаврилы Джачи с женами. Ими были угнаны 90 соседских лошадей. Уходя, они бросили кибитки и двух малолетних сыновей. В погоню за беглецами Тимашев направил есаула Федора Солома с пятнадцатью калмыками. Задержать беглых калмыков не удалось. Их след, как это будет случаться и позднее, терялся на переправе через р. Самару. В спешке преследуемые бросили 39 лошадей – 33 чужих и 6 собственных, а также вывезенную ими вдову Наталью Улем [25, л. 38].

В приведенных документах бросается в глаза явное несоответствие состава и количества беглых крещеных калмыков, а также количество угнанных ими лошадей. Возможно, список, представленный бригадиром Тевкелевым, был более точным, так как составлен четырьмя годами позднее. В данном случае более важной представляется реакция властей.

В коллегиальном органе калмыцкого войскового самоуправления, Калмыцком суде, по общему согласию присутствующих членов было определено в местах проживания крещеных калмыков от каждых десяти кибиток выбирать из достойных и надежных людей одного десятского. Два раза в день – утром и вечером – он должен был посещать кибитки своих подопечных и ежедневно докладывать об их поведении ротным чиновникам. На калмыцких войсковых старшин возлагалась обязанность «разведывать, не имеет ли кто худого согласия и намерения». Выявленных злоумышленников следовало без промедления отправлять в Ставропольскую канцелярию. Тем же постановлением для рядовых калмыков вводилась круговая порука [26, л. 47].

Поиск скрывавшихся в Калмыцком ханстве крещеных калмыков Н. Спицын поручил русским дворянам, состоявшим на службе при дербетских и торгоутских улусах. От одного из них – С. Везелева – он узнал о появлении в Дербетевом улусе семи сбежавших из Ставрополя крещеных калмыков и двух женщин, которые пригнали с собой восемьдесят краденых лошадей. Выдачи указанных беглецов полковник Спицын требовал от вдовы хана Дондук-Омбо, покойный муж которой передал их во владение гелунгу Норме [26, л. 23–24]. Какие-либо известия о возвращении этих перебежчиков из Калмыцкого ханства обратно в Ставрополь до настоящего времени не обнаружены.

Расследование связанных с побегами обстоятельств явно указывало, что их организаторов следует искать в правящих кругах Калмыцкого ханства. По данной полковнику Спицыну ориентировке, побегам 1748–1750 гг. предшествовал приезд в Ставрополь двух некрещеных калмыков, получивших отпуск от наместника Ханства Дондук-Даши. В случае же побега Ивана Намки Шарапа удалось даже установить имя подстрекателя. Им оказался побывавший в Ставрополе в 1751 г. калмык Ракба Джама, наказание для которого Н. Спицын должен был требовать от наместника Калмыцкого ханства [27, л. 23–24].

Вопреки принимаемым властями мерам бегство с годами только усиливалось. По ведомости, составленной комендантом Оренбургской крепости генерал-майором Писаревым, в 1763 г. беглых калмыков в Оренбургском и Ставропольском войсках насчитывалось 52 человека, из них 42 мужчины и 10 женщин. В 1765–1766 гг. Оренбургский губернатор, князь Путятин рапортовал о 68 побегах.

Групповые побеги фиксировались в местах проживания и оренбургских крещеных калмыков. 10 апреля 1767 г. оренбургскому атаману подполковнику Василию Могутову был направлен ордер, в котором на основании рапорта командира самарской инстанции майора Иванова сообщалось о бегстве двадцати оренбургских казаков-калмыков. Они бежали в ночь на 3 апреля из располагавшегося на р. Гусихе калмыцкого кочевья, бросив семьи и кибитки. Состоявший командиром над оренбургскими калмыками, хорунжий Илья Басан с небольшой командой начал преследование бежавших. Преодолев 80 верст, Басан нагнал беглецов и даже окружил их, но в силу превосходства противника в бой вступить не решился. Направленные к нему в поддержку двадцать казаков из Сорочинской крепости, очевидно, прибыли с опозданием. В качестве назидания оренбургский губернатор распорядился: «скот и пожитки беглецов продать аукционным порядком» и о принятом решении публично известить всех оренбургских калмыков. Отвечая на запрос Оренбургской губернской канцелярии о розыске этих калмыков в Калмыцком ханстве, подполковник И. Кишенской пояснил, что причина побегов крещеных калмыков кроется в предоставлении им пристанища в улусах некрещеных калмыков [28, л. 1–3].

В дело вмешалась сама императрица. Свои претензии Екатерина II выразила в личном послании к наместнику Калмыцкого ханства Убаше. Наместнику ставилось в вину, что «калмыки из Ставропольского и Оренбургского ведомства в улусы беспрепятственно бегают и такие побеги время от времени умножаются... Для того особливо не только во всех улусах

принимают, но еще и подговоры им делаются через подсылаемых нарочных, под притворством свидания с родственниками. Хотя напротив того, беглые из калмыцких улусов везде в городах отыскиваются и обратно отдаются». В конце письма содержалось требование: «Всех беглых крещеных калмыков отыскивать и возвращать». В противном случае царица грозилась прибегнуть к баранте — захвату заложников, угону скота, уничтожению принадлежащего калмыкам имущества [26, л. 223–225].

Зимой 1768 г. в Оренбурге от подполковника И. Кишенского было получено обнадеживающее донесение. Состоявший при калмыцких делах чиновник рапортовал о задержании в калмыцких улусах 87 беглых крещеных калмыков с женами и детьми. Содержались они кочевьем в находившейся недалеко от Саратова Енотаевской крепости под караулом. Задержку с их отправкой И. Кишенской объяснял кочеванием ордынских калмыков в зимнее время на луговой стороне Волги. Подполковник опасался, что в пути крещеные калмыки могут быть отбиты родственниками или сами смогут найти способ к побегу. Он предлагал дожидаться весны, когда местные калмыки откочуют от Волги и тогда уже «за ненадежным присмотром» отправить беглых крещеных калмыков в Оренбург [29, л. 66 об.]. Сведения о дальнейшей судьбе собранных в Енотаевской крепости крещеных калмыков в архивном деле отсутствуют.

Тяжелым испытанием и настоящим бедствием для калмыцкого народа обернулось решение наместника Калмыцкого ханства Убаши и поддержавших его нойонов об уходе из пределов России в Джунгарию и принятии там китайского подданства. Первое известие о движении многочисленной калмыцкой орды к Яику командовавший войсками Оренбургского корпуса генерал-майор И. К. Давыдов направил оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу 5 января 1771 г. [23, л. 1]. В следующем донесении говорилось уже о переправе 10 января калмыков «в немалом числе» через р. Яик между форпостов Красных яров и Хавкина на степную сторону [29, л. 67].

Однако губернатор И. А. Рейнсдорп, по его собственному признанию, до получения 23 января от полковника И. Кишенского и царицынского коменданта полковника Циплетева подтверждающего уведомления о намерении калмыков выйти из российского подданства «по многим резонам за вероятное не почитал» [29, л. 112]. В итоге действия, предпринятые оренбургской администрацией, оказались запоздалыми. Задержать основную массу калмыков посланным по их следу войскам не удалось.

Не мог не обеспокоить оренбургского губернатора и тот факт, что ханским резидентам удалось склонить к побегу, а в каких-то случаях принудить некоторую часть служилых и отставных яицких казаков калмыков. 20 января, как говорится в таких случаях, по горячим следам в войсковой канцелярии Яицкого войска был составлен реестр ушедших с войсковой территории яицких калмыков. В нем указаны имена 18 служилых казаков, 5 отставных казаков с женами и детьми и еще 11 калмыков, в разные годы присоединившихся к Яицкому войску и на войсковой территории кочевавших [29, л. 55]. Уходившие в спешке калмыки бросали скот, лошадей и служившие им домом кибитки.

Вслед за яицкими калмыками могли побежать ставропольские и оренбургские крещеные калмыки. Губернатор И. А. Рейнсдорп и чиновники его

канцелярии не исключали такого оборота событий и, надо отдать им должное, сумели его предотвратить. Ставропольской канцелярии было направлено предписание над находящимися в ее ведомстве волжскими крещеными калмыками и подселенными к ним в 1750–1760-е гг. крещеными джунгарами обеспечить «самострожайшую предосторожность», чтобы не было у них никаких контактов с ханскими лазутчиками. Для наблюдения за ставропольскими калмыками предлагалось привлекать надежных осведомителей, «через которых бы всякой час поступки их, калмык, смотрены и разведываны прилежно были» [29, л. 2 об.].

Подозрение Ставропольской канцелярии вызвали прибывшие из ведомства «Калмыцких дел» И. Кишенского зенгорский нойон «дербетева роду» (вероятно, из Дербетева улуса – *С. Д.*) Нормо Даженко и из тех же дербетов рядовая калмычка Орабшина. Оба объявили желание воспринять православие. Ставропольские чиновники усомнились в искренности Нормо Даженко. 19 января Ставропольская канцелярия направила оренбургскому губернатору рапорт, в котором говорилось, что калмыцкий владелец может оказаться специально подосланным: «...для возмущения и подговору к последованию себе на равный побег и ставропольских калмык... Ибо не может стать, чтоб сей владелец о предприятиях той Волжской орды, как недавно отлучившийся, не знал». В ответном послании губернатор И. А. Рейнсдорп дал указание установить за Нормо Даженко негласное наблюдение и постараться выяснить его истинные намерения [29, л. 5].

Преследование и задержание ставропольских крещеных калмыков, если кто-то из них или какая-то их часть все же решились бы присоединиться к бежавшим из России калмыкам, возлагались на казаков, несших службу на Самарской дистанции.

Не остались без внимания губернатора и оренбургские крещеные калмыки. В составе Оренбургского тысячного полка из казаков-калмыков комплектовалась отдельная рота. Для преследования перебравшихся через Яик волжских калмыков была сформирована команда из 500 оренбургских казаков во главе с полковником А. А. Углецким. 31 января атаман Оренбургского казачьего войска В. И. Могутов рапортовал И. А. Рейнсдорпу об отстранении из команды Углецкого 89 крещеных калмыков. Вместо них были отправлены в поход резервные казаки из самарских дистанционных крепостей [29, л. 5].

Об эффективности мер, направленных на противодействие побегам оренбургских и ставропольских крещеных калмыков, нельзя судить однозначно. Побег крещеных калмыков в Калмыцкое ханство продолжались вплоть до его ликвидации в 1771 г. Более того, фиксировалось их увеличение. В то же время даже к концу 1760-х гг. в улусах у некрещеных владельцев скрывалось чуть более восьмидесяти крещеных калмыков, выявленных чиновниками, состоявшими при калмыцких делах. В совокупности они составляли менее одного процента от списочного состава ставропольских крещеных калмыков.

Поездки крещеных калмыков за пределы отведенных им территорий допускались исключительно по письменному согласию ставропольского коменданта. В улусах вводилась круговая порука, предусматривавшая коллективную ответственность за побег соседей и родственников. На переправах

через реки устанавливались форпосты. Отслеживались контакты между крещеными и некрещеными калмыками.

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения. Но на вопрос, как могла сложиться судьба крещеных калмыков без административного надзора за их контактами и перемещениями, она все же дала однозначный ответ. В январе 1774 г., когда Ставрополь и его округа оказались в эпицентре пугачевского восстания, сподвижник Е. И. Пугачева, войсковой квартирмейстер Федор Дербетев, увел всех крещеных калмыков, включая женщин и детей, к Яицкому городку. После подавления восстания и наведения порядка оренбургские и ставропольские калмыки были возвращены к местам их прежнего жительства. Побег крещеных калмыков стали фиксироваться значительно реже, а если случались, то беглецов, как правило, задерживали где-нибудь в Сибири, по пути к китайской границе.

Список литературы

1. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : ист. моногр. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. Вып. 1–2. 616 с.
2. Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : Тип. К. Крайя, 1834. 310 с.
3. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии (Сочинение П. И. Рычкова 1762 года). Оренбург : Императорское Русское Географическое Общество – тип. Б. Бреслина, 1887. 405 с.
4. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки. Оренбург : Типо-лит. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1884. 324 с.
5. Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста : Калмиздат, 1965. 179 с.
6. Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста : Калмиздат, 1971. 167 с.
7. Беликов Т. И. Ф. И. Дербетев – сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1978. 104 с.
8. Джунджужов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 424 с.
9. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М. : Восточная литература, 2006. 207 с.
10. Рахимов Р. Н. Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 5. С. 1115–1127. doi: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127
11. Ряжев А. С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г. // *Былые годы*. 2020. № 58 (4). С. 2356–2364. doi: 10.13187/bg.2020.4.2356
12. Цюрюмов А. В., Курапов А. А. Христианизация калмыков в российско-калмыцком взаимодействии в конце XVII – середине XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого университета*. 2020. № 4 (48). С. 38–45.
13. Якунин В. Н. Распространение православия среди калмыков в конце XVII – первой половине XVIII вв.: культурно-исторический анализ // *Вестник славянских культур*. 2022. Т. 63. С. 21–43. doi: 10.37816/2073-9567-2022-63-21-43
14. Артамонова Л. М. Школа для крещеных ставропольских калмыков в контексте этноконфессиональной и образовательной политики XVIII века // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. 2017. № 5. С. 575–581.

15. Джунджузов С. В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольско-го калмыцкого войска (середина XVIII века) // Новый исторический вестник. Специальный выпуск «Сибирские чтения в РГГУ». 2010. № 4 (26). С. 29–45.
16. Джунджузов С. В. Организация медицинской службы в Ставропольском калмыцком войске (30-е годы XVIII века – начало 40-х годов XIX века) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270), вып. 51. С. 12–17.
17. Джунджузов С. В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // Родина. 2014. № 10. С. 110–112.
18. Джунджузов С. В. Семен Хошоутов: история мятежного калмыцкого нойона, ставшего полковником и командиром оренбургских казаков-калмыков // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. : в 2 т. (г. Оренбург, 31 марта – 2 апреля 2022 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2022. Т. 2. С. 118–124.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3. Кн. 140.
20. Национальный архив Республики Калмыкии (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 90.
21. РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6.
22. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. : документы и материалы : в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Ряжев ; сост.: С. В. Джунджузов, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырова. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.
23. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 89.
24. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 235.
25. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12.
26. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87.
27. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 221.
28. РГАДА. Ф. 822. Оп. 1. Д. 3.
29. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.

References

1. Vitevskiy V.N. I.I. *Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.: ist. monogr. = Neplyuev and Orenburg region in its former composition until 1758: historical monograph*. Kazan: Tipo-lit. V.M. Klyuchnikova, 1897;(1–2):616. (In Russ.)
2. Nefed'ev N.A. *Podrobnnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym = Detailed information about the Volga Kalmyks, collected on site by N. Nefedyev*. Saint Petersburg: Tip. K. Krayya, 1834:310. (In Russ.)
3. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii (Sochinenie P. I. Rychkova 1762 goda) = Topography of the Orenburg province (Essay by P.I. Rychkov, 1762)*. Orenburg: Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo – tip. B. Breslina, 1887:405. (In Russ.)
4. Starikov F.M. *Otkuda vzyalis' kazaki = Where did the Cossacks come from?* Orenburg: Tipo-lit. I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo, 1884:324. (In Russ.)
5. Belikov T.I. *Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashey Rodiny (XVII – nachalo XIX vv.) = Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (17th – early 19th centuries)*. Elista: Kalmizdat, 1965:179. (In Russ.)
6. Belikov T.I. *Uchastie kalmykov v Krest'yanskoy voyne pod rukovodstvom E.I. Pugacheva (1773–1775 gg.) = Participation of Kalmyks in the Peasant War under the leadership of E.I. Pugachev (1773–1775)*. Elista: Kalmizdat, 1971:167. (In Russ.)
7. Belikov T.I. *F.I. Derbetev – spodvizhnik E.I. Pugacheva = Derbetev is an associate of E.I. Pugacheva*. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1978:104. (In Russ.)

8. Dzhundzhuzov S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka) = Kalmyks in the Middle Volga and South Urals: imperial mechanisms of cultural acquisition and the problem of preserving ethnic identity (mid 30s of the 18th century – first four decades of the 20th century).* Orenburg: Izdat. tsentr OGAU, 2014:424. (In Russ.)
9. Orlova K.V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. = The history of christianization of Kalmyks: mid-17th century – early 20th century.* Moscow: Vostochnaya literatura, 2006:207. (In Russ.)
10. Rakhimov R.N. Military service as a factor in the integration of Bashkirs and Kalmyks into the imperial space in the 18th – first half of the 19th century. *Oriental Studies.* 2023;16(5):1115–1127. (In Russ.). doi: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127
11. Ryazhev A.S. The command staff of the Stavropol Kalmyk army in the military and religious policy of the state: from the Seven Years' War to the era of 1812. *Bylye gody = Past years.* 2020;(58):2356–2364. (In Russ.). doi: 10.13187/bg.2020.4.2356
12. Tsyuryumov A.V., Kurapov A.A. Christianization of Kalmyks in Russian-Kalmyk interactions in the late 17th – mid-18th centuries. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University.* 2020;(4):38–45. (In Russ.)
13. Yakunin V.N. The spread of orthodoxy among Kalmyks in the late 17th – first half of the 18th century: a cultural and historical analysis. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Herald of slavic cultures.* 2022;63:21–43. (In Russ.). doi: 10.37816/2073-9567-2022-63-21-43
14. Artamonova L.M. School for baptized Stavropol Kalmyks in the context of ethno-confessional and educational policy of the 18th century. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya = Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times.* 2017; (5):575–581. (In Russ.)
15. Dzhundzhuzov S.V. Land allocation and land use of the Cossacks of the Stavropol Kalmyk army (mid-17th century). *Novyy istoricheskiy vestnik. Spetsial'nyy vypusk «Sibirskie chteniya v RGGU» = New Historical Bulletin. Special issue “Siberian Readings at RSUH”.* 2010;(4):29–45. (In Russ.)
16. Dzhundzhuzov S.V. Organization of medical service in the Stavropol Kalmyk army (1730s – early 1940s). *Vestnik Chelya-binskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: History.* 2012;(16):12–17. (In Russ.)
17. Dzhundzhuzov S.V. “They are steppe people and not yet perfect in faith...” The Orenburg trace in the baptism of Kalmyks. *Rodina = Homeland.* 2014;(10):110–112. (In Russ.)
18. Dzhundzhuzov S.V. Semyon Khoshoutov: the story of a rebellious Kalmyk noyon who became a colonel and commander of the Orenburg Kalmyk Cossacks. *Odinnadtsatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sb. statey Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.: v 2 t. (g. Orenburg, 31 marta – 2 aprelya 2022 g.) = The 11th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: proceedings of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference: in 2 volumes (Orenburg, March 31 – April 2, 2022).* Orenburg: Izd-vo OGPU, 2022;2:118–124. (In Russ.)
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 248. Op. 3. Kn. 140 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Item 3. Book 140. (In Russ.)
20. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykii (NARK). F. 36. Op. 1. D. 90 = National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 36. Item 1. File 90. (In Russ.)
21. RGADA. F. 819. Op. 1. D. 6 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 819. Item 1. File 6. (In Russ.)
22. Ryazhev A.S. (resp. ed.). *Volzhskie stavropol'skie kalmyki: seredina 30-kh gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v.: dokumenty i materialy: v 4 t. T. 1. Stavropol'skoe kalmytskoe voysko v seredine 30-kh – 60-e gg. XVIII v. = Volga Stavropol Kalmyks: mid-1830s – first half of the 19th century: documents and materials: in 4 volumes. Vilume 1. Stavropol Kalmyk army in the mid-30s – 60s of the 18th century.* Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2011:320. (In Russ.)

23. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 89 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 89. (In Russ.)*
24. *NARK. F. 36. Op. 1. D. 235 = National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 36. Item 1. File 235. (In Russ.)*
25. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 12 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 12. (In Russ.)*
26. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 87 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 87. (In Russ.)*
27. *NARK. F. 36. Op. 1. D. 221 = National Archives of the Republic of Kalmykia. Fund 36. Item 1. File 221. (In Russ.)*
28. *RGADA. F. 822. Op. 1. D. 3 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 822. Item 1. File 3. (In Russ.)*
29. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 114 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 114. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the authors

Степан Викторович Джунджужов

доктор исторических наук, доцент,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19)

E-mail: djund@yandex.ru

Stepan V. Dzhundzhuzov

Doctor of historical sciences,
associate professor, Orenburg State
Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.04.2024

Принята к публикации / Accepted 10.05.2024

УДК 930.85

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-3

Места памяти и мемориальная культура российской провинции в XIX – начале XX в.: историография и источники

О. А. Сухова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

savtemp@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность проблематики, связанной с сохранением, трансляцией и конструированием репрезентаций прошлого, с формированием коллективной памяти, определяется необходимостью разработки предметного поля одного из наиболее востребованных, но и дискуссионных направлений современного гуманитарного знания; а также поиском эффективных механизмов сохранения исторической преемственности и обеспечения устойчивого социального развития. Цель исследования заключается в анализе и обобщении современных концепций в сферах исследований памяти и методики источниковедческого анализа материалов, запечатлевших проявления мемориальной культуры. *Материалы и методы.* Проанализированы исследования последних десятилетий, посвященные проблемам формирования мемориальной культуры. Выбор методологического инструментария связан с теоретическими построениями memory studies, раскрывающими природу коммеморативных практик, исторических репрезентаций, темпоральности социальной жизни. Исследование выполнено на пересечении и интеграции достижений теории идентичности, истории повседневности, семиотики. Основным понятием выступает «место памяти» – средство восстановления исторического времени, «скрепа» и одновременно конструкт для формирования имперской и региональной идентичностей. Источниковая база исследования сформирована материалами делопроизводственной документации, источниками личного происхождения, периодической печатью. *Результаты.* Проанализированы результаты разработок «мнемоисторических вопросов» в зарубежной и отечественной историографии, ключевые направления развития и дискуссионные конструкты memory studies. Рассмотрена теоретическая и источниковая обеспеченность изучения состояний перехода коммуникативной памяти в коллективную, социальную и далее в культурную память в условиях российской модернизации. Важнейшим аспектом проблемы стал анализ мемориального развития российской провинции, формирования региональной памяти и идентичности в XIX – начале XX в. *Выводы.* Установлено закрепление категории «место памяти» в качестве одного из наиболее востребованных в современной исторической науке и эффективных инструментов научного познания. Выявлена потребность дальнейшей разработки таких аспектов проблемы, как когерентность места памяти и идентичности, взаимодействие конкурирующих смыслов в репрезентациях прошлого (пробелы в реальных репрезентациях прошлого, «отсутствующее знание»; воображение и «присутствующая память»), дефиниция самого понятия, факторы и специфика мемориальной консолидации общества, средства и механизмы институционализации мемориальной культуры и исторической политики. На материалах Государственного архива Пензенской области представлены примеры решения конкретных исследовательских задач.

Ключевые слова: место памяти, мемориальная культура, практики коммеморации, российская провинция, историография, источники, идентичность, Пензенская губерния, XIX – начало XX в.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Для цитирования: Сухова О. А. Места памяти и мемориальная культура российской провинции в XIX – начале XX в.: историография и источники // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 33–44. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-3

Places of memory and memorial culture of the Russian province in the 19th – early 20th centuries: historiography and sources

O.A. Sukhova

Penza State University, Penza, Russia

savtemp@yandex.ru

Abstract. *Background.* The relevance of issues related to the preservation, translation and construction of representations of the past, with the formation of collective memory, is determined by the need to develop the subject field of one of the most popular, but also controversial areas of modern humanitarian knowledge; as well as the search for effective mechanisms for preserving historical continuity and ensuring sustainable social development. The purpose of the study is to analyze and generalize modern concepts in the fields of memory research and methods of source analysis of materials that capture manifestations of memorial culture. *Materials and methods.* Research of recent decades devoted to the problems of the formation of memorial culture is analyzed. The choice of methodological tools is associated with the theoretical constructions of memory studies, revealing the nature of commemorative practices, historical representations, and the temporality of social life. The study was carried out at the intersection and integration of the achievements of identity theory, the history of everyday life, and semiotics. The main concept is the “place of memory” – a means of restoring historical time, a “brace” and, at the same time, a construct for the formation of imperial and regional identities. The source base of the study is formed by materials from office documentation, personal sources, and periodicals. *Results.* The results of the development of “mnemohistorical issues” of foreign and domestic historiography, key directions of development and discussion constructs of memory studies are analyzed. The theoretical and source support for studying the states of transition of communicative memory into collective, social and further into cultural memory in the conditions of Russian modernization is considered. The most important aspect of the problem was the analysis of the memorial development of the Russian province, the formation of regional memory and identity in the 19th – early 20th centuries. *Conclusions.* The category “place of memory” has been established as one of the most popular and effective tools of scientific knowledge in modern historical science. The need for further development of such aspects of the problem as: coherence of the place of memory and identity has been identified; the interaction of competing meanings in representations of the past (gaps in real representations of the past, “absent knowledge”; imagination and “present memory”); definition of the concept itself; factors and specifics of memorial consolidation of society; means and mechanisms of institutionalization of memorial culture and historical policy. Examples of solving specific research problems are presented using materials from the State Archive of the Penza Region.

Keywords: place of memory, memorial culture, commemoration practices, Russian province, historiography, sources, identity, Penza region, XIX – at the beginning of the XX century

Financing: the research was financed by the grant No. 22-18-20015 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

For citation: Sukhova O.A. Places of memory and memorial culture of the Russian province in the 19th – early 20th centuries: historiography and sources. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):33–44. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-3

Запечатление «образов» и «мест» как искусство памяти вслед за греками, «изобретателями всевозможных искусств», было обнаружено и описано Френсис Йейтс в исследовании 1966 г. [1, с. 6]. Вместе с тем как исследовательская традиция исследование памяти (memory studies) формируется в XX столетии, неспешно, накатными волнами отвоевывая пространство предметного поля исторической науки. Ю. А. Сафронова выделила три этапа формирования объекта, предмета и институционализации научных поисков в этом направлении: 1920–1940-е гг. (творчество Мориса Хальбвакса, Вальтера Бенямина и др.); 1980-е гг. (Й. Йерушалми, П. Нора) и первые десятилетия XXI столетия (создание журнала “Memory studies” в 2008 г. и Ассоциации исследователей памяти (“The Memory Studies Association”) в 2016 г.) [2, с. 13–31].

Ажиотажный спрос на историческую память объясняется ускорением темпоральности и исчезновением социальных групп, что вызывает разрывы репрезентаций прошлого и утрату коллективной памяти, а следовательно, потребность в восстановлении преемственности и создании «убежищ» – мест памяти – “lieux de memoire” [3, с. 17–18, 20]. Завершение «современной метаморфозы» Пьер Нора видит в постепенном сползании от мемориального к историческому, от тотема к критике, что и порождает «останки» – места памяти, предназначение которых – «остановить время» [3, с. 26, 28, 41]. В построениях автора новый конструкт проявляется в трех смыслах: материальном, символическом и функциональном [3, с. 40], что позволяет учитывать любые репрезентации прошлого в социальном восприятии (в форме мемориального объекта, города, события, книги и пр.).

«Мнемоисторические» вопросы («как мы узнаем об историческом событии и как мы вспоминаем о нем») выступают первоосновой формирования социальной идентичности, что отражает позитивное содержание мифа как аффективного усвоения прошлого [4, с. 39]. О популярности исследований, посвященных вопросам мемориальной культуры и исторической политики, свидетельствует тот факт, что работа А. Ассман «Длинная тень прошлого...» выдержала уже третье издание в «Новом литературном обозрении» (2014, 2018, 2023). Подчеркивая непреходящую значимость проекта П. Нора “lieux de memoire” – семитомного издания исследований национальных мест Франции, в котором приняли участие свыше ста ученых, А. Ассман решает проблему конструирования парадигматического общеевропейского «места памяти», а стало быть, европейской идентичности. Ориентиром исторического сознания Европы, коммуникативной памяти становится Холокост [4, с. 279, 298–299].

В отечественной историографии освоение интеллектуального наследия и формирование исследовательского интереса к проблематике исследований памяти совпадает по времени с третьей волной и включается в предметное поле культурно-интеллектуальной истории. Проблемы соотношения времени,

истории и памяти, отклики на современные тенденции теоретических и методологических поисков международного научного сообщества нашли свое отражение на страницах первых выпусков альманаха «Диалог со временем» [5, с. 5–14]. Рубрикация издания, периодически объединяющая память, историю, время, идентичность, позволяет успешно изучать процедуры «выработки общих (принятых в данной общности) значений и смыслов», рожденных «в процессе межличностной коммуникации», механизмы их распространения и передачи от поколения к поколению, «каналы трансляции памяти» [6, с. 9–13]. Ряд публикаций альманаха отражает результаты фундаментальных научных проектов, выполненных в начале 2000-х гг. под руководством Л. П. Репиной, руководителя центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук [7, с. 108].

В качестве самостоятельного направления предстает изучение общественных институций, например музеев как мест и инструментов памяти и идентичности. Период институционализации в истории развития музейного дела относят к XVIII – первой половине XX в. Иным фокусом исторической памяти в исследованиях выступают коммеморации: мемориалы, монументы, публичные праздники, юбилейные торжества, похороны и пр. [7, с. 110–111].

О. Б. Леонтьева в числе ключевых вопросов *memory studies* выделяет дефиницию «субъекта» исторической памяти, что тесным образом связано с процессом формирования (конструирования) идентичности; репрезентативность корпуса источников; расширение диапазона применяемых методов [8, с. 63–64, 66–73]. Детальный анализ российской историографии позволил автору определить важнейшие конструкты теоретических построений: смена социокультурных парадигм памяти, форм и практик коммеморации, специфика темпоральности, ритмичности и проблема сохранения структуры памяти, дискурсивный анализ памяти, отдельные компоненты содержания, стратегии развития исторической памяти [8–10].

Ускоренное «взросление» отечественного опыта мемориальных исследований объясняется утратой-обретением новой идентичности на общероссийском и региональном уровнях, острой потребностью в восстановлении нарушенного «исторического преемства». Новая стратегия исторического знания была принята безоговорочно, тиражирование коммеморативных практик и прежде всего генеалогические изыскания, казалось бы, захватили все общество без остатка. Поиск и создание новых «институций памяти» нашло свое отражение в краеведческом движении, появлении новых музеев, монументальных объектов и пр. В Пензенской области на острие мемориальной революции оказалось чествование памяти выдающегося земляка – В. О. Ключевского: к 150-летию историка были открыты музей Ключевского в Пензе и его филиал в с. Воскресеновка (1991); установлены бюст на родине ученого (1991) и памятник в областном центре (2008); стало традицией проведение научно-практических мероприятий, посвященных его личности и творчеству. Главным итогом движения стихийной коммеморации пензенского сообщества становится восстановление памятника земляку в некрополе Донского монастыря в Москве в январе 2016 г., что было приурочено к 175-летию историка [11, с. 552]. Отметим при этом и методологическую современность В. О. Ключевского: в его концепции социально-исторического процесса «людское общежитие» поддерживается двумя средствами: общением и преемством, а категории

времени и исторического предания предстают инструментами закрепления исторического наследия [12, с. 40–41].

В современной историографии монументализация рассматривается как материальное воплощение мест памяти, как процесс «наделения» ценностью, создания скреп для обеспечения целостности «цепи времен», отражение коннективной структуры общества, его бытия во времени [13, с. 499]. По мнению С. А. Еремеевой, в исторической ретроспективе имперского периода монументализация памяти рассматривается изначально через памятники военным победам: триумфальные арки, колонны, обелиски. Следующий этап усвоения коммеморативной традиции – появление гражданской инициативы – установка памятников «учителям» Слова и Языка. Не случайным и не рядовым событием становится сооружение памятника М. В. Ломоносову в Архангельске в 1829 г. Сбор средств на создание монумента был организован по всей стране, что отражает стихийный характер коммеморативных практик. Впоследствии это движение обретает новые места: памятник Н. М. Карамзину в Симбирске (1845), Г. Р. Державину в Казани (1847 г.), И. А. Крылову в Санкт-Петербурге (1855) и т.д. Торжества по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве разрывают рамки монументализации, формируя новое символическое пространство и превращая пушкинское наследие в место памяти [13].

Проблемы исторической памяти российского общества XIX – начала XX в. успешно разрабатывают О. Б. Леонтьева и С. А. Еремеева [14–16]. Так, в работе О. Б. Леонтьевой учредительным мифом, «началом времен», местом памяти пореформенной эпохи рассматривается отмена крепостного права в России [15, с. 147–148]. Титул самой «достопамятной фигуры российской истории» до 1917 г. бесспорно принадлежал Александру II Освободителю (свыше сотни монументов, несколько тысяч типовых бюстов, изготовленных по заказам крестьянских обществ). В центре внимания автора – изменение ценностного контента и ландшафта памяти о 1861 г. в сознании россиян XX и XXI в. [15, с. 148–153].

Исследователи стихийного коммеморативного движения, охватившего империю после гибели монарха, вооруженные методом Пьера Нора, разрабатывают проблемы воплощения материального, символического и функционального (учредить храм, училище, стипендию и пр.) воплощения нового места памяти, учредительного мифа эпохи модерна в российской истории [17]. С другой стороны, коммеморативные нарративы выступают маркером возникновения новых трендов региональной идентичности. Так, 30 августа 1889 г. состоялось торжественное открытие монумента памяти Александру II на Алексеевской площади в Самаре, выполненного по проекту В. И. Шервуда. Инициатором и подлинным двигателем процесса выступил городской голова П. В. Алабин, удостоенный за свои труды высочайшей благодарности. Вместе с тем в содержании нарратива угадывается определенная перекодировка смыслов. Как отмечает Н. А. Антипин, мотивацию заказчиков определяло стремление манифестировать самые передовые и не свойственные провинции устремления, примерить роль столицы как законодателя мод в монументальном искусстве (дорогостоящий проект, приглашение столичного архитектора). Имперские амбиции Алабина угадываются и в образах монументальной композиции, где помимо традиционной благодарности за либеральные реформы

нашли свое отражение воинские победы, присоединение новых территорий и панславянская тематика [17, с. 284].

По справедливому утверждению Дж. Э. Бараша, память чаще всего интерпретируется через категорию идентичности «не только личности и малых групп, но и больших групп людей» и опирается на общие представления, создаваемые при помощи «слова, образа и жеста» [18, с. 83–84]. При этом автор призывает разделять реалии прошлого опыта и «"воображение" как способ объяснения коллективной идентичности», «как способность поддерживать и оживить "образ сообщества"», «часть антропологического единства, в которое включена память», необходимое средство преобразования коллективно значимых смыслов в доступные для коммуникации [18, с. 86, 89].

Отметим при этом и отсылку к тезису о возникновении темы памяти в интеллектуальной традиции как темы модерна, что подчеркивает необходимость возвращения в эпоху надлома традиционной ментальности и акцентирует задачу поиска и интерпретации культурно-исторических факторов и обусловленных таковыми поведенческих стереотипов [19, с. 23, 28]. Познавательная ценность и перспективы разработки исследовательского поля «исторического сознания эпохи заката Российской империи» оценивается сегодня весьма высоко, а наиболее продуктивным направлением рассматриваются проблемы перехода коммеморативной инициативы от государства к обществу [7, с. 109; 16].

В этой связи заслуживает отдельного внимания вывод М. Ф. Румянцевой о «конституировании» краеведения как особой отрасли исторического знания, «призванной формировать локальную социальную память и соответственно локальную идентичность» (понятие «краеведение» появилось в академических справочных изданиях в начале XX в.) [20, с. 22]. К концу столетия тренд на актуализацию микроистории достигает своего апогея, о чем свидетельствует П. Нора: «Конец истории-памяти умножил число отдельных памятней, которые потребовали своей истории» [3, с. 33]. Наступает эра «искусственной коммеморации – целенаправленного конструирования мест памяти», роль главных инициаторов и строителей «запоминания» прочно закрепляется за органами государственной власти. Важнейшим фактором описываемого процесса указан «экзистенциальный страх национальных сообществ перед забвением» [20, с. 25; 21, с. 74, 77]. В этих обстоятельствах формируются и новые грани предмета исследований: множится арсенал средств актуализации прошлого, требует отдельного внимания мотивация и функционал произвольного выбора мемориальных объектов, нового наполнения символических значений, оценка политической конъюнктуры [21, с. 77]. Вместе с тем А. Ассман справедливо указывает на полемичность признака «инструментализации» прошлого, подчеркивая когерентность понятий «мемориальная культура» и «историческая политика», и помимо функции обеспечения легитимности коллективные воспоминания формируют чувство общности, идентичность, критичность самооценки, препятствуют появлению иных воспоминаний, а следовательно, вопрос о специфических злоупотреблениях воспоминаниями необходимо рассматривать с учетом заданного контекста [4, с. 300–301]. Диапазон взаимодействия исторической политики и памяти общества представлен в историографии весьма широко от пассивного включения до сопротивления и даже соперничества отдельных памятней [8, с. 64].

Современный инструментарий в изучении механизма формирования социальной памяти определяется посредством разработок в сфере источниковедения историографии и особенно видовой природы историографического источника [20, с. 22].

С другой стороны, гибкость концепции Нора, возможность дальнейшей разработки дефиниции мнемонических мест (прежде всего как инструмента преобразования памяти в историю, консенсуса между необходимостью помнить и стремлением к забвению; изучения взаимодействия; транслятора символических практик и ритуалов) вооружают современного исследователя универсальным методом познания процесса формирования как национальной, так и локальной идентичностей [22, с. 30–35].

Словом, «места памяти» примеряют на себя роль той самой «исследовательской оптики» (О. Б. Лентьева), что устанавливает четкость, фокусирует методологическую неопределенность, структурирует предметно-субъектную основу изучения представлений и отношения к прошлому. Особенно продуктивным выступает изучение факторов, динамики и темпоральности, специфики контента символов мемориальной консолидации общества в интеллектуальной истории общества, учредителей и носителей памяти, институций и механизмов запуска процессов коммеморации, состояний перехода (превращений) памяти коммуникативной в память социальную или культурную [4, с. 299].

В истории Российской империи XIX в. открывает конструирование Провинции, обретающей собственную историю, а следовательно, собственную память и идентичность, что делает это время чрезвычайно привлекательным для исследователей. Источники изучения регионального и локального масштабирования опыта коммемораций представлены делопроизводственной документацией, прежде всего материалами канцелярий губернатора, а также периодической печатью, мемуарной литературой [23]. Отдельные аспекты мемориальной культуры находят свое отражение в отчетной документации приходского духовенства, в текстах проповедей по случаю исторических событий [24].

Социокультурные скрепы российской провинции отражают собой процесс воспроизводства империи в миниатюре, а значит, региональная идентичность будет формироваться в следовании и одновременно в соперничестве с имперской. Положение фронта для территорий, сопредельных с историческим ядром российского государства, дополнит содержание репрезентацией империи-памяти, а учредительным мифом «внутренних окраин» выступит 1812 г. Так, в описании первых коммеморативных практик «о молебне и празднествах по случаю взятия Парижа» в Пензенской губернии (1814 г.) наблюдаем воспроизведение символики и ритуалов прославления воинских побед, освященных религиозным форматом празднеств: «молебствие с хоругвями и святыми иконами», с колокольным звоном, «триумфальные ворота» с «лаврами и гирляндами», «прозрачные картины», парад, «пальба из пушек», «безденежное» угощение «черни» вином и закуской [25, л. 8–17]. Тексты проповедей протоирея Троицкого собора г. Краснослободска Фомы Меликова по случаю издания Высочайших манифестов от 6 июля 1812 г., 6 декабря 1813 г., а также занятия Парижа и «прекращения кровопролития» (31 мая 1814 г.) представляют собой своего рода проект мемориальной

стратегии в региональном измерении: «Дети наши если умрут на поле брани, умрут со славою, умрут, защищая Отечество, защищая Веру Христову, умрут, говорю, не просто, но в надежде получить в небе венцы мученические, ибо о таковых молится святая церковь, молится Отечество, молятся и все спасенные их кровию. А как мы умрем, кто нас помянет, да и чем нас помянуть будет? Жили долго, а кроме нечестия ничего доброго не сделали. Вот нам будет какой помин от потомков наших» [24].

Столь же торжественно, масштабно и массово проходили торжества в честь столетнего юбилея Бородинского сражения в 1912 г. Так, в Пензе 25 августа в Кафедральном соборе была отслужена литургия, а по окончании оной по Александру I, «вождям и воинам, павшим в Отечественной войне – панихида». О начале празднования 26 августа возвестили орудийные залпы, вслед за которыми состоялся вынос из Кафедрального собора знамен и штандартов Пензенского ополчения 1812 г., крестный ход и парад «всем, находившимся в городе войскам, в котором участвовали ученики учебных заведений, пожарные команды и местный отряд конной стражи». Под звуки духовых оркестров город был захвачен народными гуляниями («Гуляющей публики было так много, что по аллеям сада было трудно проходить»; «Баба в платочке уверяет соседку, что “сегодня в Пензе в точности, как в Москве в Царский день”»). Вечером город был «иллюминирован разноцветными фонарями, транспарантами, вензелями, свечами, в окнах зданий, и сжиганием бенгальского огня». С самой высокой точки города – Поповой горы – масса горожан наблюдала «за фейерверком в лагерях» [26, с. 3; 27, с. 5].

Появление и закрепление инновационных коммеморативных практик в российской провинции приходится на рубеж XIX–XX вв. Так, Пензенская губерния оказалась в эпицентре стихийного движения по поминовению Василия Тимофеевича Рябова, одного из первых героев Русско-японской войны, погибшего 17 сентября 1904 г. [28, л. 23]. Информацию о смерти разведчика русское командование получило 25 сентября, и благодаря телеграфу сенсационное известие сразу же оказалось в газетах и распространилось по всей империи. В Пензенских губернских ведомостях телеграфное извещение о смерти героя было перепечатано уже 28 сентября [29, с. 2]. Местная инициатива по созданию места памяти о Василии Рябове исходила от пензенского уездного предводителя дворянства А. Н. Селиванова, направившего 7 октября 1904 г. в канцелярию губернатора ходатайство о создании комитета и об открытии подписки на устройство в память о Рябове школы в с. Лебедевке. Как известно, глава сословного управления обладал известной толикой административной автономии в пределах своего уезда и действовал в данном случае независимо от воли губернских властей. Примечательно и наименование формы коммеморации: именная «школа-памятник» [30, л. 14–14 об.]. Чествование героя было активно поддержано представителями наиболее прогрессивной части местного сообщества – руководства системы образования («по почину директора народных училищ»).

Столь очевидное в пореформенную эпоху перемещение спектра коммеморативной активности от государства к обществу отражает не только становление модерн-сознания, формирование потребности в самоидентификации посредством обретения мест памяти, но и мемориальную эмансипацию – активное освоение «дозволенного» для развития гражданских институций пространства.

Список литературы

1. Йейтс Френсис. Искусство памяти. СПб. : Университетская книга, 1996. 478 с.
2. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. doi: 10.31249/poln/2018.03.01
3. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с. URL: https://www.phantastike.com/history/frantsiya_pamyat/djvu/view/ (дата обращения: 25.04.2024).
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. 3-е изд-е. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
5. Репина Л. П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 5–14.
6. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
7. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2. С. 106–126.
8. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2016. Вып. 50. С. 59–96.
9. Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М. : ИФ РАН, 2000. 207 с.
10. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М. : Древлехранилище, 2013. 592 с.
11. Киреева Р. А. Ключевский Василий Осипович // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А–М. 2-е изд-е. Пенза : [б/и], 2019. С. 551–552.
12. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. I. Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1987. Ч. I. 430 с.
13. Еремеева С. А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : монография в честь проф. И. М. Савельевой / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Высшая школа экономики, 2012. С. 499–532.
14. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара : Книга, 2012. 448 с.
15. Леонтьева О. Б. Крестьянская реформа 1861 г. как «место памяти» в исторической культуре России // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления : материалы IX Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. В. Баранова и Е. Н. Многолетней. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 147–153.
16. Еремеева С. А. Монументальные практики коммеморации в России XIX – начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2010. С. 911–927.
17. Антипин Н. А. Мемориализация Александра II в Самаре. Провинциальный опыт создания имперского коммеморативного нарратива // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 270–286.
18. Бараш Дж. Э. О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере // Философские науки. 2011. № 2. С. 83–96.
19. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.
20. Румянцева М. Ф. Проблема коммеморации. Метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.

21. Дмитриева О. О., Туманова М. М., Широков О. Н. «Место памяти / lieux de memoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Исторический поиск / Historical Search. 2023. Т. 4, № 2. С. 73–81. doi: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81
22. Головашина О. В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34, № 1. С. 18–38.
23. Вигель Ф. Ф. Записки : в 2 кн. М. : Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с. ; кн. 2. 752 с.
24. Три проповеди протоиерея Фомы Меликова (публикация С. В. Белоусова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография : сб. материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 г. М. : Труды ГИМ, 2007. Т. VI, вып. 166. С. 284–296.
25. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 490.
26. Пензенские губернские ведомости. 1912. № 215.
27. Пензенские губернские ведомости. 1912. № 217.
28. ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146.
29. Пензенские губернские ведомости. 1904. № 268.
30. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552.

References

1. Yeyts Frensis. *Iskusstvo pamyati = The art of memory*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1996:478. (In Russ.)
2. Safronova Yu.A. Tret'ya volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti. *Politicheskaya nauka = The third wave of memory studios: 23 years against the grain*. 2018;(3):12–31. (In Russ.). doi: 10.31249/poln/2018.03.01
3. Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. *Frantsiya-pamyat' = France-memory*. Translated from the French by D. Khapaeva. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999:325. (In Russ.). Available at: https://www.phantastike.com/history/frantsiya_pamyat/djvu/view/ (accessed 25.04.2024).
4. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. 3-e izd-e = The long shadow of the past: memorial culture and historical politics. The 3rd edition*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023:328. (In Russ.)
5. Repina L.P. Time, history, memory (key issues of historiography on the 19th International Congress of Historical sciences). *Dialog so vremenem = Dialog with the time*. 2000;(3):5–14. (In Russ.)
6. Repina L.P. Historical memory and national identity. Approaches and methods of research. *Dialog so vremenem = Dialog with the time*. 2016;(54):9–15. (In Russ.)
7. Rostovtsev E.A., Sosnitskiy D.A. Directions of research on historical memory in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Saint Petersburg University. History*. 2014;(2):106–126. (In Russ.)
8. Leont'eva O.B. “Memorial turn” in modern Russian historical science. *Dialog so vremenem = Dialog with the time*. 2016;(50):59–96. (In Russ.)
9. Koznova I.E. *XX vek v sotsial'noy pamyati rossiyskogo krest'yanstva = The 20th century in the social memory of the Russian peasantry*. Moscow: IF RAN, 2000: 207 s. (In Russ.)
10. Svyatoslavskiy A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov = History of Russia in the mirror of memory. Mechanisms of formation of historical images*. Moscow: Drevlekhramilishche, 2013:592. (In Russ.)
11. Kireeva R.A. Klyuchevsky Vasily Osipovich. *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1. A–M. 2-e izd-e = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1. A–M. The 2nd edition*. Penza: [b/i], 2019:551–552. (In Russ.)
12. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. T. I. Kurs russkoy istorii = Essays: in 9 volumes. Volume 1. Course of the Russian history*. Moscow: Mysl', 1987;(pt. I):430. (In Russ.)

13. Eremeeva S.A. Stone guests: monumental memorials. *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovaniye predstavleniy o proshlom: monografiya v chest' prof. I.M. Savel'evoy* = *Historical culture of Imperial Russia: formation of ideas about the past: monograph in honor of professor I.M. Savelyeva*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012:499–532. (In Russ.)
14. Leont'eva O.B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* = *Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries*. Samara: Kniga, 2012:448. (In Russ.)
15. Leont'eva O.B. The Peasant Reform of 1861 as a “Place of Memory” in the historical culture of Russia. *Istoricheskaya pamyat' v teorii i sotsiokul'turnoy praktike: grani transformatsiy i potentsial osmysleniya: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf.* = *Historical memory in theory and socio-cultural practice: facets of transformation and potential for understanding: proceedings of the 9th International scientific conference*. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021:147–153. (In Russ.)
16. Eremeeva S.A. Monumental practices of commemoration in Russia in the 19th – early 20th centuries. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* = *Images of time and historical concepts: Russia – East – West*. Moscow: Krug", 2010:911–927. (In Russ.)
17. Antipin N.A. Memorialization of Alexander II in Samara. Provincial experience of creating an imperial commemorative narrative. *Dialog so vremenem* = *Dialog with the time*. 2022;(80):270–286. (In Russ.)
18. Barash Dzh.E. On imagination and the place of collective memory in the public sphere. *Filosofskie nauki* = *Philosophical sciences*. 2011;(2):83–96. (In Russ.)
19. Koznova I.E. Historical memory and the main trends in its study. *Sotsiologiya vlasti* = *Sociology of power*. 2003;(2):23–34. (In Russ.)
20. Rummyantseva M.F. The Problem of commemoration. Metanarrative – places of memory – renarrativization. *Dialog so vremenem* = *Dialog with the time*. 2016;(54):16–31. (In Russ.)
21. Dmitrieva O.O., Tumanova M.M., Shirokov O.N. “Place of Memory / lieux de memoire” as a mechanism for preserving the historical memory of society. *Istoricheskiy poisk / Historical Search* = *Historical Search*. 2023;4(2):73–81. (In Russ.). doi: 10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81
22. Golovashina O.V. Places of memory: between metaphor and concept. *Sotsiologiya vlasti* = *Sociology of power*. 2022;34(1):18–38. (In Russ.)
23. Vigel' F.F. *Zapiski: v 2 kn.* = *Notes: in 2 books*. Moscow: Zakharov, 2003; (bk. 1):608;(bk. 2):752. (In Russ.)
24. Three sermons of Archpriest Foto Melikov (publication by S.V. Belousov). *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: sb. materialov k 200-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 g.* = *The era of 1812. Research. Sources. Historiography: proceedings dedicated to the 200th anniversary Patriotic War of 1812*. Moscow: Trudy GIM, 2007;IV(166):284–296. (In Russ.)
25. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 490 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 490*. (In Russ.)
26. *Penzenskie gubernskie vedomosti. 1912. № 215* = *Penza provincial gazette. 1912;(215)*. (In Russ.)
27. *Penzenskie gubernskie vedomosti. 1912. № 217* = *Penza provincial gazette. 1912;(217)*. (In Russ.)
28. GAPO. F. 81. Op. 1. D. 1146 = *State Archive of Penza region. Fund 81. Item 1. File 1146*. (In Russ.)
29. *Penzenskie gubernskie vedomosti. 1904. № 268* = *Penza provincial gazette. 1904;(268)*. (In Russ.)
30. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7552 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7552*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук,
профессор, декан историко-
филологического факультета,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Olga A. Sukhova

Doctor of historical sciences,
professor, dean of the faculty
of history and languages,
Penza State University
(40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 23.05.2024

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-4

**Супружеские конфликты в повседневной жизни
провинциальной семьи во второй половине XIX – начале XX в.:
гендерный аспект**

О. В. Ванюшина¹, Ю. А. Кривошеева²

¹Научно-исследовательский институт информационных технологий
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Тверь, Россия

²Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

¹vanyushina_olesy@mail.ru, ²y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуется проблема супружеских конфликтов в провинциальных семьях. Авторами освещается широкий спектр вопросов, связанных с побоями и жестоким обращением в семьях жителей Тверской и Ярославской губерний. Поставленная проблема представляется актуальной, а изучение супружеских конфликтов в исторической ретроспективе может способствовать профилактике домашнего насилия в современных семьях. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на базе материалов государственных архивов Тверской и Ярославской областей. Авторами применяются специально-исторические и общенаучные методы исследования, а также методы, используемые при изучении истории повседневной жизни, совокупность подходов женской и гендерной истории. *Результаты.* Изучены виды домашнего насилия, а также общероссийская статистика по наказаниям за подобные преступления, выявлены основные причины жестокого обращения с женами и возможности последних защитить себя от произвола мужей. *Выводы.* Жестокое обращение в семье не было редким явлением. Большую часть периода женщина не могла официально расстаться с мужем по обозначенной причине. Изученные обращения потерпевших в различные судебные инстанции показали рост женского самосознания и эмансипации женщин в целом. Однако, несмотря на то что жестокие мужья могли получать серьезные тюремные сроки и даже отправляться на каторгу за свои преступления, чаще они получали незначительные наказания, а их жены вынуждены были смириться с жестоким обращением.

Ключевые слова: супружеские конфликты, семья, гендер, повседневная жизнь, побои, жестокое обращение, провинциальные регионы

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-78-10103 «Супружеские конфликты, методы их разрешения и предупреждения во второй половине XIX – начале XX в.», межрегиональное исследование).

Для цитирования: Ванюшина О. В., Кривошеева Ю. А. Супружеские конфликты в повседневной жизни провинциальной семьи во второй половине XIX – начале XX в.: гендерный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 45–56. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-4

Marital conflicts in the provincial families' daily life during the second half of the 19th and early 20th centuries: a gender perspective

O.V. Vanyushina¹, Yu.A. Krivosheeva²

¹Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tver, Russia

²P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

¹vanyushina_olesy@mail.ru, ²y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Abstract. *Background.* The article examines the marital conflict in the provincial families focusing on a variety of issues related to beatings and abuse took place in Tver and Yaroslavl Provinces. The discussed issue is relevant and the study of marriage conflicts in historical context can contribute to preventing domestic violence in modern families. *Materials and methods.* The study is conducted using materials from state archives of the Tver and Yaroslavl regions. The authors employ a range of historical and general scientific methods, including those used to study the history of daily life, as well as the set of approaches of women's and gender history. *Results.* The authors studied the types of domestic violence as well as the all-Russian statistics on punishments for such crimes. The main causes of abuse and the ability of the wives to protect themselves from the arbitrariness of husbands have been identified. *Conclusions.* Domestic violence was not uncommon. For most of the period women could not officially separate from their husbands because of abuse. The studied appeals of victims to various judicial authorities showed an increase in women's self-awareness and emancipation of women in general. However, despite the fact that abusive husbands could receive serious prison sentences and even be sent to hard labor for their crimes, they more often received minor punishments, and their wives had to put up with abuse.

Keywords: marital conflicts, family, gender, daily life, beating, abuse, rural provinces

Financing: the research was financed by the RSF within the research project No. 22-78-10103 "Marital conflicts, methods of their resolution and prevention in the second half of the 19th – early 20th centuries", interregional study.

For citation: Vanyushina O.V., Krivosheeva Yu.A. Marital conflicts in the provincial families' daily life during the second half of the 19th and early 20th centuries: a gender perspective. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(2):45–56. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-4

Введение

Изучение супружеских конфликтов является важной частью исследований в области семейной повседневности россиян. Неразрешенный конфликт, особенно отягощенный насилием, всегда являлся губительным для семьи, причиняя психологический и физический вред ее наименее защищенным членам. Изучение жестокого обращения с женами в прошлом может способствовать предупреждению насилия в настоящем, повышению осведомленности общества о насилии в семьях, существующем столетиями, побудить к поиску выхода из конфликта для сохранения семей, что важно в условиях современной повестки по сохранению традиционных ценностей.

Целью исследования стало изучение супружеских конфликтов в провинциальных губерниях Центральной России – причин, итогов, способов разрешения, а также изучение положения женщин в конфликте, их возможностей для самозащиты.

В дореволюционный период появились работы, освещавшие бесправное положение женщины в семье. Юристами отмечалось, что действующее законодательство не может оградить женщину от жестокого обращения близких. Данная проблема поднималась журналом «Юридический вестник» в серии статей «Бабы стоны» [1–3]. В советской историографии тема супружеского насилия не являлась приоритетной. Современную отечественную литературу стоит разделить на три группы:

- 1) исследования по проблеме жестокого обращения с женами [4–5];
- 2) литература о семейно-брачном законодательстве [6–8];
- 3) исследования проблемы супружеского насилия в контексте женской и гендерной истории [9].

Несмотря на наличие работ по теме супружеского насилия в Российской империи, данная проблема остается малоизученной, а источниковая база нуждается в расширении. Важное место здесь занимает «региональный компонент» – исследование супружеских конфликтов на материалах провинциальных регионов Европейской России рубежа XIX–XX вв., например таких типичных, как Тверская и Ярославская губернии.

Материалы и методы

В рамках исследования использовались специально-исторические и общенаучные методы исследования, а также методы, применяемые при изучении истории повседневности. Специфика исследуемого явления обусловила применение совокупности методов женской и гендерной истории, позволяющих исследовать проблему проявления жестокости в супружеских отношениях в связи с незащищенным положением женщины в семье.

Работа базируется на материалах, отложившихся в архивах Тверской и Ярославской областей.

Результаты

Ужасающие описания истязаний и побоев мужьями жен мы находим в делах окружных, волостных и мировых судов, в делах судебных следователей, духовных консисторий Тверской и Ярославской губерний. Это дела не только крестьян, но и купцов, мещан и даже чиновников.

Статья 1489 Уложения о наказаниях (УоН) делила преступления по способу причинения вреда здоровью на побои, мучения и истязания. Побои могли быть тяжкими (подвергающими жизнь опасности) и нетяжкими («удары»), которые относились к обидам и оскорблениям и наказывались по ст. 1533 и 1534 Уложения. В ст. 1491 учитывалось положение потерпевшей (беременная женщина), а в ст. 1492 – родственный статус потерпевшего (отец, мать или старшие родственники) [10]. «Мучения» представляли собой «посягательство на личность человека, которое сопровождалось мучением и жестокостью», «истязания» – «физическое насилие, сопровождающееся продолжительной степенью страдания» [11, с. 66]. Последствием подобных

преступлений могли быть три вида телесных повреждений: раны, увечья, иные расстройства здоровья. Наиболее серьезными являлись увечья, подразделявшиеся на тяжкие и менее тяжкие.

Среди крестьян битье мужем жены с целью «поучения» считалось делом обычным: «поучил» жену ремнем, жена «вынудила его дать ей нравоучение, но уже не словами, а побоями» [12, л. 10 об., 11 об.].

Среди основных причин побоев стоит выделить пьянство мужа («ведет жизнь нетрезвую и приходит домой в пьяном виде, буянит и бьет ее», «совершил преступление в состоянии полного беспамятства под влиянием запойного бреда»), жестокосердие мужа («не пьет, но имеет жестокий характер»), конфликт жены со свекровью («объяснял жене, чтобы она вела с его матерью себя достойно», «муж меня стал бить из-за того, что мать его наговаривает ему на меня, будто я ее не почитаю»), прелюбодеяние, оскорбления со стороны супруги, конфликт с тещей, имущественные споры, непокорность жены (жена «имеет вздорный характер и никому не уступчивый»), неспособность мужа к супружескому сожитию, а также полное отсутствие причины («бьет меня безо всякой причины», «муж обращается как со скотиной, бьет без вины»).

Зачастую жена могла подвергнуться побоям за небольшие провинности. Крестьянин Ярославской губернии И. Дорофеев бил жену, А. Григорьеву, по уху, хлестал уздой, бил поленом из-за ее желания надеть валяные сапоги и непокорности в ответ на мужнин запрет (возразила: «Неужели я за семь лет жизни с тобой их не заслужила?»). Истица ушла от мужа, но тот продолжал навещать ее и угрожать расправой («Вот я над тобой натешусь») [13, л. 61–62 об.].

В судебных исках женщины часто описывали систематические побои, которым подвергались со стороны мужа. Мещанка Тверской губернии Н. Иванова жаловалась на жестокое обращение на протяжении всего 19-летнего замужества. Ее соседка и сын подтвердили, что супруг постоянно пил и два года назад оставил жену с тремя малолетними детьми, не давая денег на содержание. При встречах бил жену, угрожал убить. Свидетельствовавший Н. Иванову врач пришел к заключению, что муж бил ее по голове железным замком [14, л. 3–3 об.].

В 1903 г. крестьянка Тверской губернии А. Р. Куракова, пострадавшая от перелома челюсти в результате побоев и избиений ремнем (последствия отнесли к тяжкому увечью и истязанию), детально описала побои мужа: «...подняв рубашку ударил несколько раз по спине по голому телу поленом; потом завязал рубашку вокруг горла, завязал руки около горла полотенцем и стал бить то поленом, то ремнем, то кулаком по всему телу; повалил на пол, бил ногами. Я была вся в крови, он раза четыре принимался меня бить: отдохнет немного и опять начинает. Кричать я не могла, он мне не давал: только закричу, а он меня по лицу кулаком, я и замолчу. Сколько времени он меня бил, я не знаю, но думаю, что больше часу, я совсем обессилила <...>. До этого случая он меня бил еще три раза этим летом, один раз очень сильно избил, мясо кусками было вырвано». Муж считал, что таким образом уговаривал жену не оскорблять его мать, поучал побоями «сколько ему хотелось». В конечном итоге стороны склонились к примирению и А. Р. Куракова

просила мужа к уголовной ответственности не привлекать [12, л. 5–5 об., 10–10 об., 16].

В 1870 г. купеческая жена М. Вихорева обратилась к мировому судье Твери с жалобой на мужа за неоднократное наказание розгами и нанесение побоев, отчего она преждевременно родила двух мертвых младенцев [15, л. 2].

К ссорам приводил и такой патриархальный стереотип, как требование мужа отдавать все заработанные женой деньги: «...но теперь он начал требовать, чтобы весь получаемый мною заработок я доставляла бы ему, на что конечно я не согласилась, ибо тогда принуждена была бы остаться без обуви и платья. Видя мое несогласие, муж стал требовать меня через Волостное Начальство к себе на жительство» [16, л. 44].

Имущественные споры могли приводить к дракам даже в благополучных семьях. Так, крестьянин Ярославской губернии В. Е. Поляков, несмотря на женитьбу по любви, «поколачивал» супругу из-за недовольства тещей, не желавшей отдавать имущество, предназначавшееся внуку-военному. Однажды Поляков так «истаскал» беременную жену, что та родила мертвого ребенка [17, л. 2а, 13–13 об.].

В рассматриваемый период патриархальные нравы все еще не уходили в прошлое, многие женщины продолжали терпеть побои и издевательства, соглашаясь на примирение с жестокосердным супругом. По нормам обычного права брак считался нерушимым. В судебных делах сохранилось немало примеров примирения прежде исполнения приговора. Так, дело крестьянина Н. Дроздова было прекращено Ржевским окружным судом благодаря прошению его жены, которая оправилась от побоев и истязаний и заявила, что муж мучил ее необдуманно и что она «все-таки любящая своего мужа жена и имеющая от него детей» [18, л. 4, 28].

Для некоторых женщин было достаточным, если муж давал обещание не бить ее больше. Так, во время склонения сторон к миру в ходе судебного следствия крестьянка Тверской губернии И. Евдокимова заявила, что не желает наказывать мужа, а хочет, чтобы он ее не бил и не жил с ней. Обвиняемый обещал прекратить побои, но разойтись с женой отказался [19, л. 23].

Крестьянка Ярославской губернии В. Иванова, обвинявшая мужа в жестоком обращении и истязаниях (пил, бил, угрожал убить, в том числе прокусывал истице палец, пытался воткнуть в глаз лучину), пожелала окончить дело миром в окружном суде. Без мужа Иванова не могла в одиночку заботиться о престарелом свекре и пятерых детях, один из которых был «убогим». Женщина обещала взять мужа «на поруки», просила обязать его подпиской не бить ее [20, л. 1–5, 16–16 об., 20].

Участвовавшее количество жалоб женщин на побои мужей в волостные и мировые суды, сельские сходы свидетельствует о росте женского самосознания. Ближайшей инстанцией, куда могла обратиться за защитой пострадавшая женщина-крестьянка, был волостной суд. Но, как отмечал исследователь Н. Лазовский, «волостные суды имеют еще очень патриархальный взгляд на семью» [21, с. 390]. Подобные дела старались окончить примирением супругов либо вовсе отказать, признав обвинение недоказанным. Суд мог взять с мужа подписку, что жену обижать более не будет. Так, Антоновский волостной суд Тверской губернии, рассмотрев дело по обвинению крестьянина

А. Радионова в нанесение побоев его жене И. К. Осколковой, нашел обвинение не доказанным, «если обвиняемый и бросил в жену молотком, то это обида небольшая и сделана по вынуждению самой жалобщицы...» [22, л. 7].

Рост женского самосознания способствовал тому, что часть женщин, не найдя защиты в одной судебной инстанции, обращалась в другую. Так, крестьянка Тверской губернии М. Ульянова в 1898 г. обратилась в Павлюковский волостной суд с жалобой на мужа, однако волостной суд оправдал его за недоказанностью обвинения. М. Ульянова обратилась в Ржевский уездный съезд, который на основании показаний свидетеля признал Григорьева виновным и приговорил обвиняемого к аресту на две недели [23, л. 1].

Конечно, далеко не все мужья соглашались с вынесенным наказанием, подавая апелляции в высшие инстанции. Так, крестьянин Тверской губернии В. Ефимов, заключенный на 7 месяцев в тюремный замок за нанесение тяжких побоев жене, в 1878 г. подал кассационную жалобу на приговор Ржевского окружного суда в Правительствующий сенат. Жалоба была оставлена без последствий [24, л. 30, 38–38 об.]. В Ярославской губернии встретилось несколько случаев мужских апелляций, однако суды при наличии очевидных фактов побоев вставали на сторону пострадавших. Так, А. Воронцов, арестованный при волостном правлении на 4 дня за побои, подал встречный иск к жене за оскорбления и неподчинение. Председатель суда из объяснений сторон и наружных признаков усмотрел факт избиения жены и оставил наказание в силе [25, л. 1–1 об.].

Разлад в семье приводил к тому, что женщины уходили жить к родителям, что считалось «посрамлением» семьи мужа. Родители не считали себя вправе вмешиваться в отношения между супругами. Мужья имели право требовать возвращения жены, нередко пытались применить позорящие наказания по отношению к строптивым супругам. В 1880 г. в Ржевском окружном суде рассматривалось дело о жестоком обращении крестьянина Тверской губернии П. Логинова с женой. Суд постановил обвиняемого оправдать (свидетели не подтвердили жестокого обращения, хотя на теле женщины были обнаружены следы от розг), посчитав, что причиной обращения было нежелание истицы жить с мужем. Местное сельское общество вынесло решение о возвращении жены в дом мужа. П. Логинов взял пояс и привязал руки жены, а за другой конец вел ее через всю деревню, а потом ехал на лошади, а она шла рядом [26, л. 49–50, 57].

Крестьянин Тверской губернии Ф. Егоров через волостное правление стал требовать свою жену М. Андрееву, проживавшую в разных местах по найму, к себе на жительство. Волостное Правление ограничилось отсылкой Андреевой в дом мужа. Муж же обманул сельского старосту, что его жена приговорена волостным правлением за самовольную отлучку из дома к наказанию розгами при сельском сходе. Староста в присутствии крестьян привел в исполнение мнимый приговор. Интересно отметить, что М. Андреева обратилась в Тверской окружной суд, который признал Ф. Егорова виновным в оскорблении действием жены своей и постановил подвергнуть аресту при полиции на полтора месяца [27, л. 35 об., 44]. В Ярославской губернии крестьянка М. Петрова три раза уходила к отцу по причине побоев и угроз от неспособного к сожитию мужа, из-за его агрессии и регулярного насильного

«опаивания» ее якобы целебными снадобьями. Волостной старшина, побуждая истцу жить с мужем, арестовывал ее на несколько дней при правлении [28, л. 2].

Институт раздельного жительства супругов не присутствовал в российском законодательстве вплоть до 1914 г., когда женщины получили право отказываться от совместной жизни с мужем в случае жестокого обращения, но при формальном сохранении брака [8, с. 52; 29]. Исключением являлся закон от 17 сентября 1862 г., который установил, что жены лиц, переселяемых по общественным приговорам, не обязаны были следовать за мужьями в случае жестокого обращения с ними последних [30]. Несмотря на то что жена обязана была жить с мужем, известны редкие случаи, когда должностные лица вставали на сторону потерпевшей и позволяли ей неофициальное раздельное жительство с супругом. Так, уже упоминавшаяся крестьянка Ярославской губернии А. Григорьева после ужасающей ссоры с мужем попросила сельского старосту переселить ее в дом к соседям [13, л. 61]. В деле ярославской мещанки А. М. Савельевой за 1864–1867 гг. помощник пристава 1 полицейской части взял с ее мужа подписку, которая разрешала приходить в дом к жене только для того, чтобы увидеть детей [31, л. 19].

Опасаясь агрессии со стороны мужа и понимая, что, вернувшись из заключения или получив иное наказание, супруг сможет предъявлять на них свои права, женщины пытались расторгнуть брак. Однако жестокое обращение и систематические побои не являлись официальной причиной для разводов. Одно из таких дел дошло до Святейшего синода и самой Императрицы. В 1870 г. жена коллежского регистратора О. Фредерикс ходатайствовала о разводе с мужем, лишенным за жестокое обращение с ней всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и сосланным на житье в Иркутскую губернию. Причиной обращения к Императрице стал отказ в разводе Тверской духовной консистории, которая мотивировала решение тем, что супруг истцы не был лишен всех прав состояния, просительница же не желала продолжать совместную жизнь. Прошение О. Фредерикс было оставлено без последствий [32, л. 2–4 об.].

Среди мировых и городских судей было немало тех, кто был подвержен влиянию земства и новых либеральных ценностей и в силу своих полномочий пытался оказать поддержку пострадавшим женщинам, но едва ли они могли «сделать что-либо для жалующейся» [1, с. 447], лишь подвергнуть короткому аресту их обидчиков. Например, в 1895 г. городской судья г. Бежецка признал мещанина В. М. Степанова виновным в самоуправстве против жены, выразившемся в нанесении ей побоев (свидетели удостоверили, что В. М. Степанов постоянно ругает ее, а недавно даже и поколотил), и приговорил подвергнуть его аресту на один месяц (обвиняемый был выдержан в земской арестантской) [33, л. 4, 9].

Если супруги отказывались примириться либо действие носило особо серьезный характер, то дело передавалось на следующую инстанцию – в окружной суд, где обвиняемые могли получать и реальные сроки, связанные с лишением свободы и прав состояния. Согласно статистическим данным, за период с 1880 по 1912 г. в окружных судах Российской империи по причине жестокого обращения между супругами общее число подсудимых составило 1251 человек, из них 1115 мужчин (89 %) и 136 женщин (11 %). Осуждено

окружным судом с участием присяжных или без них 755 мужчин (68 %), прочие 32 % были оправданы или освобождены от наказания. Наказание также получили 80 женщин (59 %), причем оправдано было 56 человек (41 %) из числа осужденных. Наказание уменьшено для 541 осужденного мужчины (72 %) и для 56 осужденных женщин (70 %).

Наибольшее количество мужчин получили исправительное наказание в виде заключения в тюрьму с ограничениями в правах или без них (309 из 755 осужденных), отдачи в исправительные арестантские отделения с лишением всех особых прав и преимуществ (248 из 755 осужденных), а также уголовное наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы (118 из 755 осужденных). 52 человека подвергнуты аресту в качестве исправительного наказания. Гораздо реже встречались случаи уголовной ссылки на поселение в Сибирь (22) и исправительной ссылки на житье в Сибирь с лишением особых прав и преимуществ (7), а также заключения в смиренный дом (3) [34].

Заключение

Жестокое обращение мужа с женой было нередким явлением повседневной жизни провинциальной семьи во второй половине XIX – начале XX в. Власть мужа над женой была безгранична. Вплоть до 1914 г. официально женщина не могла покинуть мужа из-за жестокого обращения с ней. Следует отметить, что случаи обращения женщин по семейным вопросам в судебные инстанции различного уровня свидетельствуют о постепенной эмансипации женщин, об изменении женского традиционного самосознания, в том числе женщин-крестьянок, во второй половине XIX – начале XX в. В изучаемый период женщина могла рассчитывать и на некоторую защиту со стороны судебной власти. Однако в большинстве случаев наказание было лишь призрачным, а жестокое обращение не давало ей право на развод. По приговору мировых и городских судей муж мог быть подвергнут короткому аресту, по приговору волостного – телесному наказанию или короткой «отсидке» в помещении для арестантов. Понимая, что эти наказания приносят крайне мало, женщины соглашались на примирение. Волостные суды нередко становились на сторону мужей. Лишь в случае тяжких побоев и истязаний за жестокое обращение с женой можно было получить реальные тюремные сроки и лишение всех прав состояния с отправкой на каторгу.

Список литературы

1. Лудмер Я. А. Бабы стоны (Из записок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 446–467.
2. Бобров Д. По поводу бабьих стонов // Юридический вестник. 1885. Т. 20, кн. 2. С. 318–322.
3. Верещагин О. О бабьих стонах (Правовое и бытовое положение русской женщины) // Юридический вестник. 1885. Т. 18, кн. 4. С. 750–764.
4. Безгин В. Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.
5. Сидорова В. С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 1. С. 39–47.

6. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб. : Наука, 2006. 270 с.
7. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул : АЗБУКА, 2019. 148 с.
8. Полянский П. Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с женами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 51–66.
9. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) : монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьева, Н. Л. Пушкарева. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 200 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1-е января 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н. С. Таганцевым. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.
11. Кошелев Н. Н., Селяков Н. А. Царское уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека: побои и истязание // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 63–67.
12. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 660. Оп. 3-2. Д. 3015.
13. Государственный архив Ярославской области в городе Рыбинске (РбФ ГАЯО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 5557.
14. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-1. Д. 28.
15. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-2. Д. 2495.
16. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-1. Д. 142.
17. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 5607.
18. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 331.
19. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3-2. Д. 2857.
20. РбФ ГАЯО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 923.
21. Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. Т. 13, № 6-7. С. 358–414.
22. ГАТО. Ф. 709. Оп. 1. Д. 221.
23. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7852.
24. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1-1. Д. 202.
25. РбФ ГАЯО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1317.
26. ГАТО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 262.
27. ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 142.
28. РбФ ГАЯО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 257.
29. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 76. Отд. 1. Ст. 902.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : в 55 т. Т. XXXVII. Отделение 2. 1862 г. СПб. : Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1865. 837 с. № 38 688.
31. ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 4654.
32. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 151. Д. 483 (1).
33. ГАТО. Ф. 735. Оп. 1. Д. 564.
34. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, в 1880–1912 гг. Петроград : Министерство юстиции, 1885–1915.

References

1. Ludmer Ya.A. Women's moans (from the notes of a justice of the peace). *Yuridicheskii vestnik = Juridical bulletin*. 1884;November:446–467. (In Russ.)
2. Bobrov D. On the women's moans. *Yuridicheskii vestnik = Juridical bulletin*. 1885;20(bk. 2):318–322. (In Russ.)

3. Vereshchagin O. On the women's mans (Legal and everyday status of Russian women). *Yuridicheskiy vestnik = Juridical bulletin*. 1885;18(bk. 4):750–764. (In Russ.)
4. Bezgin V.B. Murder of a spouse in a peasant family (late 19th – early 20th centuries). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues*. 2016;(1):27–30. (In Russ.)
5. Sidorova V.S. Peasant family and domestic crime in Russia in the second half of the 19th century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2011;4(1):39–47. (In Russ.)
6. Nizhnik N.S. *Pravovoe regulirovanie semeyno-brachnykh otnosheniy v russkoy istorii = Legal regulation of family and marital relations in Russian history*. Saint Petersburg: Nauka, 2006:270. (In Russ.)
7. Goncharov Yu.M. *Brachno-semeynoe pravo Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX v. = Marital and Family Law of the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries*. Barnaul: AZBUKA, 2019:148. (In Russ.)
8. Polyanskiy P.L. Family and legal consequences of cruel treatment of wives and the taxable population of Russia in the mid-19th century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2022;(3):51–66. (In Russ.)
9. *Bytovoje nasilie v istorii rossiyskoy povsednevnosti (XI–XXI vv.): monografiya = Domestic Violence in the history of Russian everyday life (11th – 21st centuries): monograph. General ed. and comp. M.G. Muravyova, N.L. Pushkareva*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012:200. (In Russ.)
10. Tagantsev N.S. (comp.) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1866 goda: s dopolneniyami po 1-e yanvarya 1876 g. 2-e izd., pe-rerab. i dop. = Code of criminal and correctional punishments of 1866: with amendments up to January 1, 1876. The 2nd edition, revised and supplemented*. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 1876:726. (In Russ.)
11. Koshelev N.N., Selyakov N.A. Tsarist criminal legislation on liability for causing harm to human health: beatings and torture. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Current issues in education and science*. 2015;(1-2):63–67. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Tverskoy oblasti (GATO). F. 660. Op. 3-2. D. 3015 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3-2. File 3015. (In Russ.)
13. Gosudarstvennyy arkhiv Yaroslavskoy oblasti v gorode Rybinske (RbF GAYaO). F. 36. Op. 1. D. 5557 = State Archive of Yaroslavl region in Rybinsk. Fund 36. Item 1. File 5557. (In Russ.)
14. GATO. F. 660. Op. 3-1. D. 28 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3-1. File 28. (In Russ.)
15. GATO. F. 660. Op. 3-2. D. 2495 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3-2. File 2495. (In Russ.)
16. GATO. F. 660. Op. 3-1. D. 142 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3-2. File 142. (In Russ.)
17. GAYaO. F. 346. Op. 4. D. 5607 = State Archive of Yaroslavl region in Rybinsk. Fund 346. Item 4. File 5607. (In Russ.)
18. GATO. F. 659. Op. 1-1. D. 331 = State Archive of Tver region. Fund 659. Item 1-1. File 331. (In Russ.)
19. GATO. F. 660. Op. 3-2. D. 2857 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3-2. File 2857. (In Russ.)
20. RbF GAYaO. F. 37. Op. 1. D. 923 = State Archive of Yaroslavl region in Rybinsk. Fund 37. Item 1. File 923. (In Russ.)
21. Lazovskiy N. Personal relations of spouses under Russian customary law. *Yuridicheskiy vestnik = Juridical bulletin*. 1883;13(6-7):358–414. (In Russ.)

22. GATO. F. 709. Op. 1. D. 221 = State Archive of Tver region. Fund 709. Item 1. File 221. (In Russ.)
23. GATO. F. 160. Op. 1. D. 7852 = State Archive of Tver region. Fund 160. Item 1. File 7852. (In Russ.)
24. GATO. F. 659. Op. 1-1. D. 202 = State Archive of Tver region. Fund 659. Item 1-1. File 202. (In Russ.)
25. RbF GAYaO. F. 62. Op. 1. D. 1317 = State Archive of Yaroslavl region in Rybinsk. Fund 62. Item 1. File 1317. (In Russ.)
26. GATO. F. 659. Op. 1. D. 262 = State Archive of Tver region. Fund 659. Item 1. File 262. (In Russ.)
27. GATO. F. 660. Op. 3. D. 142 = State Archive of Tver region. Fund 660. Item 3. File 142. (In Russ.)
28. RbF GAYaO. F. 271. Op. 1. D. 257 = State Archive of Yaroslavl region in Rybinsk. Fund 271. Item 1. File 257. (In Russ.)
29. *Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy pravitel'stva. 1914. № 76. Otd. 1. St. 902* = Collection of laws and regulations of the government. 1914. No.76. Department 1. Article 902. (In Russ.)
30. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg.: v 55 t. T. XXXVII. Otdelenie 2. 1862 g. = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. December 12, 1825 – February 28, 1881: in 55 volumes. Volume 37. Department 2. 1862. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1865;(38 688):837.* (In Russ.)
31. GAYaO. F. 196. Op. 1. D. 4654 = State Archive of Yaroslavl region. Fund 196. Item 1. File 4654. (In Russ.)
32. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 796. Op. 151. D. 483 (1) = Russian State Historical Archive. Fund 796. Item 151.* (In Russ.)
33. GATO. F. 735. Op. 1. D. 564 = State Archive of Tver region. Fund 735. Item 1. File 564. (In Russ.)
34. *Svod statisticheskikh svedeniy o podsudimyykh, opravdannykh i osuzhdennykh po prigorovoram obshchikh sudebnykh mest, sudebno-mirovykh ustanovleniy i uchrezhdeniy, obrazovannykh po zakonopolozheniyam 12 iyulya 1889 goda, v 1880–1912 gg. = Summary of statistical data on defendants, assessed and settled by public judicial bodies, judicial-peace institutions and institutions, prepared according to the laws of July 12, 1889, in 1880–1912.* Petrograd: Ministerstvo yustitsii, 1885–1915. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олеся Викторовна Ванюшина

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
информационных технологий
Федеральной службы исполнения
наказаний России (Россия, г. Тверь,
ул. Вагжанова, 17)

E-mail: vanyushina_olesya@mail.ru

Olesya V. Vanyushina

Candidate of historical sciences,
leading researcher, Research
Institute of Information
Technologies of the Federal
Penitentiary Service of Russia
(17 Vagzhanova street,
Tver, Russia)

Юлия Александровна Кривошеева

старший преподаватель кафедры
рекламы и связей с общественностью,
Ярославский государственный
университет имени П. Г. Демидова
(Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14)

E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Yulia A. Krivosheeva

Senior lecturer of the sub-department
of advertising and public relations,
P.G. Demidov Yaroslavl State
University (14 Sovetskaya street,
Yaroslavl, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.04.2024

Принята к публикации / Accepted 10.05.2024

УДК 93/94(47)

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-5

Деятельность Исторического кружка при Петербургском университете в 1909–1919 гг.

В. С. Русанова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
vera.petrashun@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено деятельности Исторического кружка – студенческого научного объединения, действующего на базе Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в период с 1909 по 1919 г. Анализируется состав кружка, виды работ, осуществляемые его членами, а также акцентируется внимание на роли руководителя в студенческом научном объединении дореволюционной России. *Материалы и методы.* Деятельность Исторического кружка реконструируется на основе оригинальных источников: годовых отчетов Санкт-Петербургского университета, торжественных и памятных речах участников студенческого общества, а также воспоминаниях членов кружка и коллег его руководителя. Для достижения поставленной цели наравне с общенаучными методами (анализ и синтез, индукция, описание) применялись историко-генетический метод, позволяющий раскрыть виды деятельности и функции Исторического кружка и в целом проследить динамику развития изучаемого студенческого объединения, и биографический метод. *Результаты.* На основе привлеченных исторических источников воссоздана деятельность исторического студенческого объединения одного из ведущих вузов дореволюционной/советской России. *Выводы.* Исторический кружок под руководством А. С. Лаппо-Данилевского являлся одной из стабильных студенческих организаций Санкт-Петербургского университета в 1909–1919 гг., несмотря на то что в указанное время на долю российской столицы и страны в целом выпало немало испытаний. Практика организации студенческих научных объединений в российский вузах начала XX в., раскрытая на примере Исторического кружка при Петербургском (Петроградском) университете, может быть учтена при организации студенческой науки современной России.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, Исторический кружок, студенческие научные объединения, студенческая наука

Для цитирования: Русанова В. С. Деятельность Исторического кружка при Петербургском университете в 1909–1919 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 57–66. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-5

Activities of the Historical Club at St. Petersburg University in 1909–1919

V.S. Rusanova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
vera.petrashun@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the activities of the Historical Club – a student scientific association operating on the basis of Imperial St. Petersburg (Petrograd) University from 1909 to 1919. The author of the article analyzes the composition of the club, the types of work carried out by its members, and also focuses on the role of the leader in the student scientific association of pre-revolutionary Russia. *Materials and methods.* The activities of the Historical Club are reconstructed on the basis of original sources: annual reports of St. Petersburg University, solemn and memorable speeches of members of the student society, as well as memories of members of the circle and colleagues of its leader. To achieve this goal, along with general scientific methods (analysis and synthesis, induction, description), the historical-genetic method was used, which makes it possible to reveal the types of activities and functions of the Historical Club and, in general, to trace the dynamics of the development of the student association under study and biographical methods. *Results.* The activities of the historical student association of one of the leading universities of pre-revolutionary / Soviet Russia have been recreated on the basis of attracted historical sources. *Conclusions.* The historical circle under the leadership of A. S. Lappo-Danilevsky was one of the stable student organizations of St. Petersburg University in 1909–1919, despite the fact that at this time the Russian capital and the country as a whole faced quite a few trials. The practice of organizing student scientific associations in Russian universities at the beginning of the 20th century, revealed by the example of the Historical Club at St. Petersburg (Petrograd) University, can be taken into account when organizing student science in modern Russia.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, Historical club, student scientific associations, student science

For citation: Rusanova V.S. Activities of the Historical Club at St. Petersburg University in 1909–1919. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):57–66. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-5

Развитие студенческой науки является одним из приоритетных направлений деятельности высшей школы XXI в. В 2021/2022 гг. в ряде вузов России, в том числе Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина, были организованы студенческие научные объединения (СНО), занимающиеся «научно-исследовательской, инновационной, научно-просветительской деятельностью» [1]. Несмотря на то что в опорном вузе Республики Коми СНО является объединением, созданным по инициативе студентов, его отделения не носят массового характера, а наличие административных элементов часто делает эту организацию менее привлекательной для активной творческой молодежи, стремящейся к автономии в выбранном направлении научной деятельности.

Однако ошибочным будет полагать, что студенческие научные объединения при вузах – явление современности и продиктовано задачами высшего образования последних десятилетий. История студенческих научных кружков в России насчитывает более ста пятидесяти лет. А. С. Бочковар, В. Н. Тарасенко, А. Б. Оришев отмечают, что первые студенческие научные кружки «зародились еще в конце XVIII в. как результат предыдущих исторических и социальных преобразований Петра I и деятельности М. В. Ломоносова и Академии наук» [2]. Тем актуальнее видится вопрос преемственности между современными СНО и студенческими кружками дореволюционной, а затем советской России. В этом ключе интерес вызывает и опыт организации

студенческой науки в предшествующие эпохи, а также возможность учета наработанной столетиями практики организации научно-исследовательской деятельности учащейся молодежи.

Т. Б. Кузёма подчеркивает, что активной, плодотворной и долговременной деятельности студенческих научных кружков во второй половине XIX – начале XX в. способствовал ряд факторов, среди которых основополагающим называется университетский Устав 1863 г., позволявший проводить прогрессивные либеральные преобразования в высшей школе и, как следствие, реформы образования – увеличение финансирования университетов. Тем самым «удвоились средства на содержание научно-вспомогательных учреждений при высших учебных заведениях» [3, с. 346], к которым можно отнести и студенческие научные кружки. Кроме того, отчасти видится справедливым выделение в научной литературе в качестве факторов создания научно-исследовательских студенческих объединений стремление властей отвлечь молодежь от политических движений и рост интереса к научной деятельности в университетах.

Считаем, что на организацию студенческой науки в императорской России второй половины XIX столетия оказали влияния и те нововведения в преподавании исторических дисциплин, которые были привнесены молодыми университетскими профессорами на основании полученного ими опыта в периоды заграничных командировок. Ярчайшим примером этого фактора может служить семинарий, организованный В. И. Герье в Московском университете во второй половине 1860-х гг.

Подобная форма работы со студентами не только стала новым словом в российской педагогике, но и заложила основы для осуществления иных видов научно-исследовательской деятельности молодежи. Относительно Исторического кружка при Петербургском/Петроградском университете добавим, что он создавался по инициативе студентов, стремившихся не только углубить свои знания по определенным вопросам исторической науки, но в большей степени сформировать навыки научно-исследовательской работы.

В настоящее время задача организации научно-исследовательской деятельности студентов гуманитарных специальностей, в частности истории, видится непростой в своей реализации, если взять во внимание, что практическая значимость исследований сегодня вытесняет их теоретическую составляющую, характерную для гуманитарных и общественных наук.

Проблема развития исторических студенческих научных объединений в Российской империи / СССР / Российской Федерации привлекает внимание исследователей и может выступать в качестве предмета не одного диссертационного исследования [4, 5]. Посему считаем уместным сосредоточить внимание на деятельности одного из образцовых научных студенческих кружков дореволюционной России – Историческом кружке при Императорском Санкт-Петербургском университете (1909–1919).

Изучение внутренней жизни Исторического кружка, на наш взгляд, позволяет дополнить, а порой и разрешить ряд вопросов в контексте проблемы «учитель – ученик», подметить факторы влияния среды студенческого кружка на профессиональные интересы его участников, а также дает возможность дополнить сведениями такую проблематику, как научная школа А. С. Лаппо-Данилевского. Заметим, что в монографиях и исследованиях,

посвященных историку, чаще всего упускается из вида его кураторская деятельность в Историческом кружке. Несмотря на то что литература, посвященная жизни и деятельности А. С. Лаппо-Данилевского, обширна [6–9], работа в Историческом кружке и отношение его участников к педагогу не выступали в качестве предмета исследования. Попытаемся же восполнить эту лакуну.

Кружок начал свою работу 27 января (по старому стилю) 1909 г. [10, с. 248]. Его руководителем по инициативе студентов был выбран академик А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), ведавший работой общества вплоть до своей трагической кончины в феврале 1919 г. Ближайший друг и коллега Лаппо-Данилевского И. М. Гревс позже писал, что «А[лександр] С[ергеевич] всегда брал на себя руководство в возникавших серьезных научных кружках. <...> в самые последние годы студенты именно его позвали организовать работу в “историческом кружке”. В Университете дело А[лександра] С[ергеевича] пустило глубокие корни» [11, с. 71]. Выбор Лаппо-Данилевского в качестве наставника исторического студенческого объединения не был случайным. Участники Исторического кружка подчеркивали академизм, строгость и выверенность в организации и проведении заседаний, уважительное отношение Лаппо-Данилевского к мыслям и действиям студентов, даже если те высказывали ошибочные мнения по обсуждаемой научной проблеме, а также отмечали цельность личности педагога и его моральные качества, оказывающие серьезное влияние на их личностный и профессиональный рост.

Один из активных членов и старожил общества Б. А. Романов в речи, произнесенной на заседании Исторического кружка 15 апреля 1919 г., посвященном памяти Лаппо-Данилевского, резюмировал, что участниками кружка никогда не поднимался вопрос о смене руководителя или прекращении работы общества. «Попадая в сферу действия его личности, мы, тогда еще молодые студенты, нечувствительно оказывались в стихии душевного равновесия и моральной устойчивости, безудыбного и незлобного подхода к предметам повседневного наблюдения и научного изучения», – замечал Б. А. Романов [12, с. 188].

Высоко ценилась членами Исторического кружка и та требовательность к вдумчивому и глубокому изучению выбираемых студентами научных проблем для подготовки обширных докладов, которую проявлял Лаппо-Данилевский, при этом демонстрируя своей работой со студентами (не только в рамках кружка, но и на спецсеминарах) уважительное отношение к чужой мысли и стремление привить это качество молодежи. С. Н. Чернов, в студенческую бытность являвшийся членом кружка, позже вспоминал, что «Александр Сергеевич учил размышлять и исследовать с редкостными добросовестностью и бескорыстностью, всегда и пунктуально передавал все, чем он располагал и в смысле знаний, и в смысле приёма» [13, с. 176]. Студенты тщательно подбирали кандидатуру руководителя кружка. Зная о высокой требовательности к подготовке студентов со стороны Лаппо-Данилевского, они единогласно сошлись в своем выборе. Потому нельзя говорить, что и среди участников Исторического кружка были случайные люди.

За период с 1909 по 1916 г. численный состав студенческого объединения практически не менялся. Он колебался в промежутке 50–60 человек. Среди

его членов, безусловно, некоторые действовали более активно. В первые годы работы Исторического кружка частым явлением на общих собраниях было заслушивание и обсуждение докладов И. В. Пузыно, П. Г. Любомирова, С. Н. Чернова, А. А. Тэнтеля. Все они впоследствии связали свою жизнь с исторической наукой. Деятелями организационного комитета кружка, состоящего из председателя, казначея, секретаря и библиотекаря, часто становились Б. А. Романов, Б. В. Александров, А. В. Тищенко. О последнем требуется сказать подробнее.

Андрей Вячеславович Тищенко (1890–1914) «долгое время был библиотекарем Исторического Кружка и принимал деятельное участие в общих собраниях» [14, с. 232]. С началом Первой мировой войны ушел на фронт и вскоре, в сентябре 1914 г., погиб в Восточной Пруссии. Поражает отклик его сверстников-студентов, профессоров, всех тех, с кем взаимодействовал Тищенко в годы своего обучения в Петербургском университете, на весть о его гибели. Члены Исторического кружка уже 22 ноября провели внеочередное собрание, посвященное памяти павшего в бою А. В. Тищенко. На собрании были произнесены речи «Биография и характеристика А. В. Тищенко» (С. Н. Чернов), «А. В. Тищенко как археолог» (В. В. Саханев), «Историческое работы А. В. Тищенко» (П. Г. Любомиров), «Отношение А. В. Тищенко к искусству» (А. А. Гизетти) [14, с. 232]. По итогам вечера памяти было принято решение издать сборник, посвященный А. В. Тищенко, в работе над которым руководство взяли Чернов, Саханев и Любомиров. Они же составили редакционный комитет. Сборник увидел свет в 1916 г. [15]. Этот эпизод свидетельствует не только о высокой степени дружбы, взаимоуважения, внимательного отношения всех членов кружка друг к другу, но и об осознании молодыми учеными гражданской ответственности профессионального историка перед обществом, выраженной в увековечивании памяти о своем соотечественнике посредством научно-исследовательской деятельности.

Основным видом работы членов Исторического кружка была подготовка научных докладов и их обсуждение на общих собраниях. Годичные отчеты Санкт-Петербургского/Петроградского университета дают возможность оценить широкий спектр научных проблем, интересовавших молодежь того времени. Здесь мы находим темы по отечественной и всеобщей истории, археологии, историографии и даже истории социологии. Приведем несколько примеров в подтверждение сказанному.

Так, в 1909 г. были заслушаны и обсуждены следующие сообщения: «Филипп де Коммин и его мемуары» (И. В. Пузыно), «К вопросу о логических основах социологии» (С. И. Штейн), «Способы пользования источниками у В. И. Сергеевича» (П. Г. Любомиров), «Организация и службы торгово-промышленного класса в Московском государстве XVII в.» (С. Н. Чернов). Отметим, что доклад Семена Ильича Штейна (1887–1949), как указано в отчете, был напечатан в «Вопросах обществоведения» [10, с. 248]. В 1910–1915 гг. также не обошлось без заседаний, на которых были представлены объемные доклады. Назовем лишь некоторые из них: «Историко-социологическое воззрения П. Л. Лаврова» (А. А. Гизетти), «Новейшие течения в разработке истории колоната» (А. И. Вальдемар), «Постановка вопроса о сущности крепостного права в русских журналах перед освобождением крестьян» (Ф. Ф. Злотников), «Несколько слов о роли Колы в торговле русского севера

в XVI в.» (А. В. Тищенко), «Курган Солоха» (В. В. Саханев), «П. Л. Лавров как историк» (А. А. Гизетти) и др. Вторым направлением было написание рецензий, отзывов на прочитанные книги. К примеру, в 1915 г. А. А. Тэнтель подготовил рецензию на двухтомник Д. Н. Егорова «Колонизация Мекленбурга в XIII в.» [16, с. 186]. Каждая рецензия также выступала в качестве предмета коллективного обсуждения на заседаниях кружка.

Кружок активно участвовал и в общественной жизни университета. К примеру, в 1913 г. «Исторический Кружок принимал участие в юбилейных чествованиях профессоров Ф. А. Брауна и Н. И. Кареева» [17, с. 275].

О. В. Анисимов пишет, что «кружки стремились организовывать свои библиотеки <...> чьи фонды существовали отдельно от главной библиотеки» [18, с. 40]. Собственной библиотекой располагал и Исторический кружок. По инициативе студентов историко-филологического факультета в январе 1915 г. в ведение кружка была передана библиотека Исторического общества при Петроградском университете, насчитывающая к тому времени 2608 наименований [16, с. 187]. Председатель Исторического общества Н. И. Кареев и члены оргкомитета нашли данное решение возможным ввиду того, что к концу 1914 г. возникли затруднения с размещением фондов библиотеки, а историко-филологический факультет располагал специальным «кабинетом для чтения», где и были размещены переданные Историческому кружку экземпляры книг [19, с. 195–196].

Полагая, по примеру организации отделения Исторического общества при Петербургском университете выстраивалась и структура Исторического кружка. Члены общества уплачивали символический взнос, пользование библиотекой строго регламентировалось, помимо председателя, секретаря, казначея и библиотекаря ежегодно избирался состав ревизионной комиссии. Иные студенческие кружки, действующие в то же время, что и Исторический, имели более простую организацию, порой ограничивающуюся наличием председателя и секретаря.

Кружок, располагая небольшими денежными средствами, мог приобретать для своей библиотеки редкие или малотиражные издания, в том числе зарубежные. Нерегулярно в качестве статьи расходов значатся выплаты секретарю и казначею, в общей сложности не превышающие трех рублей в год. В отчетах 1915–1916 гг. сведений о состоянии казны кружка нет, из чего можно выдвинуть предположение, что это связано с отказом от уплаты членских взносов ввиду сложного материального положения студентов в период участия России в войне.

С начавшейся в феврале 1917 г. революцией работа Петроградского университета расстраивается, это отражается и на деятельности научных студенческих объединений. Как отмечает А. Ф. Кривоноженко, «к Октябрьской революции 1917 г. Петроградский университет подошел с сократившейся в 3 раза по отношению к довоенной численности студенчества, огромным дефицитом бюджета и внутренней нестабильностью» [20]. Тем не менее нет оснований полагать, что в это непростое для страны время Исторический кружок прекратил свое существование. Напротив, С. Н. Чернов указывает на функционирование общества в это время. Однако выяснить то, как часто собирались его члены, какие вопросы исторического знания обсуждались ими в период разгоравшейся в стране Гражданской войны, представляется

затруднительным и требует источниковедческих поисков. Все же с большой долей вероятности можно утверждать, что работа кружка продолжалась, учитывая, что юбилейный 1919 г. отмечен памятным заседанием.

Завершая краткий анализ деятельности Исторического кружка при Санкт-Петербургском/Петроградском университете, стоит подчеркнуть, что в отличие от СНО XXI в. дореволюционные студенческие организации гуманитарной направленности концентрировались исключительно на научно-исследовательской составляющей, в то время как сегодня этот вид работы отесняется научно-просветительскими, организационными обязанностями. Высокая степень подготовки студентов и обстановка, царившая в Историческом кружке, располагала к свободным научным дискуссиям между студентами, что способствовало их профессиональному росту. Среди членов кружка мы видим будущих крупных историков – Б. А. Романова, А. И. Андреева, С. Н. Чернова, общественных и политических деятелей – А. А. Тэнтеля, А. Я. Шульгина и др.

Значимая роль в функционировании Исторического кружка принадлежала его бессменному руководителю – Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, под внимательным взором которого росло и зрело увлеченное исторической наукой петербургское студенчество начала XX столетия.

Список литературы

1. Положение о студенческом научном объединении федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина». Сыктывкар, 2021. // Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина. URL: <https://www.syktu.ru/about/nd/sno/Polozenie%20SNO%20SSU%20new.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Бочковар А. С., Тарасенко В. Н., Оришев А. Б. Студенческие научные общества как особая форма организации взаимодействия обучающейся молодежи // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 3 (23). С. 12. URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2021-g-3-23-sentyabr/bochkovar-a-s-tarassenko-v-n-orishev-a-b-studencheskie-nauchnye-obshhestva-kak-osobaya-forma-organizatsii-vzaimodejstviya-obuchayushhejsya-molodezhi/> (дата обращения: 13.01.2024).
3. Кузёма Т. Б. Формы организации научно-исследовательской работы студентов в научных студенческих кружках университетов Российской империи в конце XIX – начале XX века // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, № 4. С. 344–351. doi: 10.30853/ped20230060
4. Завьялов Д. А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 338 с.
5. Казакова К. С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 256 с.
6. Ростовцев Е. А. Н. И. Кареев и А. С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 105–121.
7. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань : П. А. Трибунский, 2004. 347 с. (Сер.: Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 7).
8. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 29–43.

9. Корзун В. П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб. : Алетейя, 2011. 192 с.
10. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 год / под ред. А. И. Введенского. СПб. : Типография Б. М. Вольфа, 1910. 547 с.
11. Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81.
12. Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 181–187.
13. Чернов С. Н. Рец. на кн.: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6 // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 173–181.
14. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1914 год / сост. А. Х. Гольмстен. Петроград : Типография Б. М. Вольфа, 1915. 365 с.
15. Тищенко Андрей Вячеславович // Necropolural. URL: <https://sites.google.com/site/necropolural/goroda-rossii/sankt-peterburg/smolenskoe-pravoslavnoe-kladbise/alfavitnyj-spisok-zahoronenij/tisenko-andrej-vaceslavovic> (дата обращения: 14.01.2024).
16. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 год / сост. Д. С. Рождественский. Петроград : Типография Б. М. Вольфа, 1916. 326 с.
17. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 год / под ред. И. Д. Андреева. Петроград : Типография Б. М. Вольфа, 1914. 640 с.
18. Анисимов О. В. «Неиссякаемый источник самостоятельного исследования»: студенческие научные кружки в Императорском Санкт-Петербургском университете // Санкт-Петербургский университет. 2022. № 4. С. 36–40.
19. Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете : в 21 т. / под ред. Н. И. Кареева. Петроград, 1915. Т. 20. 222 с.
20. Кривоноженко А. Ф. Петроградский университет в 1917–1922 годах: от университета императорского к университету советскому. 2011 // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве (культурное наследие, музейные коллекции, биографика). URL: https://history.museums.spbu.ru/files/Issledovaniya/publikacii_sotrudnikov/1917–1922.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

References

1. Regulations on the student scientific association of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pitirima Sorokin Syktyvkar State University” Syktyvkar, 2021. *Syktyvkarskiy gosudarstvennyy universitet imeni Pitirima Sorokina = Pitirima Sorokin Syktyvkar State University*. (In Russ.). Available at: <https://www.syktsu.ru/about/nd/sno/Polozhenie%20SNO%20SSU%20new.pdf> (accessed 13.01.2024).
2. Bochkov A.S., Tarasenko V.N., Orishev A.B. Student scientific societies as a special form of organizing interaction between young students. *Biznes i dizayn revyu = Business and design review*. 2021;(3):12. (In Russ.). Available at: <https://obe.ru/journal/vypusk-2021-g-3-23-sentyabr/bochkov-a-s-tarasenko-v-n-orishev-a-b-studencheskie-nauchnye-obshchestva-kak-osobaya-forma-organizatsii-vzaimodejstviya-obuchayushhejsya-molodezhi/> (accessed 13.01.2024).
3. Kuzema T.B. Forms of organizing scientific research work of students in scientific student circles of universities of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory and practice issues*. 2023;8(4):344–351. (In Russ.). doi: 10.30853/ped20230060
4. Zav'yalov D.A. *Student scientific societies of St. Petersburg University in the late 19th – early 20th centuries*. PhD abstract. Saint Petersburg, 2006:338. (In Russ.)

5. Kazakova K.S. *Studen body of St. Petersburg University in the first half of the 20th century*. PhD dissertation. Saint Petersburg, 2010:256. (In Russ.)
6. Rostovtsev E.A. N.I. Kareev and A.S. Lappo-Danilevsky: from the history of relationships among St. Petersburg scientists at the turn of the 19th – 20th centuries. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 2000;3(4):105–121. (In Russ.)
7. Rostovtsev E.A. A.S. *Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola = Lappo-Danilevsky and the St. Petersburg Historical School*. Ryazan: P.A. Tribunskiy, 2004:347. (In Russ.)
8. Rostovtsev E.A. A.S. Lappo-Danilevsky in the St. Petersburg University Corporation. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 2013;16(3):29–43. (In Russ.)
9. Korzun V.P. *Professorskaya sem'ya: otets i syn Lappo-Danilevskie = Professorial family: father and son Lappo-Danilevsky*. Saint Petersburg: Ale-teyya, 2011:192. (In Russ.)
10. Vvedenskiy A.I. (ed.). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1909 god = Report on the status and activities of Imperial St. Petersburg University for 1909*. Saint Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1910:547. (In Russ.)
11. Grevs I.M. Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (experience of interpretation of the soul). *Russkiy istoricheskiy zhurnal = Russian historical journal*. 1920;bk. 6:44–81. (In Russ.)
12. Romanov B.A. A.S. Lappo-Danilevsky at university (two speeches). *Russkiy istoricheskiy zhurnal = Russian historical journal*. 1920;bk. 6:181–187. (In Russ.)
13. Chernov S.N. A review: Russian historical journal. 1920. Book 6. *Dela i dni = Things and days*. 1922;bk. 3:173–181. (In Russ.)
14. Gol'msten A.Kh. (comp.). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1914 god = A report on the status and activities of Imperial St. Petersburg University for 1914*. Petrograd: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1915:365. (In Russ.)
15. Tishchenko Andrey Vyacheslavovich. *Necropolural*. (In Russ.). Available at: <https://sites.google.com/site/necropolural/goroda-rossii/sankt-peterburg/smolenskoe-pravoslavnoe-kladbise/alfavitnyj-spisok-zahoroneniij/tisenko-andrej-vaceslavovic> (accessed 14.01.2024).
16. Rozhdestvenskiy D.S. (comp.). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1915 god = A report on the status and activities of Imperial St. Petersburg University for 1915*. Petrograd: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1916:326. (In Russ.)
17. Andreev I.D. (ed.). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1913 god = A report on the status and activities of Imperial St. Petersburg University for 1913*. Petrograd: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1914:640. (In Russ.)
18. Anisimov O.V. “An Inexhaustible Source of Independent Research”: Student Research Circles at the Imperial St. Petersburg University. *Sankt-Peterburgskiy universitet = St. Petersburg University*. 2022;(4):36–40. (In Russ.)
19. Kareev N.I. (ed.). *Istoricheskoe obozrenie. Sbornik Istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom Petrogradskom universitete: v 21 t. = Historical Review. Collection of the Historical Society at Imperial Petrograd University: in 21 volumes*. Petrograd, 1915;20:222. (In Russ.)
20. Krivonozhenko A.F. Petrograd University in 1917–1922: from Imperial University to Soviet University. 2011. *Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta v virtual'nom prostranstve (kul'turnoe nasledie, muzeynye kollektsii, biografika) = History of St. Petersburg University in virtual space (cultural heritage, museum collections, biography)*. (In Russ.). Available at: https://history.museums.spbu.ru/files/Issledovaniya/publikacii_sotrudnikov/1917-1922.pdf (accessed 14.01.2024).

Информация об авторах / Information about the authors

Вера Сергеевна Русанова

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
истории России и зарубежных стран
Института истории и права,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина (Россия, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, 55)

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

Vera S. Rusanova

Candidate of historical sciences,
senior lecturer of the sub-department
of Russian and foreign history of the
Institute of History and Law,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University (55 Oktyabrsky avenue,
Syktyvkar, Komi Republic, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.02.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2024

Принята к публикации / Accepted 02.05.2024

УДК 94(497.2)+94.(430).085
doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-6

«Пивной путч»: отображение на страницах советских газет

М. В. Брянцев

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
Брянск, Россия
bmwbox@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Несмотря на многочисленные работы, посвященные изучению национал-социализма и биографии А. Гитлера, в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные тому, как отображался в советской периодике процесс становления фашизма в Германии и, в частности, феномен «пивного путча». Подобная историографическая ситуация определяет цель данной работы – исследовать процесс изображения важнейшего эпизода в развитии национал-социализма на страницах советских газет. *Материалы и методы.* Были использованы материалы советских газет 1923 г. Причем анализу подверглись сообщения и немногочисленные аналитические материалы не только центральных газет, но и провинциальных изданий. *Результаты.* Советские газеты формировали представление о «пивном путче» в Мюнхене на основе информации западных агентств, газет и радиоперехватов. Советская пресса рассказывала читателям, что осенью 1923 г. угроза захвата власти фашистами стала воплощаться в конкретные действия. В начале ноября Бавария предъявила общегерманскому правительству ультиматум. Газеты подробно описывали разворачивающиеся события. Первые известия о «путче» собственный корреспондент «Правды» в Берлине передал в Москву уже около полудня 9 ноября, а первые сообщения в газетах появились спустя сутки. Большое внимание газеты уделили причинам неудачи переворота. Прежде всего была отмечена предательская роль Густава фон Кара и Отто фон Лоссова. Не поддержала выступление Гитлера и наиболее боеспособная часть фашистов – бригада Германа Эрхардта. Не встали на его сторону и части рейхсвера, на что рассчитывал Гитлер. Не нашло поддержки выступление Гитлера и у его сторонников по всей Германии. Общегерманское правительство поддержали социал-демократы. Важным фактором стала позиция Франции, заявившей о недопустимости образования националистической диктатуры. *Выводы.* В целом можно отметить, что советские газеты, черпая в основном сведения из западных средств массовой информации, довольно объективно и подробно освещали события «пивного путча».

Ключевые слова: Бавария, газеты, Германия, Гитлер, Кар, национал-социализм, путч, фашизм

Для цитирования: Брянцев М. В. «Пивной путч»: отображение на страницах советских газет // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 67–79. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-6

“Beer Hall Putsch”: depicted on the pages of Soviet newspapers

M.V. Bryantsev

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia
bmwbox@mail.ru

Abstract. *Background.* Despite numerous works devoted to the study of National Socialism and the biography of A. Hitler, in domestic historiography there are no works devoted to how the process of the formation of fascism in Germany and, in particular, the phenomenon of the “Beer Hall Putsch” was reflected in Soviet periodicals. This historiographical situation determines the purpose of this article – to study the process of depicting the most important episode in the development of National Socialism on the pages of Soviet newspapers. *Materials and methods.* To answer the questions posed in the work, materials from Soviet newspapers of 1923 were used. Moreover, not only reports and a few analytical materials from central newspapers, but also provincial publications were analyzed. *Results.* As a result of the study, the author came to the conclusion that Soviet newspapers formed their idea of the “Beer Hall Putsch” in Munich based on information from Western agencies, newspapers and radio intercepts. The Soviet press told readers that in the autumn of 1923 the threat of the fascists seizing power began to be embodied in concrete actions. At the beginning of November, Bavaria presented an ultimatum to the imperial government. The newspapers described the unfolding events in detail. The first news of the “putsch” was transmitted to Moscow by “Pravda” own correspondent in Berlin around midday on November 9, and the first reports appeared in the newspapers a day later. The newspapers devoted much attention to the reasons for the failure of the coup. First of all, the treacherous role of Gustav von Kahr and Otto von Lossow was noted. The most combat-ready part of the fascists, Hermann Ehrhardt’s brigade, did not support Hitler’s speech, and neither did parts of the Reichswehr, as Hitler had counted on. Hitler’s speech did not find support among his supporters throughout Germany. The all-German government was supported by the Social Democrats. An important factor was the position of France, which declared the inadmissibility of the formation of a nationalist dictatorship. *Conclusions.* In general, it can be noted that Soviet newspapers, drawing mainly on information from Western media, covered the events of the “Beer Hall Putsch” quite objectively and in detail.

Keywords: Bavaria, newspapers, Germany, Hitler, Kahr, national socialism, putsch, fascism

For citation: Bryantsev M.V. “Beer Hall Putsch”: depicted on the pages of Soviet newspapers. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(2):67–79. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-6

Введение

Ни одна публикация, связанная с историей становления германского национал-социализма, не обходится без рассказа о «пивном путче» 1923 г. и о роли в нем А. Гитлера [1–6]. Тем более эта страница является важной вехой в биографии Гитлера [7–11]. Казалось бы, все нюансы событий начала ноября 1923 г. изучены во всех подробностях, но остается неизвестной реакция на эти события вне Германии. Хотя следует сказать о том, что американская и британская печать начинает уделять внимание развитию национал-социализма в Германии с осени 1922 г. Описание «пивного путча» позволило британским и американским корреспондентам продемонстрировать западным читателям важнейшие характеристики национал-социализма и немецкого общественного мнения [12]. В отечественной историографии такого внимания к освещению событий в начале ноября 1923 г. не было. Отечественные исследователи основное внимание уделяли событиям, получившим название «немецкий Октябрь». Между тем попытка захвата власти Гитлером в начале ноября 1923 г. является важной вехой в развитии и понимании фашистского движения в Германии.

Материалы и методы

При анализе случившегося в Баварии следует иметь в виду, что советская пресса освещала эти события, ограничиваясь материалами зарубежных изданий, радио и информационных сообщений иностранных агентств, которые аккумулировало Российское телеграфное агентство (РОСТА), раздавая информацию советским изданиям. Редко какая газета имела собственных представителей на местах. Да и те, как правило, передавали сообщения, заимствованные из германской или англо-американской периодики. Непосредственных свидетелей путча советская пресса не имела, в отличие от англо-американской, которая уже на следующей день рассказала читателям о событиях в Мюнхене, давая относительно точную информацию, приходит к заключению Эндрю Хенсон [12].

Стоит обратить внимание и на то, что подавляющее большинство материалов носило информационный, а не аналитический характер. Анализ событий «пивного путча», как правило, был увязан с общим ходом развития национал-социализма в Германии.

Результаты

К началу ноября 1923 г. лозунг «Вперед, на Берлин!» стал знаменем подготовки баварских фашистов к захвату власти. Лево-демократическая «Монтаг Морген» по поводу готовящегося наступления фашистов писала: «Наступает 12-й час, баварские, померанские, мекленбургские, восточно-пруссские и селезские фашисты готовятся к походу на Берлин». Уверенность в выступлении фашистов была столь велика, что был определен и день выступления – 7 или 9 ноября [13]¹. В начале ноября угроза захвата власти в Берлине стала воплощаться в конкретные действия. 31 октября баварский посланник в Берлине фон Прегор вручил Г. Штресеману ответ Баварии, которая отклонила все требования Берлина, и заявил, что в ближайшие дни предоставит свои требования [14]. 4 ноября Баварский посол явился к рейхсканцлеру и вручил ему ультиматум, подписанный Густавом фон Каром. В ультиматуме баварский диктатор требовал от рейхсканцлера немедленного создания диктатуры над всей Германией по примеру баварской. В противном случае он, Кар, угрожал объединить совместно с Гитлером все крайние правые националистические элементы и выступить для захвата Берлина [15]. Одновременно рейхспрезидент Фридрих Эберт получил телеграмму от «вождей баварских националистов» Гитлера, в которой последний в ультимативной форме извещал, что если в течение ближайших суток Эберт не откажется от власти в пользу всегерманского национального диктатора, то гитлеровские организации, сосредоточенные в Северной Баварии, вторгнутся в Тюрингию и оттуда двинутся на Берлин [16, 17]². Несмотря на опровержение «Форвертс» и агентства Вольфа того факта, что ультиматум отправлен был баварским

¹ Несмотря на то что подобные угрозы звучали из уст Гитлера неоднократно и ранее, но только с начала ноября они стали реальными [12].

² Неделий ранее фашистские союзы «Стальной шлем» и «Союз фронтовиков» обратились к Штресеману с телеграммой, в которой «от имени миллионов солдат-фронтовиков» потребовали немедленного водворения «национальной диктатуры», заявляя, что бездействие Г. Штресемана заставляет действовать других [18].

правительством, они указали, что фашистские боевые союзы угрожают походом на Берлин, о чем баварский представитель в Берлине Прегор официально уведомил имперское правительство. В связи с этим Штреземан совещался с президентом Эбертом и министром обороны Отто Гесслером о принятии необходимых мер. Правительству оставалось только гадать, когда же выступят фашисты – 7 ноября или же выступление будет отложено на 9 [13, 19]. Казалось бы, все приготовления фашистов свидетельствовали о скором их выступлении, но газеты, как и правительство, терялись в догадках о дате начала переворота. Одни полагали, что захват власти намечен на 9 ноября, в день годовщины революции 1918 г.; по другим сведениям, выступление должно было состояться 7 ноября, третьи определяли такой датой 11 ноября [20–22]¹.

Как показали исследования, к началу ноября планов по осуществлению переворота у националистических сил практически не существовало [23, р. 202–203]. И это несмотря на то, что Гитлер постоянно говорил о «походе на Берлин». Более того, правые силы были настолько уверены в успехе мероприятия, что, как сообщало РОСТА, между организациями Гитлера и немецкой национальной партией возникли серьезные разногласия по вопросу о тактике после захвата власти. Национальная партия предлагала создать трехчленную директорию в составе представителей аграриев – барона Гайли и Опена и директора стиннесовских предприятий Мину. Национальная партия также высказывалась за сотрудничество с генералом Гансом фон Сектом. Организации Гитлера – «Имперский флаг», «Викинг» и группа Блюхера заявляли, что подобная директория не будет достаточно «национальной», и отказывались от всякого прямого или косвенного сотрудничества с Сектом [24].

Только 6 ноября Гитлер и другие лидеры поспешно разработали планы захвата власти в Баварии с надеждой получить контроль над баварской армией и полицией для использования в походе на Берлин. Первоначальные планы предусматривали дальнейшие действия по 11 ноября, но Гитлер опасался, что Кар может заранее объявить независимость Баварии и вернуть на трон Виттельсбахов. Такое развитие событий лишило бы Гитлера возможности сформировать свое национальное правительство. Затем захват был запланирован на вечер 8 ноября, когда Гитлер и другие националистические лидеры были приглашены послушать выступление фон Кара в «Бюргербройкеллер» – одной из крупнейших и самых известных пивных Мюнхена. Зная, что баварский диктатор может объявить о планах, пагубных для самого Гитлера, нацисты решили начать восстание, пока фон Кар выступал с речью [25, р. 456–457; 26, р. 192]. Несмотря на то что Кар был уверен в том, что Гитлер и Людендорф не предпримут никаких действий, не поставив его в известность [27, р. 270–275, 283–288], нацисты осуществили свой запланированный переворот, описанный историком Питером Фриче как «дилетантская постановка, основанная на ошеломляющем преувеличении влияния Гитлера над чужими войсками», что привело к катастрофе для Национал-социалистической немецкой рабочей партии [28, р. 185].

¹ Слухи определяли дату выступления Гитлера 7 ноября. Реальность угрозы была настолько велика, что французское правительство заявило Берлину, что революция, создающая националистическую военную диктатуру, недопустима [12].

В ответ на все эти действия имперское правительство опубликовало за подписью Штреземана воззвание, которое косвенным образом подтверждало слухи об ультиматуме. «Известные круги, – говорится в воззвании, – пытаются воздействовать на имперское правительство и угрожают гражданской войной. Правительство выступит со всей энергией с целью сохранить единство государства и обеспечить свободу и порядок. <...> Имперское правительство имеет в своем распоряжении достаточно сил; оно имеет рейхсвер, полицию и пользуется поддержкой всего стремящегося к сохранению порядка населения» [29].

В этих условиях Штреземан попытался парализовать фашистскую опасность введением монархистов в состав общегерманского правительства [30]. Вместе с тем он начал переговоры с демократами о выработке мер обороны на случай военного выступления фашистов, отказавшись от образования отрядов «республиканской обороны», считая, что рейхсвер и полиция сумеют отразить возможное выступление правых [31].

На фоне нерешительности имперского правительства гитлеровские организации категорически высказывались за немедленное выступление. Как выяснил корреспондент РОСТА, решение о выступлении было принято на тайном совещании гитлеровских союзов вечером 2 ноября. Главным поводом к выступлению послужило отсутствие средств в связи с прекращением финансирования фашистских организаций баварскими промышленниками. Кар и Лоссов голосовали за выступление без всякого давления со стороны Гитлера¹. Опасность этого мероприятия была ими осознана только под давлением мюнхенского архиепископа Фаульберга и Рупрехта, которые уговорили отказаться их от этой затеи, ибо переворот не дает достаточных гарантий для восстановления монархии. Кар немедленно изменил позицию и выступил против своих союзников [32–35].

В ответ баварская народная партия упразднила должность государственного комиссара, которую занимал Кар. Однако Кар заявил в воззвании, что он останется на своем посту. «Гитлер и Людендорф поторопились, – писал Кар, – они хотели сорвать плод прежде, чем он созрел» [35]. Тем самым он заявил, что не отказывается от общего плана установления общенациональной диктатуры, что их разногласия носят лишь временный характер и он не является принципиальным противником установления диктатуры.

Приняв решение о выступлении, гитлеровцы начали сосредотачивать свои вооруженные силы – артиллерийские части, броневые отряды. Стали раздавать оружие населению. В Брандберг прибыло 4000 австрийских фашистов [36]. В Померании, Бранденбурге и Силезии боевые фашистские союзы лихорадочно готовились к выступлению. В Саксонии были мобилизованы все националисты. К началу ноября, по оценкам компартии Германии, фашисты располагали хорошо вооруженной дивизией Эрхардта и тайными союзами в Бранденбурге, Померании и Силезии, вместе составляющими еще одну дивизию. Но главным в расчетах фашистов была ставка на то, что рейхсвер не выступит против них, а наоборот, даже поддержит [37].

¹ В ранних коммюнике англо-американская пресса говорила о добровольности присоединения к Гитлеру Кара и Лоссова, только в более поздних статьях появилась история о том, что Гитлер под угрозой револьвера заставил их участвовать в путче [12].

Баварская полиция произвела многочисленные аресты коммунистов и рабочих, закрыла все социал-демократические и демократические газеты. В Северной Баварии была объявлена мобилизация всего населения до тридцати лет включительно. Гитлеровские отряды продолжали сосредоточение на северной границе Баварии. Во главе движения встал Эрих Людендорф, который стягивал крупные силы к Берлину.

Ситуация неопределенности и успокаивающее воззвание Штреземана только увеличивали состояние тревоги в германском обществе. Левобуржуазная печать настаивала на усилении пограничных частей рейхсвера. Баварские националисты призывали Кара к твердости, предлагая не идти на уступки и добиваться отставки Эберта и Штреземана. Союз крупных землевладельцев Померании отправил Кару делегацию для обсуждения вопроса о совместном выступлении.

В Берлине был объявлен приказ военного министра Гесслера с призывом отбить нападение фашистов [20, 22]. Но это вовсе не остановило череду погромов и демонстраций с фашистскими и антисемитскими лозунгами. Демонстранты останавливали прохожих, избивали евреев, высаживали и грабили едущих в автомобилях. Фашистские отряды и патрули, обходя районы города, агитировали за погромы, создавая паническое настроение. Главной опорой фашистов в погромных выступлениях стали безработные, число которых в Берлине превысило 300 000. Всякая погромная агитация находила живой отклик. Полиции с трудом удавалось сдерживать толпы недовольных. Буржуазия и иностранцы покидали Берлин.

В то же время в Мюнхене велась оживленная дискуссия между Каром и Ойгеном фон Книллингом и группами, примыкающими к Гитлеру. Фон Книллинг и Баварская народная партия, заняв нерешительную позицию в вопросе захвата власти фашистами в общегерманском масштабе, выжидали дальнейшего развития событий.

Баварская организация германской национальной партии требовала от Кара немедленных энергичных действий, указывая на тяготение германского рейхсвера к баварскому. Гитлеровские организации решительно высказались за немедленное выступление и принимали энергичные меры по приготовлению к перевороту.

Под давлением происходящего парламентские круги отрицательно отнеслись к идее назначения на пост канцлера Штреземана и проекту создания правительства малой коалиции. Кандидатом на пост канцлера называли вождя правого крыла народной партии бывшего министра юстиции Гейнце.

Штреземан предполагал пост министра восстановления оставить незаполненным. Назначение министра внутренних дел Яккерта усилило правое крыло правительства, стремящееся к разрыву с Францией. Центровик, министр труда Густав Брауне склонялся к правой ориентации. Во главе левого крыла партии центра стоял Вирт.

«Фоссише Цайтунг» сообщала, что в состав проектируемой правыми партии директории кроме Гейля, Одиена и Мину должен войти бывший директор Круппа, германский посол в Вашингтоне Отто Витфельд. Газета подчеркивала, что состав директории обеспечивает неограниченные денежные средства для поддержки путчистских боевых организаций с целью установления диктатуры тяжелой промышленности, а также крупных аграриев. Несколько недель

назад Витфельд, а также Мину отклонили предложение войти в правительство Штреземана.

Бывший саксонский премьер Эрих Цейгнер был назначен председателем саксонской судебной палаты.

Демократическая партия призвала всех членов, умеющих обращаться с оружием, быть готовыми к защите республики. Эсдековское воззвание, подчеркивая пассивность правительства, укрепляло у фашистов веру в победу и призывало сторонников республики к борьбе в тесном контакте с органами государственной власти [36].

Уже 9 ноября в 12 ч 40 мин собственный корреспондент «Правды» передал, что в Мюнхене Гитлер и Людендорф совершили переворот, а Кар и Лоссов отказались поддержать путчистов. Кар отдал приказ арестовать Гитлера и Людендорфа. В этом же номере «Правда» поместила и сообщение английского радио, и сообщение РОСТА, которое было отправлено в 11 ч 16 мин, изложив не только подробности переворота, но и его ликвидацию [37]¹.

Газеты рассказывали, что 8 ноября вечером в Мюнхене был организован «контрреволюционный» митинг, на котором выступил Кар с большой речью, посвященной борьбе с марксизмом. Неожиданно в зал ворвались фашисты во главе с Гитлером, который вскочил на трибуну и закричал: «Мы решили объявить национальную диктатуру». Когда шум улегся, Гитлер заявил, что «образование нового национального правительства – спасение Германии». Немедленно был отдан приказ арестовать баварское правительство, обвиняемое в ведении переговоров с Штреземаном. Правительство было заключено в мюнхенскую городскую тюрьму.

Гитлер предложил назначить Людендорфа главнокомандующим Баварии, себя – политическим консультантом, генерала Лоссова – министром обороны, известного реакционера, бывшего мюнхенского полицейского-президента Эрнста Пенера – регентом Баварии. Гитлер предложил создать общеимперское правительство – Кар – регент Германии, Гитлер – политический консультант, Людендорф – главнокомандующий, Лоссов – министр обороны, генерал Зейсер – министр общественной безопасности. После Гитлера слово взяли Кар, Людендорф и Пенер, которые заявили о своей готовности взять власть в свои руки. Гитлеровские боевые отряды заняли почту, государственные учреждения и редакции газет. По городу происходили грандиозные фашистские демонстрации [20, 34, 37, 38]. В то же время Гитлер и Людендорф разослали по радио распоряжение всем провинциальным властям не подчиняться приказаниям, идущим из Берлина, и ожидать дальнейших инструкций из Мюнхена [38].

После подавления путча газеты стали живописать ужасы кратковременного пребывания фашистов у власти: в Мюнхене они врывались в частные квартиры депутатов социал-демократов, избивали их семейства и производили обыски. Арестованные депутаты социал-демократы были отвезены в ближайший лес для расстрела, но спаслись чудом. Отрядами фашистов были заняты и разрушены редакции и типографии всех умеренных газет [35, 39, 40].

¹ Следует сказать, что и иностранные газеты поместили сообщение о путче уже на следующий день, 9 января [12].

«Известия» отмечали, что Штресман, получив сообщение о перевороте в Мюнхене в половине двенадцатого ночи, немедленно созвал совещание правительства при участии генерала Секта и барона Аго фон Мальцана. Правительство выработало текст воззвания, в котором говорилось: «Вооруженные банды свергли баварское правительство, арестовали его главу Книллинга и образовали самозванное правительство всей Германии, вручив судьбу страны в руки Людендорфа и Гитлера. Решения узурпаторов власти не имеют никакой силы. Выступление Гитлера – не что иное как государственная измена. Германское правительство заявляет, что оно ликвидирует путч самым безжалостным образом» [41]. Вместе с тем правительство требовало от народа поддержать отечество в этот час тяжелого испытания и защитить единство государства. Населению Германии запрещалось выполнять приказы, выпускаемые вооруженной бандой узурпировавшей власти [20]. В связи с создавшимся тяжелым положением Штресман поручил командование всеми военными силами генералу Секту, наделив его диктаторскими полномочиями по организации обороны республики [38].

Гесслер издал приказ, запрещающий публиковать и распространять какие-либо сообщения о мюнхенских событиях кроме официальных. Железнодорожное, почтовое и телефонное сообщение между Баварией и остальными частями Германии было приостановлено решением германского правительства «в виду низложения законного конституционного правительства Баварии» [34, 41].

9 ноября утром Кар и Лоссов обратились к германскому правительству с телеграммами раскаяния, заявив, что воззвание Гитлера об образовании общегерманского национального правительства было подписано под угрозой оружия [42]. Однако лидер националистов Грефе с осуждением заявил, что о перевороте были также осведомлены Кар и Лоссов, давшие накануне свое полное согласие на переворот и изменившие его лишь в последний момент, когда выяснилось, что шансы участников переворота не велики. Обвинил он и поведение Эрхардта, не примкнувшего к перевороту только из-за личных споров, которые у него имелись с Гитлером [43]. Бригада Эрхардта, особенно неэнергично настаивавшая на выступлении, получив известие о поражении фашистов, заявила о нейтралитете и не приняла никакого участия в борьбе.

Расположенные в Северной Баварии части рейхсвера сообщили по радио в Берлин, что они не намерены поддерживать выступление Гитлера.

Пытаясь реабилитировать себя в глазах имперского правительства, Кар отдал приказ об аресте Гитлера, Людендорфа и всех вождей фашистов. Части баварского рейхсвера под командованием Лоссова даже атаковали фашистов. Он также призвал рейхсвер и государственную полицию не исполнять приказов Гитлера, а повиноваться прежнему правительству Книллинга.

На стороне Кара оказался начальник баварской полиции Зейсер. Выступление путчистов не было поддержано ни в Берлине, ни в других местах Германии.

«Правда» констатировала, что «выступление Гитлера превратилось в борьбу между баварской народной партией (Кар-Лоссов) и фашистами (Гитлер-Людендорф)» [34, 37]. Газета «Пролетарий» «подавление восстания» назвала комедией, которая разыгрывается «как по нотам» [38].

Рассматривая причины неудачи фашистского переворота, газеты отмечали противоречия среди фашистов, прежде всего между Гитлером и Людендорфом, с одной стороны, и Каром и Книллингом – с другой. Разногласия эти объяснялись тем, что Кар – сторонник бывшего баварского наследника престола Рупрехта, а Людендорф и Гитлер предполагали восстановить на престоле сына Вильгельма. Однако Кар и Лоссов не были принципиальными противниками установления всегерманской диктатуры, заявив публично, что для этого еще не настало время.

Причины поражения фашистов виделись в том, что баварские фашисты оказались в одиночестве: правительства Пруссии, Вюртемберга, Бадена и Гессена заявили, что они остаются верны правительству Штресемана и выступают против Гитлера. Не встретило сочувствия выступление Гитлера и в остальной Германии.

В поддержку центрального правительства выступило ЦК социал-демократической партии [42]. Вероятно, такая позиция социал-демократов привела к тому, что вновь возникла мысль о привлечении их в правительство, что встретило в известных кругах социал-демократов сочувствие [44]. Газета «Красная армия» объясняла своим читателям, что выступление Гитлера-Людендорфа потерпело крах в первую очередь от того, что их союзник Кар выступил против них. Кар вовсе не являлся противником фашистов: по его мнению, «плод еще не созрел», не настало время для открытого фашистского выступления. Гитлер поторопился, он не учел двух весьма важных обстоятельств: вмешательство Франции, боящейся Людендорфа – противника Версальского договора, и неизбежного в случае вооруженной победы крайних фашистов возбуждения рабочего населения. И баварские фашисты, и общегерманские националисты не были против установления правой диктатуры. Они только были против способов Гитлера – против вооруженного выступления. Положение в Германии было таково, что им «значительно легче взять власть мирным путем», не вызвав противодействия со стороны Франции [35].

Газета «Пролетарий» видела основную причину быстрого краха фашистского восстания в его обреченности, которая выяснилась уже на второй день после переворота [45]. «Восстание, начавшееся в столице Баварии, Мюнхене, не нашло поддержки ни в фашистских организациях остальной Германии, ни даже в самой Баварии. Фашистские отряды не рискнули выступить, очевидно, из-за своей неподготовленности и неорганизованности». Немаловажным фактором стала позиция Франции, которая в ноте германскому правительству заявила, что французское правительство не может допустить установления в Германии националистической диктатуры во главе с лицами, которые поклялись уничтожить Версальский договор. В Берлине ожидали, что французские войска в случае образования в Германии националистского правительства вторгнутся в незанятые ими еще области Германии. В этой ситуации баварские фашисты «пожертвовали» Гитлером и Людендорфом, дабы «спасти фашистскую Баварию от разгрома, нежели лезть головой в огонь» [38].

В Мюнхене против фашистов выступили также прибывшие из Южной Баварии верные германскому правительству части рейхсвера. Выполняя приказ Лоссова, части рейхсвера очистили от гитлеровцев все правительственные здания Мюнхена. Людендорф и Гитлер укрепили здание военного министерства,

которое было, по одним сведениям, сдано без единого выстрела, так как Людендорф сразу согласился сдаться, по другим – в результате ожесточенного боя, в ходе которого было убито 12 фашистов, 1 полицейский и несколько десятков тяжело ранено. Легкораненый в руку Гитлер и Людендорф были пленены, однако при доставлении Гитлера в тюрьму последний бежал [33, 38, 42, 44]. По другим сообщениям, бежал и Людендорф, отправленный под усиленным конвоем в Берлин [44, 46]. Гитлеровцы отступили в направлении к Розенгейму [33].

«Красная армия» сообщала, что в Мюнхене арестовано в течение последней ночи свыше 2000 гитлеровцев. Их аресты производились также в других городах Баварии. Баварское правительство объявило Гитлера и Людендорфа государственными изменниками [42]. Кроме того, Кар издал распоряжение о роспуске гитлеровской партии фашистов, а также военно-фашистских организаций «Оберланд» и «Военный флаг», которыми руководили Гитлер и Людендорф [42, 47]. Фашисты заявили о непризнании распоряжения, угрожая террором [48].

Неудача переворота вовсе не означала успокоения в стране и поддержку имперского правительства. Сообщения, поступающие из Германии, рисовали картину сильного недовольства баварской буржуазии исходом «монархического восстания». Несмотря на неудачу мюнхенского мятежа, националисты продолжали требовать установления национальной диктатуры [42] и вели наступательные действия, организуя вооруженные силы в разных пунктах как в Баварии, так и в соседних областях. В Берлине фашисты устраивали демонстрации и погромы [46].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что советские газеты весьма объективно и своевременно знакомили своих читателей с событиями, связанными с «пивным путчем». Вслед за иностранными средствами массовой информации советская печать подробно рассказывала не только о ходе самого путча, но и о его подготовке и причинах поражения, передавая оценки западной прессы. Следует отметить, что в силу кратковременности случившегося в Мюнхене советские газеты в этот период помещали в основном информационные сообщения, не поднимаясь до анализа этого события.

Список литературы

1. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М. : Мысль, 1978. 208 с.
2. Гейден К. Фюрер. Путь Гитлера к власти / пер. с нем. Ф. Капелюша и А. Риша. М. : Яуза-пресс, 2023. 464 с.
3. Гинцберг Л. И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М. : Вече, 2004. 384 с.
4. Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М. : РОССПЭН, 2009. 255 с.
5. Манн М. Фашисты. СПб. : Питер : Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.
6. Nicholls A. J. Weimar and the Rise of Hitler, new edn. New York : St. Martin's Press, 2000. 229 p.
7. Толанд Дж. Адольф Гитлер : в 2 кн. : пер. с англ. М. : Интердайджест, 1993. Кн. 1. 368 с. ; кн. 2. 336 с.
8. Мазер В. Адольф Гитлер: легенда, миф, реальность. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 608 с.

9. Кершоу Ян. Гитлер. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 320 с.
10. Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх : пер с нем. М. : Вече, 2009. 640 с.
11. Космач В. А. Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки : монография. Псков : ЛОГОС, 2016. 1118 с.
12. Henson A. Before the Seizure of Power: American and British Press Coverage of National Socialism, 1922 to 1933 // TigerPrints. URL: https://tigerprints.clemson.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=all_theses (дата обращения: 28.12.2023).
13. Известия. 1923. 6 ноября.
14. Известия. 1923. 2 ноября.
15. Вечерние известия. Экстренный выпуск. 1923. 5 ноября.
16. Красный путь. 1923. 6 ноября.
17. Красная армия. 1923. 6 ноября.
18. Правда. 1923. 30 октября.
19. Правда. 1923. 6 ноября.
20. Красный путь. 1923. 7 ноября.
21. Красный путь. 1923. 10 ноября.
22. Красная армия. 1923. 9 ноября.
23. Kershaw I. Hitler, 1889–1936: Hubris. New York : W.W. London and Company, 2000. 1115 p.
24. Правда. 1923. 1 ноября.
25. Flood Ch. B. Hitler: The Path to Power. Boston : Houghton Mifflin Company, 1989. 720 p.
26. Evans R. J. The Coming of the Third Reich. New York : The Penguin Press, 2004. 622 p.
27. Gordon Jr., Harold J. Hitler and the Beer Hall Putsch. Princeton : Princeton University Press, 1972. 684 p.
28. Fritzsche Peter. Germans Into Nazis. Cambridge : Harvard University Press, 2000. 288 p.
29. Правда. 1923. 7 ноября.
30. Пролетарий. 1923. 9 ноября.
31. Советская Сибирь. 1923. 9 ноября.
32. Волна. 1923. 13 ноября.
33. Коммуна. 1923. 13 ноября.
34. Советская Сибирь. 1923. 13 ноября.
35. Красная армия. 1923. 13 ноября.
36. Красный путь. 1923. 9 ноября.
37. Правда. 1923. 10 ноября.
38. Пролетарий. 1923. 10 ноября.
39. Пролетарий. 1923. 13 ноября.
40. Красный путь. 1923. 13 ноября.
41. Известия. 1923. 10 ноября.
42. Красная армия. 1923. 11 ноября.
43. Красный путь. 1923. 16 ноября.
44. Красный путь. 1923. 11 ноября.
45. Пролетарий. 1923. 11 ноября.
46. Тверская Правда. 1923. 11 ноября.
47. Красный Север. 1923. 11 ноября.
48. Коммуна. 1923. 20 ноября.

References

1. Blank A.S. *Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizatsiya. Ideologiya. Metody = From the history of early fascism in Germany. Organization. Ideology. Methods.* Moscow: Mysl', 1978:208. (In Russ.)

2. Geyden K. Fyurer. *Put' Gitlera k vlasti = Hitler's Path to Power. Translated from German by F. Kapelyusha and A. Rischa.* Moscow: Yauza-press, 2023:464. (In Russ.)
3. Gintsberg L.I. *Rannyya istoriya natsizma. Bor'ba za vlast' = The early history of nazism: the struggle for power.* Moscow: Veche, 2004:384. (In Russ.)
4. Fray N. *Gosudarstvo fyurera: Natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945 = The Führer's State: National Socialists in Power: Germany, 1933–1945.* Moscow: ROSSPEN, 2009:255. (In Russ.)
5. Mann M. *Fashisty = Fascists.* Saint Petersburg: Piter : Fond «Istoricheskaya pamyat'», 2023:592. (In Russ.)
6. Nicholls A.J. *Weimar and the Rise of Hitler, new edn.* New York: St. Martin's Press, 2000:229.
7. Toland Dzh. *Adol'f Gitler: v 2 kn.: per. s angl. = Adolf Hitler: in 2 books: translated from English.* Moscow: Interdaydzhest, 1993;(bk. 1): 368; (bk. 2):336. (In Russ.)
8. Mazer V. *Adol'f Gitler: legenda, mif, real'nost' = Adolf Hitler: legend, myth, reality.* Rostov-on-Don: Feniks, 1998:608. (In Russ.)
9. Kershov Yan. *Gitler = Hitler.* Rostov-on-Don: Feniks, 1997:320. (In Russ.)
10. Fest I. *Gitler. Biografiya. Put' naverkh: per s nem. = Hitler. Biography. The way to the top: translated from German.* Moscow: Veche, 2009:640. (In Russ.)
11. Kosmach V.A. *Adol'f Gitler i ranniy fashizm v Germanii (1889–1924 gg.). Istoriya. Suzhdeniya. Mneniya. Otsenki: monografiya = Adolf Hitler and Early Fascism in Germany (1889–1924). History. Judgments. Opinions. Assessments: Monograph.* Pskov: LOGOS, 2016:1118. (In Russ.)
12. Henson A. Before the Seizure of Power: American and British Press Coverage of National Socialism, 1922 to 1933. *TigerPrints.* Available at: https://tigerprints.clemson.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=all_theses (accessed 28.12.2023).
13. *Izvestiya = Izvestiya (Proceedings).* 1923;6 November. (In Russ.)
14. *Izvestiya = Izvestiya (Proceedings).* 1923;2 November. (In Russ.)
15. *Vechernie izvestiya. Ekstrennyy vypusk = Vechernie izvestiya. Ekstrennyy vypusk (Evening News. Special Edition).* 1923;5 November. (In Russ.)
16. *Krasnyy put' = Krasnyy put' (Red path).* 1923;6 November. (In Russ.)
17. *Krasnaya armiya = Krasnaya armiya (Red army).* 1923;6 November. (In Russ.)
18. *Pravda = Pravda (Truth).* 1923;30 October. (In Russ.)
19. *Pravda = Pravda (Truth).* 1923;6 November. (In Russ.)
20. *Krasnyy put' = Krasnyy put' (Red path).* 1923;7 November. (In Russ.)
21. *Krasnyy put' = Krasnyy put' (Red path).* 1923;10 November. (In Russ.)
22. *Krasnaya armiya = Krasnaya armiya (Red army).* 1923;9 November. (In Russ.)
23. Kershaw I. *Hitler, 1889–1936: Hubris.* New York: W.W. London and Company, 2000:1115.
24. *Pravda = Pravda (Truth).* 1923;1 November. (In Russ.)
25. Flood Ch. B. *Hitler: The Path to Power.* Boston: Houghton Mifflin Company, 1989:720.
26. Evans R.J. *The Coming of the Third Reich.* New York: The Penguin Press, 2004:622.
27. Gordon Jr., Harold J. *Hitler and the Beer Hall Putsch.* Princeton: Princeton University Press, 1972:684.
28. Fritzsche Peter. *Germans Into Nazis.* Cambridge: Harvard University Press, 2000:288.
29. *Pravda = Pravda (Truth).* 1923;7 November. (In Russ.)
30. *Proletariy = Proletariy (Proletarian).* 1923;9 November. (In Russ.)
31. *Sovetskaya Sibir' = Sovetskaya Sibir' (Soviet Siberia).* 1923;9 November. (In Russ.)
32. *Volna = Volna (Wave).* 1923;13 November. (In Russ.)
33. *Kommuna = Kommuna (Commune).* 1923;13 November. (In Russ.)
34. *Sovetskaya Sibir' = Sovetskaya Sibir' (Soviet Siberia).* 1923;13 November. (In Russ.)
35. *Krasnaya armiya = Krasnaya armiya (Red army).* 1923;13 November. (In Russ.)
36. *Krasnyy put' = Krasnyy put' (Red path).* 1923;9 November. (In Russ.)

37. *Pravda* = *Pravda (Truth)*. 1923;10 November. (In Russ.)
38. *Proletariy* = *Proletariy (Proletarian)*. 1923;10 November. (In Russ.)
39. *Proletariy* = *Proletariy (Proletarian)*. 1923;13 November. (In Russ.)
40. *Krasnyy put'* = *Krasnyy put' (Red path)*. 1923;13 November. (In Russ.)
41. *Izvestiya* = *Izvestiya (Proceedings)*. 1923;10 November. (In Russ.)
42. *Krasnaya armiya* = *Krasnaya armiya (Red army)*. 1923;11 November. (In Russ.)
43. *Krasnyy put'* = *Krasnyy put' (Red path)*. 1923;16 November. (In Russ.)
44. *Krasnyy put'* = *Krasnyy put' (Red path)*. 1923;11 November. (In Russ.)
45. *Proletariy* = *Proletariy (Proletarian)*. 1923;11 November. (In Russ.)
46. *Tverskaya Pravda* = *Tverskaya Pravda (Tverskaya truth)*. 1923;11 November. (In Russ.)
47. *Krasnyy Sever* = *Krasnyy Sever (Red North)*. 1923;11 November. (In Russ.)
48. *Kommuna* = *Kommuna (Commune)*. 1923;20 November. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Михаил Васильевич Брянец

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права,
Брянский государственный
университет имени академика
И. Г. Петровского (Россия, г. Брянск,
ул. Бежицкая, 14)
E-mail: bmvbox@mail.ru

Mikhail V. Bryantsev

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of theory and history
of state and law, Bryansk State
University named after Academician
I.G. Petrovsky (14 Bezhitskaya street,
Bryansk, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.04.2024

Принята к публикации / Accepted 20.05.2024

УДК 94(470.56):614"193"
doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-7

Конъюнктурный обзор эпидемической заболеваемости и профилактических мероприятий в Оренбургской области в 1930-е гг.

А. И. Ажигулова

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия
azhigylova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В последние несколько лет человечество столкнулось с серьезной проблемой, вызванной пандемией коронавируса. Ряд предприятий, туристических направлений были вынуждены приостановить свою деятельность для сохранения здоровья населения и нераспространения вируса. Пандемии сопутствуют жизни человека не одно столетие, за это время сформировались определенные правила поведения, способы борьбы с болезнями, поэтому изучение опыта предыдущих лет поможет быстрее преодолеть современную болезнь. Цель исследования – анализ конъюнктурного обзора эпидемических заболеваний в Оренбургской области в 1930-е гг. и оценка профилактических мероприятий органов здравоохранения и местной администрации. *Материалы и методы.* В процессе исследования автор обратился к архивным документам Объединенного государственного архива Оренбургской области, Самарского областного государственного архива социально-политической истории. Анализ документов данных архивов позволил осветить события 1930-х гг. на территории Оренбургской области, связанные с эпидемическими вспышками. Автором были применены общенаучные методы описания, сравнения, анализа, а также частно-исторические, такие как историко-хронологический и историко-сравнительный. *Результаты.* Были выделены основные эпидемические заболевания, характерные для населения Оренбургской области в 1930-е гг., такие как брюшной тиф, сыпной тиф, корь, скарлатина, коклюш, дизентерия. Автором выявлены основные причины распространения заболеваний – это скученность населения в силу нехватки жилья, недостаток медицинского персонала, несоблюдение гигиены. Проанализирована санитарная и профилактическая работа органов здравоохранения, например строительство бань, вошебоек, пароформалиновых камер, эпидемических барачков, проведение санитарной обработки водоемов, чистка селений и дворов от отходов, способствовавшая победе над основными инфекционными очагами. *Выводы.* Опираясь на архивные материалы 1930-х гг., автор освещает события тех лет. В разгар строительства Советского государства общество столкнулось с рядом эпидемических заболеваний, передающихся на бытовом уровне. Органами здравоохранения и местной администрацией были приняты меры по борьбе с заболеваниями и их профилактике. В города и районы области направлялись санитарные врачи, вакцинаторы, лекарства, инструкции. Таким образом, в короткие сроки в Советском Союзе создается развитая сеть медицинских и санитарно-просветительских учреждений, способных эффективно бороться с эпидемическими вспышками.

Ключевые слова: Оренбургская область, конъюнктурный обзор, инфекция, санобработка, прививка

Для цитирования: Ажигулова А. И. Конъюнктурный обзор эпидемической заболеваемости и профилактических мероприятий в Оренбургской области в 1930-е гг. //

Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 80–91. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-7

Conjunctural review of epidemic morbidity and preventive measures in the Orenburg region in the 1930 years

A.I. Azhigulova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

azhigylova@mail.ru

Abstract. *Background.* In the last few years, humanity has faced a serious problem caused by the coronavirus pandemic. A number of enterprises and tourist destinations were forced to suspend their activities to preserve public health and non-proliferation of the virus. Pandemics accompany human life for more than one century, during this time certain rules of behavior and ways of combating diseases have been formed, so studying the experience of previous years will help to overcome the modern disease faster. The purpose of this article is to analyze the market review of epidemic diseases in the Orenburg region in the 1930 years and evaluate preventive measures of health authorities and local administration. *Materials and methods.* In the course of the research, the author turned to archival documents of the United State Archive of the Orenburg region, the Samara Regional State Archive of Socio-Political History. The analysis of the documents of these archives made it possible to highlight the events of the 1930 years on the territory of the Orenburg region associated with epidemic outbreaks. The author applied general scientific methods of description, comparison, analysis, as well as private-historical, such as historical-chronological and historical-comparative. *Results.* The study identified the main epidemic diseases characteristic of the population of the Orenburg region in the 1930 years, such as typhoid fever, typhus, measles, scarlet fever, whooping cough, dysentery. The author has identified the main causes of the spread of diseases, these are crowding of the population due to lack of housing, lack of medical personnel, non-compliance with hygiene. The sanitary and preventive work of health authorities is analyzed, for example, the construction of baths, washrooms, steam-formalin chambers, epidemic barracks, sanitary treatment of reservoirs, cleaning of villages and courtyards from waste, which helped to overcome the main infectious foci. *Conclusions.* Based on archival materials from the 1930 years, the author highlights the events. At the height of the construction of the Soviet state, society was faced with a number of epidemic diseases transmitted at the household level. Health authorities and the local administration have taken measures to combat diseases and prevent them. Sanitary doctors, vaccinators, medicines, instructions were sent to the cities and districts of the region. Thus, in a short time in the Soviet Union, a developed network of medical and sanitary educational institutions is being created that can effectively combat epidemic outbreaks.

Keywords: Orenburg region, market review, infection, sanitation, vaccination

For citation: Azhigulova A.I. Conjunctural review of epidemic morbidity and preventive measures in the Orenburg region in the 1930 years. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):80–91. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-7

В первые десятилетия советской власти начинается становление и последующее развитие всех государственных структур, одной из важных систем страны является здравоохранительная. Изучению деятельности органов здравоохранения и санитарного просвещения в отечественной историографии

было посвящено немалое количество трудов. В 1920-е гг. появляются труды практиков советской медицины, стоявших у ее истоков В. М. Бехтерева [1], Н. А. Семашко [2, 3], Н. Н. Бурденко [4], в последующие 1930-е гг. выделяются работы Г. Н. Каминского [5, 6], Г. А. Баткиса [7] и т.д. Все эти деятели придавали значение санитарному просвещению населения, вели борьбу с «социальными болезнями». После Великой Отечественной войны появляются труды Е. И. Лотовой, Х. И. Идельчик [8], Е. Д. Ашуркова [9], Ю. П. Лисицына, которые описывают способы преодоления инфекционных заболеваний среди населения. На современном этапе выделяются труды Д. Л. Островкина и М. В. Попова, Н. В. Клементьевой [10], Г. В. Савицкого и т.д.

Оренбургская область в 1930-е гг., как и все области Советского Союза, переживала период активного строительства нового государства. Тысячи людей трудоспособного возраста передвигаются из региона в регион для получения образования, профессии, на строительство новых промышленных объектов, сезонные работы и т.д. Механическое передвижение сопровождалось не только ростом и убылью среди населения, но и переносом ряда инфекционных заболеваний, во-первых, из-за скученности при передвижении, во-вторых, из-за нехватки жилья и перенаселенности на новых строительных объектах, в-третьих, из-за недостаточности медицинских специалистов и т.д. Ряд инфекционных заболеваний, характерный для рассматриваемого периода, носил сезонный характер, в весенне-летний период это брюшной тиф, корь, скарлатина, коклюш, дифтерия, дизентерия.

Перенаселенность жилищного фонда способствовала распространению такой социально-бытовой болезни, как трахома. В конце 1920-х начале 1930-х гг. в некоторых районах Бугурусланского округа болезнь охватила 80–90 % населения [11, л. 12]. Одной из причин распространения инфекционных заболеваний являлось несоблюдение санитарных норм населением. Например, после проведенной проверки в зерносовхозе им. Яковлева Тепловского района выяснилось, что за неимением кухарки помещения общепита находились в антисанитарном состоянии, грязные кухня и столовые, нет кипяченой воды [12, л. 1]. Среди нацменов¹ велась постоянная просветительская работа по поводу соблюдения чистоты в быту, стирке одежды, мытья посуды и т.д. [14, л. 96].

В 1930-е гг. разница между обеспечением медицинской помощью городов и сел была существенной. В силу специфики работы в деревне, отдаленности от ряда коммуникаций медицинских специалистов здесь не хватало. Часто городские и районные больницы организовывали выезды в деревни для профилактической работы, прививания населения, оказания медицинской помощи. Таким образом, население получало возможность обследования у узких специалистов, например гинекологов, венерологов, окулистов, онкологов и т.д. В январе 1930 г. 8 крестьянская амбулатория Оренбурга посетила пос. Нежинка. Врачи привезли с собой плакаты с санитарно-просветительской информацией, развернули прививочный пункт, оказали необходимую медицинскую помощь [15, с. 3].

Активная работа велась по борьбе с распространением оспы, на 1 января 1930 г. в Оренбурге было привито 30 тыс. человек, квартиры, где жили

¹ Нацмен – относящийся к отдельной малочисленной национальности [13].

больные оспой, дезинфицировались, больных направляли в специальные бараки [16, с. 4].

С наступлением весны учащается количество кишечных заболеваний, вызванных инфекцией. В Оренбургской области эпидемическим очагом брюшного тифа с 1929 г. был Бугуруслан, весной 1931 г. начальником областного здравоохранительного отдела В. И. Шнейдером и руководителем эпидемиологической группы Н. К. Костромским был зафиксирован рост инфекции до 192 случаев заражения. Весной 1935 г. в Оренбургской области из 38 случаев заболеваний брюшным тифом 17 приходилось на Бугуруслан и его район, поэтому для обследования и организации специальных мероприятий на место выезжал областной госсанинспектор [17, л. 3]. В результате обследования локализация инфекции была зафиксирована вдоль берегов р. Турханки. Выяснилось, что водопроводная сеть в этой части города развита слабо, поэтому население кварталов, расположенных вдоль Турханки, частично пользуется водой из этой речки. После обследования очага инфекции были приняты меры по очистке берегов р. Турханки. За 4 месяца было проведено 347 трехкратных и 905 двухкратных прививок, для работы 3 прививочных отрядов областным здравотделом было отпущено 1000 руб. На долю детей до 15 лет приходилось свыше 50 % заболевших, поэтому прививки были направлены в первую очередь на охват детского населения. В прочих районах Оренбургской области наблюдались только спорадические заболевания брюшным тифом. Предохранительные прививки по области проводились в 38 районах из 52. Ввиду плохого руководства и недостатка квалифицированных медицинских кадров в районах, не охваченных прививками, профилактическая работа не проводилась. Всего к 1 мая 1935 г. привили 29 681 человека, из них трехкратными – 18 855 и двухкратными незаконченными прививками – 10 681, что составляло 48,3 % годового плана. Прививки среди сельскохозяйственных рабочих, рабочих машинно-тракторных станций и совхозов в предпосевной период сорвались из-за несвоевременного получения вакцины от институтов [17, л. 3 об.].

Первая половина 1930-х гг. – тяжелое время для жителей Советского Союза, именно на этот момент приходится голод 1932–1933 гг., его последствия долго сказывались на здоровье населения, так как организм был ослаблен и подвержен болезням.

В Оренбургской области, согласно анализу табл. 1, заболеваемость такими эпидемическими заболеваниями, как малярия, дизентерия, дифтерия, коклюш, за период с 1933 по 1935 г. значительно возросла.

Таблица 1

Эпидемические заболевания по Оренбургской области
в 1933, 1935 г. [18, л. 10]

Заболевание	1933 г.	1935 г.
Малярия	75 717	175 939
Дизентерия	2569	4570
Дифтерия	1025	1469
Коклюш	2284	6320

Для борьбы с малярией в январе 1935 г. областным здравоохранением был принят план противомаларийных мероприятий. На основе этого плана по Оренбургу и его району бригадой в составе инструктора культуры и пропаганды при партийных и советских органах В. Т. Корниловой и врача А. И. Шахова было проведено обследование населения в количестве 161 тысяч человек, из них произведено 32 тыс. клинических и лабораторных исследований и выявлено 4000 человек бациллоносителей. В качестве противомаларийных средств использовали хинин, парижскую зелень, плазмоцид, нефть [19, л. 1–4].

Серьезной проблемой к середине 1930-х гг. оставался сыпной тиф. В Оренбургской области более половины районов были им поражены: из 52 районов 27 были охвачены этим заболеванием. По количеству заболеваний сыпным тифом на первом месте был Халиловский район – 24 случая, на втором месте – Оренбург – 18, далее – Оренбургский район – 11, Бугурусланский – 9, Секретарский – 8, Абдулинский – 7, Бузулукский – 7, Краснохолмский – 6, в остальных районах количество заболеваний менее 5 случаев [17, л. 2 об.]. Эпидемическими обследованиями было выявлено, что сыпным тифом поражаются одни и те же группы населения – школьники, рабочие в общежитиях, сезонники. Например, в Оренбургском районе из 11 заболеваний 9 случаев были среди рабочих железной дороги отдела рабочего снабжения, причиной распространения сыпного тифа оказались непригодные бытовые условия. Санитарный надзор поставил вопрос о смене руководства за бездеятельность в отношении бытовых условий рабочих, в результате директор был снят с работы, начата постройка новых бараков для общежитий, санитарная обработка была произведена общими усилиями Дорсанотдела, который перебрал вагоны-бани, и Горздрава, который предоставил походную пароформалиновую камеру. В Халиловском районе, в башкирском селении Чебакла в апреле возник эпидемический очаг, более 50 % заболевших – школьники, но со стороны районного здравоохранения не было принято достаточных мер. Помощник государственного санитарного инспектора распорядился эвакуировать больных в районную больницу, но сельсовет распоряжение не выполнил. 11–13 апреля во время половодья 60 % больных остались не госпитализированными, и только при вторичном выезде санитарного отряда из райцентра в конце апреля больные были госпитализированы и эпидемические очаги обработаны. Председателю сельсовета был объявлен выговор за бездеятельность. В совхозах области заболеваемость была ниже, чем в колхозах. Борьба с сыпным тифом в колхозах была осложнена неудовлетворительной медицинской помощью в районах. Систематическая борьба с сыпным тифом велась только в Оренбурге, Орске, Бузулуке и т.д. и районах, имеющих санитарных врачей. В районах, где не было санитарной организации, а таких районов в области было больше половины, мероприятия сводились к госпитализации, примитивной санобработке и карантинизации очагов. В апреле 1935 г. для ликвидации эпидемической вспышки сыпного тифа в пос. Ключи Екатериновского района был командирован эпидемический отряд областного бактериологического института. В результате была проведена следующая работа: обследовано 189 дворов трех поселков, в которых

обнаружено 4 человека, больных тифом и подозрительных, их эвакуировали в Ташлинскую участковую больницу. Эпидемический отряд обследовал на вшивость 919 человек, с платяной и головной вшивостью обнаружено 195 человек, которые были вымыты в бане, еще 316 человек подстрижены. В школе из 61 ученика оказалось 33 завшивленных, в эпидемических очагах эпидотрядом была произведена жилищная дезинфекция [17, л. 2 об.].

В Абдулинском районе было обнаружено 17 человек, зараженных сыпным тифом. В с. Покровка, где больных было зафиксировано 9 человек, Госсанинспектор отметил необеспеченность этого села банями, дезинфектором. Для ликвидации эпидемической вспышки очаги заболеваемости были подвержены санитарной обработке путем прожаривания белья и одежды в примитивных банях с последующим воздействием антипаразитарных средств. Всего прошли санитарную обработку 658 человек, из них в 28 сыпнотифозных очагах – 182. На переоборудование санпропускника в Абдулино выделено 2000 рублей. В Оренбурге санпропускник был оборудован в центральной бане, где санитарную обработку прошло 5486 человек, в санитарном пропускнике городской дезинфекционной станции санитарную обработку прошло 877 человек, из них 280 школьников. Была начата повторная санитарная обработка 39 сыпнотифозных очагов с количеством населения 126 человек, всего был обработан 101 очаг вшивости. После капитального ремонта в апреле заработала автомашина городской дезинфекционной станции, что дало возможность приступить к массовой санитарной обработке педикулезных очагов, выявленных при обследовании учащихся на вшивость. По Орску и новостройкам за апрель было зарегистрировано всего лишь 6 случаев, из них завозных – 4, на новостройке Локомотивстроя – 1 случай, остальные в городе и в селе. Поэтому в Орске и новостройках была проведена предупредительная работа. В результате 22 400 осмотров на вшивость завшивленных выявлено 1642 человека, подекадно прошли санитарную обработку 62 650 человек, был запущен в эксплуатацию изоляционно-пропускной пункт при Локомотивстрое [17, л. 3].

В отчете по Бузулукскому району государственный санитарный инспектор указал, что в апреле было зарегистрировано 6 случаев заражения сыпным тифом и только среди неорганизованного населения. В с. Тепловка, где было обнаружено 3 случая заболеваний, был направлен отряд в составе фельдшера и дезинфектора, которыми обследовано 496 человек, обнаружена вшивость у 42, все они прошли санитарную обработку. В селах Бузулукского района санитарную обработку прошел 81 человек. Таким образом, в Бузулукском районе для борьбы с сыпным тифом было проведено 6280 санитарных обработок, в том числе по городу 3966, проверено на вшивость 5723 человека, в том числе по городу 3327 человек.

В Оренбургской области, согласно результатам табл. 2, велась активная профилактическая работа, открывались временные бараки, общественные бани и прачечные, строились вошебойки, проводились санитарные обработки и обследования эпидемических очагов, а также мероприятия по санитарному просвещению.

Таблица 2

Эпидемические мероприятия по Оренбургской области
за первый квартал 1935 г.¹ [17, л. 3]

Оренбургская область	Число проведенных мероприятий, открытых общественных мест по борьбе с распространением сыпного тифа
Временные бараки	15
Вошебойки	11
Пароформалиновые дезинфекционные камеры	15
Санитарные пропускные пункты	8
Бани	8
Прачечные	3
Санитарные походы	31
Осмотры	54 320
Санитарная обработка	55 533
Мероприятия по санитарному просвещению	412

Таким образом, основными очагами распространения сыпного тифа являлись места массового пребывания людей, например железная дорога или места скопления людей – школы, общежития. Из-за неудовлетворительного медицинского обслуживания населенных пунктов в районах, расположенных на периферии медицинских участков, первые заболевания сыпным тифом оставались не обнаруженными медицинским персоналом, что в дальнейшем вело к более глубокому инфицированию населения и эпидемическим вспышкам.

Важное место в вопросе сохранения здоровья населения занимала борьба с детскими инфекциями, такими как корь, скарлатина, дифтерия. В Оренбургской области в середине 1930-х гг. такие очаги были обнаружены в Грачевском районе. В результате обследования было выявлено 11 больных скарлатиной, продезинфицировано 2 школы, 1 ясли, 11 квартир, трехкратными прививками был охвачен 361 человек, двухкратными – 26, в том числе в школах привит 361 человек, в яслях – 26 [17, л. 3 об.]. Во всех районах области наблюдался рост заболеваний корью, особенно в Бугурусланском, Бузулукском, Тоцком, Соль-Илецком районах [17, л. 6].

Давала знать о себе и такая болезнь, как натуральная оспа, в отчете начальника областного здравоохранительного отдела И. К. Медведева и руководителя эпидемиологической группы П. А. Костромского за апрель 1935 г. говорится о 2 случаях. Первый случай в Бузулукском районе, с. Шахматовка – заболел ребенок 6 лет, имевший положительную вакцинацию в 2 года. Вторым случаем в Кувандыкском районе в свиноводстве Ильинском, присоединенном к области из Башкирской республики, – заболел нацмен 18 лет, вакцинированный. Основными недостатками в организации оспопрививания в области являлись следующие: недостаток кадров оспопрививателей, низкая квалификация, текучесть кадров вследствие отсутствия кредитов на проезде, оплату командировочных, зарплату [17, л. 4].

¹ Данные представили 23 района из 52.

В летние месяцы наблюдалась сезонная вспышка желудочно-кишечных инфекций – дизентерии, энтероколита, гемоколита. Из-за недостатка медицинских специалистов, способных разграничить эти заболевания по диагностическому признаку, в Оренбургской области было очень мало районов, которые отправляли в областной центр сведения по всем трем заболеваниям. Например, Курманаевский район зарегистрировал все кишечные заболевания как дизентерию, Зиянчуринский район регистрировал эти заболевания как энтероколиты и гемоколиты. Бактериологическое обследование выявило в обоих случаях наличие бациллярной дизентерии, кроме названных двух районов вспышки наблюдались почти во всех районах, особенно в Акбулакском, Андреевском, Сакмарском и Оренбурге. В основном заболеванию были подвержены дети, смертность колебалась от 10 до 30 %. Для борьбы с эпидемическими вспышками были сформированы и отправлены на места врачебные отряды с эпидимуществом. В Андреевский район были направлены два врача и три медсестры, лаборант. В с. Ефимовка и Федоровка была произведена очистка селений от навоза и отходов, во дворах колхозников устроены примитивные уборки, в эпидемических очагах проведена дезинфекция, детское население было вакцинировано. В Ефимовке был открыт эпидемический барак на 30 коек. В результате указанных мероприятий болезнь удалось победить. В Курманаевский район был отправлен отряд из Оренбурга на автомашине в составе врача, двух сестер, бактериолога и дезинфектора. В наиболее пораженном заболеванием с. Ромашкино был открыт эпидемический барак на 30 коек. В результате работы отряда заболеваемость пошла на снижение. По Оренбургу для госпитализации больных дизентерией и гемоколитом были развернуты отделения при детской больнице и эпидемическом госпитале, увеличены штат медицинских сестер и число санитарных мероприятий, усилено лабораторное наблюдение за городским водопроводом, к колхозному базару прикреплен для постоянного контроля особый санитарный работник. По требованиям санитарной инспекции были оборудованы дополнительные киоски по продаже прохладительных напитков, на колхозном базаре были перестроены ряды для продажи молока и молочных продуктов, санитарной инспекцией и активом города были проведены рейды по проверке санитарного состояния продуктовых магазинов, столовых и т.д. [17, л. 5 об.].

Согласно анализу эпидемических показателей в Оренбургской области с апреля по март 1935 г. снизилась заболеваемость брюшным тифом на 49 %, сыпным тифом – на 30,2 %, корью – на 37,5 %, скарлатиной – на 19 %, в то же время возросло число заболеваемости дизентерией. Такие заболевания, как паратиф, возвратный тиф, эпидемический менингит, бруцеллез, сибирская язва, встречались единично [17, л. 2]. В летние месяцы возрастает число желудочно-кишечных заболеваний.

Анализ табл. 3 дает следующие результаты. По сравнению с весной в летние месяцы снижаются показатели заболеваемости сыпным тифом. Согласно оценкам Госсанинспекции в летние месяцы случаи заболеваемости в Оренбургской области носили завозной характер, например с прибывающими в Орск рабочими, в Кувандыкском районе сыпной тиф наблюдался среди рабочих, прибывших на лесосплав, в Саракташском районе случаи заболеваний отмечены среди колхозников и крестьян, направленных на сезонную уборку хлеба с правобережья Куйбышевского края [17, л. 10–10 об.]. Заболеваемость

брюшным тифом увеличивается к августу в 5 раз. Причинами эпидемических вспышек служат неудовлетворительное выполнение плана по прививанию населения и завоз болезни из соседних регионов, например, по железной дороге с рабочими, прибывшими на Локомотивстрой из Казахстана, в Кувандыкском районе заболевания отмечались среди сезонников, направлявшихся на строительные работы на новостройку Ормедьзолото [17, л. 11]. Показания по заболеванию паратифом в августе по сравнению с маем увеличивается в 10,5 раз. Заболеваемость возвратным тифом носила единичные случаи.

Таблица 3

Эпидемические заболевания по Оренбургской области
за май–август 1935 г. [17, л. 5, 10]

Заболевание	Май	Июнь	Июль	Август
Брюшной тиф	30	28	54	153
Паратиф	9	11	8	95
Сыпной тиф	107	51	44	30
Возвратный тиф	1	2	4	1
Корь	509	922	838	677
Скарлатина	55	62	98	189
Коклюш	442	787	1016	884
Дифтерия	68	56	82	96
Дизентерия	33	841	1224	1469
Детский энтероколит	38	331	2146	3418
Гемоколит	—	332	703	1041
Сибирская язва	1	3	2	9
Бруцеллез	12	29	9	12
Эпидемический менингит	4	9	2	4

Заболеваемость дизентерией в июне по сравнению с маем увеличилась в 25 раз, в июле по сравнению с июнем – в 1,5 раза, а в августе по сравнению с маем – в 44 раза. Бактериологические исследования проводились в лабораториях Оренбурга, Бугуруслана, Орска, поэтому охватили анализ случаев заболевания не более 50 % заболевшего населения. Число заболеваний гемоколитом в июле увеличилось по сравнению с предыдущим месяцем в 2,1 раза, в августе по сравнению с июлем – в 1,4 раза.

Мероприятия, проводимые в районах Оренбургской области по борьбе с дизентерией и гемоколитом, выделены в табл. 4. Так, для борьбы с дизентерией и гемоколитом в Асекеевский, Зиянчуринский районы были командированы эпидемические отряды, в результате усилий студентов-медиков за полтора месяца заболеваемость в районах была ликвидирована. Наиболее упорной эпидемия была в Курманаевском районе, она была ликвидирована только в начале сентября. Эпидемическим отрядом было выявлено 332 больных, госпитализировано 176 человек. Заболеваемость дифтерией снижается в июне по сравнению с маем, но затем в июле увеличивается по сравнению с июнем в 1,5 раза, а в августе по сравнению с июнем – в 1,7 раз. Показатели по детскому энтерокоlitу самые высокие по сравнению со всеми другими заболеваниями, к июню увеличиваются в 8,7 раз по сравнению с маем, в июле по сравнению с июнем – в 6,5 раз, а по сравнению с маем – в 56,5 раз. В августе

зафиксировано самое большое количество заболеваний – 3418 случаев. Заболеваемость гемоколитом в летние месяцы увеличивается в июле по сравнению с июнем в 2,1 раза, в августе по сравнению с июлем – в 1,5 раза.

Таблица 4

Эпидемические мероприятия по борьбе с дизентерией и гемоколитом в отдельных районах Оренбургской области, 1935 г. [17, л. 11, 12]

Мероприятия	Асекеевский район	Зиянчуринский район	Курманаевский район
Ремонт колодцев	10	40	5
Хлорирование колодцев	48	–	–
Дезинфекция дворов	270	–	273
Прививание	652	–	–
Санитарные беседы	–	23	7

Анализ показаний по заболеваемости скарлатиной показывает увеличение случаев заболевания в августе по сравнению с маем в 3,4 раза, по области стояла сухая и жаркая погода, для борьбы со скарлатиной была проведена вакцинация [17, л. 12 об.]. Самое большое число заболеваний корью в июне, затем эти показатели снижаются в июле в 1,1 раза, в августе по сравнению с июлем – в 1,2 раза. Заболеваний коклюшем самое большое, в июле зафиксировано 1016, в августе этот показатель уменьшается в 1,1 раза.

Заболеваемость сибирской язвой в августе насчитывала 9 случаев. Первые два случая среди колхозников Абдулинского района, которые обрабатывали тушу коровы, павшей от сибирской язвы. Два случая в Павловском районе, когда заразились мать и дочь после покупки шали на колхозном базаре. В Андреевском районе 1 случай заражения после того, как рабочий снял шкуру с павшей лошади, в Орском районе 1 случай заболевания после снятия кожи с павшего быка, в Оренбурге – 1, в Зиянчуринском районе – 1, в Бузулуке – 1 [17, л. 13]. Самое большое количество заболеваний бруцеллезом и эпидемическим менингитом приходится на июнь.

Таким образом, конъюнктурный анализ эпидемических заболеваний в Оренбургской области в 1930-е гг. говорит о проблеме распространения ряда инфекционных заболеваний, в том числе сезонного характера. Широкое распространение получили такие болезни, как сыпной тиф, брюшной тиф, дифтерия, дизентерия, гемоколит, из детских болезней – корь, скарлатина, коклюш. Причинами возникновения эпидемических очагов следует считать миграционные передвижения населения из одних регионов в другие, скученность и перенаселенность, ослабление организма после пережитого голода 1932–1933 гг., тяжелый физический труд, нехватка медицинского персонала, несоблюдение норм гигиены. Органы здравоохранения и санитарного просвещения вели активную борьбу за сохранение здоровья населения. Для этого разворачивались прививочные пункты, выделялись дополнительные средства на покупку медикаментов, в сельскую местность направлялись врачи и медсестры, велась профилактическая работа. Неравномерное распределение медицинского персонала между городом и деревней сказывалось на ограниченности охвата медицинской помощью сельских жителей. Местные органы власти включались в санитарно-профилактическую работу среди населения,

организовывали уборки улиц, очистку мест общего пользования, выделяли средства для покупки вакцин.

Список литературы

1. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград : Колос, 1921. 432 с.
2. Семашко Н. А. Берегись гриппа. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. 24 с.
3. Семашко Н. А. На путях к здоровой деревне. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 47 с.
4. Бурденко Н. Н. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Изд. и тип. Изд-ва Акад. мед. наук СССР, 1950–1952. Т. 1–7.
5. Каминский Г. Н. Задачи советского здравоохранения. М. : Биомедгиз, 1934. 164 с.
6. Каминский Г. Н. О работе и задачах в области народного здравоохранения в РСФСР. Л. : Лениблиздат, 1935. 45 с.
7. Баткис Г. А. Социальная гигиена : пособие для студентов и врачей. Л. : Биомедгиз, 1936. 218 с.
8. Лотова Е. И., Идельчик Х. И. Борьба с инфекционными болезнями в СССР. 1917–1967 гг. М. : Медицина, 1967. 432 с.
9. Ашурков Е. Д. Очерки истории здравоохранения в СССР (1917–1957). М. : Государственное изд-во медицинской литературы, 1957. 168 с.
10. Клементьева Н. В. Деятельность медико-санитарных органов Южного Урала по борьбе с малярией в первые десятилетия Советской власти // Самарский научный вестник. 2017. № 2 (19). С. 158–162.
11. Самарский объединенный государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 655. Оп. 5. Д. 194.
12. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 19.
13. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935. Т. 2. 1040 с.
14. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 173.
15. Амбулатория на колесах // Смычка. 1930. 3 января.
16. Тревожные вести с фонда здравоохранения // Смычка. 1926. 11 января.
17. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 345.
18. ОГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 865.
19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 327.

References

1. Bekhterev V.M. *Kollektivnaya refleksologiya = Collective reflexology*. Petrograd: Kolos, 1921:432. (In Russ.)
2. Semashko N.A. *Beregis' grippa = Beware of the flu*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1927:24. (In Russ.)
3. Semashko N.A. *Na putyakh k zdorovoy derevne = On the way to a healthy village*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1930:47. (In Russ.)
4. Burdenko N.N. *Sobranie sochineniy: v 7 t. = Collected essays: in 7 volumes*. Moscow: Izd. i tip. Izd-va Akad. med. nauk SSSR, 1950–1952;1–7. (In Russ.)
5. Kaminskiy G.N. *Zadachi sovetskogo zdravookhraneniya = Tasks of Soviet healthcare*. Moscow: Biomedgiz, 1934:164. (In Russ.)
6. Kaminskiy G.N. *O rabote i zadachakh v oblasti narodnogo zdravookhraneniya v RSFSR = On the work and tasks in the field of public health in the RSFSR*. Leningrad: Lenoblizdat, 1935:45. (In Russ.)
7. Batkis G.A. *Sotsial'naya gigiena: posobie dlya studentov i vrachey = Social Hygiene: A Handbook for Students and Doctors*. Leningrad: Biomed-giz, 1936:218. (In Russ.)

8. Lotova E.I., Idel'chik Kh.I. *Bor'ba s infektsionnymi boleznyami v SSSR. 1917–1967 gg.* = The fight against infectious diseases in the USSR. 1917–1967. Moscow: Meditsina, 1967:432. (In Russ.)
9. Ashurkov E.D. *Ocherki istorii zdravookhraneniya v SSSR (1917–1957)* = Essays on the history of health care in the USSR (1917–1957). Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo meditsinskoy literatury, 1957:168. (In Russ.)
10. Klement'eva N.V. Activities of the medical and sanitary authorities of the Southern Urals in the fight against malaria in the first decades of Soviet power. *Samarskiy nauchnyy vestnik* = Samara scientific bulletin. 2017;(2):158–162. (In Russ.)
11. *Samarskiy ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (SOGASPI)*. F. 655. Op. 5. D. 194 = Samara United State Archive of Social and Political History. Fund 655. Item 5. File 194. (In Russ.)
12. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAEO)*. F. 371. Op. 1. D. 19 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 19. (In Russ.)
13. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: OGIZ, 1935;2:1040. (In Russ.)
14. *SOGASPI*. F. 655. Op. 5. D. 173 = Samara United State Archive of Social and Political History. Fund 655. Item 5. File 173. (In Russ.)
15. Outpatient clinic on wheels. *Smychka* = *Smychka*. 1930;3 January. (In Russ.)
16. Disturbing news from the health fund. *Smychka* = *Smychka*. 1926;11 January. (In Russ.)
17. *OGAEO*. F. 371. Op. 1. D. 345 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 345. (In Russ.)
18. *OGAEO*. F. 1003. Op. 3. D. 865 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 1003. Item 3. File 865. (In Russ.)
19. *OGAEO*. F. 371. Op. 1. D. 327 = United State Archives of Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 327. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Альбина Исламовна Азигулова

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории
и обществознания,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19)

Albina I. Azhigulova

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-
department of general history
and methods of teaching history
and social studies, Orenburg State
Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg, Russia)

E-mail: azhigulova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.11.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.01.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024

УДК 329.15(47+57)(091)
doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-8

Деятельность КПСС по поддержке международного коммунистического движения (по материалам прессы и парламентских слушаний)

Д. П. Мочалов¹, И. В. Невзорова²

^{1,2}Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

¹dosoldschool@yandex.ru, ²i_nevzorova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Целью исследования является рассмотрение деятельности КПСС по поддержке международного коммунистического движения с целью актуализации этого опыта ввиду современной практики зарубежного финансирования политических партий, а также для более углубленного понимания истории КПСС и Советского государства. *Материалы и методы.* Работа выполнена с привлечением стенограммы парламентских слушаний о незаконной финансовой деятельности КПСС от 10 февраля 1992 г., а также журналистских материалов из федеральной прессы различной политической направленности: «Правда», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Труд», «Россия». *Результаты.* Получены новые данные о механизмах и масштабах оказания помощи дружественным партиям и движениям со стороны КПСС, влиянии подобной деятельности и ее огласки на избирательный процесс в ряде стран, выявлены новые материалы о деятельности группы партийной техники при международном отделе. *Выводы.* На основании изучения материалов можно уточнить и подтвердить сделанные ранее выводы о масштабах и многообразии помощи, оказываемой КПСС дружественным партиям и движениям. Вместе с тем новые материалы позволяют скорректировать ряд выводов об эффективности этой помощи в сторону более скептической оценки. Обозначены спорные вопросы, которые не представляется возможным разрешить на текущем материале и которые могут представлять интерес для будущих исследователей.

Ключевые слова: холодная война, помощь коммунистическим партиям, внешняя политика, международный отдел КПСС, финансирование политических партий

Для цитирования: Мочалов Д. П., Невзорова И. В. Деятельность КПСС по поддержке международного коммунистического движения (по материалам прессы и парламентских слушаний) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 92–102. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-8

The activities of the CPSU in support of the international communist movement (based on the data of the press and parliamentary hearings)

D.P. Mochalov¹, I.V. Nevzorova²

^{1,2}Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹dosoldschool@yandex.ru, ²i_nevzorova@mail.ru

Abstract. *Background.* The purpose of the article is to examine the activities of the CPSU in supporting the international communist movement in order to update this experience in

view of the modern practice of foreign financing of political parties, as well as for a more in-depth understanding of the history of the CPSU and the Soviet state. *Materials and methods.* The work was carried out using the transcript of parliamentary hearings on the illegal financial activities of the CPSU on February 10, 1992, as well as journalistic materials from the federal press of various political orientations: Pravda, Sovetskaya Rossiya, Komsomolskaya Pravda, Trud, Rossiya. *Results.* New data was obtained on the mechanisms and extent of assistance to friendly parties and movements by the CPSU, the impact of such activities and its publicity on the electoral process in a number of countries, new materials were identified on the activities of the party technical group at the international department. *Conclusions.* Based on the study of materials, it is possible to clarify and confirm previously made conclusions about the scale and variety of assistance provided by the CPSU to friendly parties and movements. At the same time, new materials make it possible to correct a number of conclusions about the effectiveness of this assistance towards a more skeptical assessment. Controversial issues are identified that cannot be resolved using the current material and that may be of interest to future researchers.

Keywords: Cold War, assistance to Communist parties, foreign policy, international Department of the CPSU, political party financing

For citation: Mochalov D.P., Nevzorova I.V. The activities of the CPSU in support of the international communist movement (based on the data of the press and parliamentary hearings). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):92–102. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-8

Введение

Изучение истории КПСС в последние годы ее существования является проблемной точкой отечественной историографии переходного периода от советской эпохи к современной России. С одной стороны, нельзя отрицать, что именно КПСС стала инициатором коренных перемен и что с успехами и неудачами именно этой организации самым непосредственным образом связан их исход. С другой стороны, историографический запрос со стороны государства и общества на написание нового варианта истории КПСС до их пор не сформирован.

Вместе с тем уже сейчас первоочередного внимания заслуживают те стороны деятельности данной организации, которые могут быть актуализированы в применении к сегодняшнему дню. Одним из таких перспективных направлений является изучение международной помощи КПСС дружественным партиям и движениям по всему миру с целью продвижения своих интересов во внешней политике и распространения своей идеологии, не говоря уже об исследовательской значимости, которая заключается как в возможности оценить партию в целом через детальное рассмотрение одной стороны ее деятельности, так и в выяснении новых фактов из истории внешней политики России в годы холодной войны.

Материалы и методы

В данном исследовании была использована стенограмма парламентских слушаний в Верховном Совете РФ от 10 февраля 1992 г. о незаконной финансовой деятельности КПСС, а также журналистские публикации из изданий различной политической направленности, которые ранее не привлекались авторами.

Целью данной статьи является изучение международных связей КПСС, связанных с оказанием помощи дружественным политическим организациям в борьбе за власть. Конкретными задачами в данном случае являются уточнение механизмов и масштабов этой помощи, рассмотрение отдельных проблемных сторон данной политической деятельности и ее значения.

Хронологически данное исследование охватывает события и материалы за 1980–1992 гг.

Небольшой историографический обзор по теме присутствует в предыдущей публикации авторов по теме деятельности международного отдела КПСС [1]. С момента той публикации историографическая ситуация существенно не изменилась. Однако можно дополнить, что деятельность КПСС по финансированию дружественных партий и движений в годы холодной войны позволяет узнать больше не только о международной политике этого периода, но и о самой КПСС через призму отдельной стороны ее деятельности. Поэтому целесообразно отметить вехи в постсоветском изучении истории КПСС.

Наиболее подробными работами, освещающими деятельность КПСС перед ее запретом, являются книга А. Б. Безбородова [2] и публикация М. Р. Холмской [3]. Они не затрагивают работу конкретных отделов ЦК КПСС, но позволяют составить общее представление о положении дел в организации в конце ее существования. Более популярный характер носит книга М. И. Вострышева [4]. Особняком стоит труд С. Ф. Черняховского [5], который сосредоточен не столько вокруг организационных структур партии, сколько на реконструкции социокультурного облика той части коммунистов, которые продолжили деятельность в новых коммунистических партиях.

В публикациях С. А. Рузанова [6] и А. Е. Волхова [7] рассмотрена преимущественно постсоветская история коммунистических партий и движений, но эти работы также могут быть полезны для ретроспективной реконструкции ряда процессов, подспудно вызревавших еще в рамках единой КПСС.

В данном исследовании превалирует описательно-повествовательный метод как составная часть историко-генетического метода.

Результаты

Привлечение новых материалов периодики позволяет проследить уже рассматриваемые ранее авторами факты вмешательства международного отдела ЦК КПСС во внутреннюю политику суверенных государств, а также схожие последствия от обнародования этих материалов Россией после запрета организации.

Прежде всего, стоит обратить внимание на электоральный процесс. Вмешательство в выборы чужих стран, прямое или косвенное, не является новой практикой для нашего века. Открывшиеся данные позволили утверждать, что КПСС тайно оказывала финансовую поддержку выгодным для себя кандидатам на выборах в Индии, Пакистане и даже на выборах президента Франции 1988 г. [8]. Во время парламентских слушаний в Верховном Совете были предоставлены данные о том, что советская компартия тайно оказывала финансовую помощь бастующим шахтерам в Великобритании в 1984–1985 гг. [9, л. 94]. И вмешательство это имело последствия не только для тех лет, но и для ближайшего будущего. В канун всеобщих парламентских выборов 1992 г. обнародование этого факта стало большим ударом для британских лейбористов,

как и публикация свидетельств о контактах этой партии с советским посольством по поводу противодействия политике действующего на тот момент премьер-министра М. Тэтчер [10].

Однако в подавляющем большинстве случаев для самих компартий обнародование материалов международного отдела привело к репутационным и финансовым потерям. Визит Генерального прокурора В. Г. Степанкова в Рим раскрыл не только механизмы финансирования, казалось бы, отошедшей на позиции «еврокоммунизма» Итальянской коммунистической партии (ИКП), но и тот факт, что наиболее крупная и успешная компартия капиталистической Европы имела каналы связи с Москвой на случай объявления вне закона [11]. На итальянскую прокуратуру сведения российской стороны не произвели особого впечатления в связи с недостаточной аргументированностью по ряду пунктов, как то готовность ИКП уйти в подполье, так и в связи с незначительностью содеянного, поскольку суммы, вращающиеся в обыденном политическом лоббизме Италии, обычно много более, чем советская помощь ИКП [12]. Генеральный прокурор В. Г. Степанков в своем интервью газете «Труд» сообщал, что абсолютно индифферентно отнеслась к сведениям о финансировании местной компартии со стороны КПСС Швейцария [13]. На фоне обнародованных в России документов депутаты национального собрания Франции потребовали проведения специального расследования методов финансирования политических партий, но инициатива касалась всех организаций, независимо от идейного направления [14]. Все эти сведения не являлись также основой для уголовных претензий к кому-либо в самой России.

Иная ситуация складывалась со сведениями о поддержке вооруженной борьбы в третьем мире. Позиция новых российских властей была такова, что поддержка сил, борющихся против официально признанных правительств своих стран, считалась преступной, а все ранее поддерживаемые национально-освободительные движения в третьем мире объявлялись террористическими.

Согласно данным следствия компартии Ирака, Сальвадора и Намибии¹ жаловались в ЦК КПСС, что не могут продолжать борьбу, в том числе и вооруженную, без финансовой помощи [9, л. 12–13]. К списку поддерживаемых национально-освободительных, или, по терминологии тех лет, террористических, организаций, приведенных как выше, так и в предыдущей публикации авторов, можно добавить также Коммунистическую партию Шри-Ланки. Доказать это для прессы оказалось несложно в виду хорошей сохранности отчетности, поскольку в тетради прихода и расхода средств содержались краткие комментарии по цели транзакций, возле одной из которых и был комментарий с упоминанием генсека этой компартии: «Оружие Кейнеману»² [15].

Заместитель генерального прокурора РФ Е. К. Лисов, выступая на парламентских слушаниях, не исключал, что поводом для уголовного преследования бывших членов ЦК и Политбюро может стать как раз расследование

¹ В документе дословно следующее: «Или Намибия: “Партия могла действовать в последнее время благодаря помощи КПСС”». Точное название партии не упомянуто, но перечисление сделано в ряду коммунистических партий. Однако до 2009 г. самостоятельной компартии в этой стране не существовало. Возможно, имеется в виду СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки).

² Генеральный секретарь Коммунистической партии Цейлона П. Кейнеман.

финансирования зарубежных компартий [9, л. 15]. Народный депутат А. П. Сурков поддерживал инициативу и ссылался на то, что в Чехословакии аналогичный уголовный процесс уже начался [9, л. 66]. Позиция следствия по вопросу уголовного преследования была довольно противоречивой. С одной стороны, представители следственной бригады жаловались парламентариям, что по законодательству большинства европейских стран обнаружение информации, особенно финансовой, требует возбуждения уголовного дела против конкретных лиц, а потому отсутствие уголовного преследования оных в России затрудняет международные контакты по деятельности организации в целом [9, л. 10–11]. С другой стороны, как минимум декларативно утверждалось, что расследование стремится соблюсти интересы российского государства без провоцирования «охоты на ведьм» внутри страны и вне нее [9, л. 13–14].

В ответ на обвинения в поддержке терроризма в сторону группы парттехники при международном отделе ЦК КПСС один из бывших ее работников дал интервью газете «Комсомольская правда», где несколько подробнее рассказал об этой стороне деятельности коммунистической партии. Прежде всего он признал факт уничтожения документов в своем подразделении после запрета КПСС, поскольку значительная часть зарубежных коммунистических активистов, прошедших подготовку и легендирование в этих стенах, находились в своих странах на нелегальных условиях и персонал группы парттехники не имел права рисковать чужими жизнями, доверяя их личные дела пришедшим к власти антикоммунистам. Далее он категорически отверг обвинения в том, что «партийная разведка» была создана из-за недоверия партии по отношению к государству, желая иметь нечто дублирующее функции КГБ, но подчиненное ЦК напрямую. По его оценке, создание группы парттехники было вызвано необходимостью отвести от зарубежных коммунистов обвинения в сотрудничестве с КГБ, а стало быть, в шпионаже и измене родине. Задачи группы парттехники были весьма узкими – подделка документов, создание правдоподобной легенды для нелегальной работы у себя на родине, обучение приемам конспирации. В интервью подчеркивался оборонительный характер обучения, включающий в себя лишь контрмеры по отношению к политической полиции капиталистических стран. Интервьюер резюмировал свое видение работы группы парттехники следующим образом: «Мы помогали выжить людям, которым угрожала реальная опасность физического уничтожения. Нам это удавалось. И хотя бы одна спасенная жизнь оправдывает нашу работу. Не мы создавали этим людям “подполье”, не мы их направляли на эту работу. Они сами, по своему желанию или по заданию своих партий, шли на это и буквально требовали от нас оказать содействие» [16].

У проводимой КПСС политики даже на Западе находились свои защитники, противопоставляющие свою позицию официальному курсу российских властей. Корреспондент итальянской газеты «Трибуна» Р. Доменеч высказывал следующую оценку: «Но хочу сказать, что, не забывая о цене, заплаченной вами, те деньги, что КПСС передавала коммунистам Запада, – помогая, конечно, советской гегемонии, – сделали тем не менее очень важное дело: помогли поддержать освободительные движения, профсоюзы, партии и организации, которые благодаря этой поддержке вынудили явление мирового масштаба (зовется ли оно капитализмом, империализмом или как-то иначе)

меняться, отступать, уступать, признать и принять некоторые из тех ценностей, которые, несмотря ни на что, марксизм всегда содержал, а капитализм не имеет» [17]. Видный сенатор-коммунист и лидер просоветского крыла ИКП А. Коссутта не только признался в том, что итальянская компартия получала деньги от КПСС, но также отметил, что итальянские коммунисты и сами имели нечто вроде своего международного отдела. Итальянцы по своей инициативе оказывали помощь испанским коммунистам в годы франкизма, греческим коммунистам в период диктатуры «черных полковников» и чилийским в период диктатуры А. Пиночета [18].

Некоторые новые данные удалось извлечь и касательно конкретных механизмов финансирования. Прежде всего это касается структуры доходной части так называемого «Международного фонда помощи левым рабочим организациям». Ежегодный бюджет фонда составлял порядка 22–25 млн долл., из которых 20 млн предоставляла КПСС, а 2,5–2,8 млн – остальные партии Восточного блока. Решения о выделении средств со списком конкретных адресатов принимало единолично Политбюро ЦК КПСС по представлению Международного отдела без совета с остальными компартиями Совета экономической взаимопомощи [9, л. 82]. Однако далеко не всегда средства формирования этого фонда удавалось проследить со всей безупречностью. Ревизия документов международного отдела ЦК КПСС выявила и не задокументированные советской стороной пополнения использовавшегося для финансирования зарубежных партий депозита № 1 во Внешэкономбанке. Например, 3 февраля 1983 г. на счет поступил один миллион иранских реалов, происхождение которых работники отдела никак не зафиксировали на бумаге [15]. Следствие, конечно же, более всего интересовало тот факт, что советскую долю фонда Политбюро якобы брало не из бюджета партии, а предписывало выделять государству. По мнению следователей, это была картина того, как общественная организация, пользуясь правящим положением, изымает государственные деньги и «транжирит» их [9, л. 8–9]. На июль 1992 г. руководитель следственной группы по делу о финансах КПСС С. А. Аристов рапортовал, что в страну с момента последнего исполнения бюджета удалось вернуть только 4 млн долл. [19].

Удалось обнаружить новые расследования о подставных фирмах. С. Соколов из «Комсомольской правды» на обнародованных материалах международного отдела на примере Португалии рассмотрел торговые отношения КПСС с «фирмами друзей» – предприятиями, тайно подконтрольными коммунистическим партиям западных стран. Согласно полученным им данным, в 1978 г. на долю фирм друзей приходилось около 18 % всего товарооборота с Португалией, в том числе 48 % всех советских закупок. К 1980 г. доля советских закупок у этих фирм составляла уже 80 %. Расследование Соколова интересно и тем, что помимо новых деталей всеохватывающей деятельности по поддержке коммунистических партий по всему миру оно раскрывало также порочные механизмы, приводившие к падению ее эффективности. В случаях, когда финансирование было связано не с прямой дотацией, а через подконтрольные фирмы, был велик риск столкновений между компартиями на коммерческой почве и такие случаи происходили. В статье приводится пример конфликта подставных фирм Датской и Португальской компартии за размещение советских заказов на строительство малых речных судов [20].

Подставные фирмы компартий далеко не всегда жили фиктивной торговлей. Довольно интересный способ поддержания «фирм друзей» в хорошем финансовом состоянии существовал в 70–80-е гг. XX в. в Италии. Связанная с местной компартией фирма выплачивала в пользу советского правительства крупные штрафы, связанные якобы с нарушением правил погрузки и разгрузки судов. Советская сторона, получив эти деньги, через ряд европейских банков возвращала их прежнему владельцу, что по итальянскому законодательству позволяло фирме уйти от налогов [8].

К слову, есть данные, которые позволяют усомниться в оценке этих сделок как исключительно убыточных для государства. По данным газеты «Советская Россия», новая власть уже на рыночной основе продолжала контакты с фирмой «Мариталия», которая ранее отмывала деньги для итальянских коммунистов [21]. Чрезвычайно выгодной, по крайней мере с финансовой точки зрения, являлась поставка оружия Демократическому фронту освобождения Палестины. Военное имущество на сумму 18 млн долл. было оплачено поставкой антикварных ценностей и драгоценных металлов, похищенных из Ливанского национального банка, на общую сумму около 6 млрд долл. [22].

Еще одним спорным фактом является декларируемое многими наблюдателями соблюдение критерия абсолютной идеологической лояльности для выделения помощи зарубежной компартии со стороны КПСС. Например, так утверждал бывший сотрудник первого управления КГБ по направлению Англии и стран Скандинавии М. П. Любимов [9, л. 81, 83]. Однако корреспондент «Правды» А. Лютый отмечал, что финансирование Коммунистической партии Великобритании не укладывается в логику «финансы как награда за покорность», поскольку в ряде существенных моментов Коммунистическая партия Великобритании имела резкие расхождения с КПСС, а именно осудила операцию «Дунай» и вторжение советских войск в Афганистан [23]. С. Соколов из «Комсомольской правды» тоже отмечал, что, несмотря на смену политического курса в самом СССР с началом перестройки, инструкции КПСС в отношении Португальской компартии не требовали никаких шагов по демократизации, позволяя ей оставаться ортодоксальной марксистско-ленинской партией [20]. Интересен и тот факт, что, несмотря на отход от конфронтационного внешнеполитического курса и политику нового мышления, ни один член Политбюро никогда не голосовал против выделения средств на финансирование коммунистических партий в капиталистических странах [8].

Также М. П. Любимов поделился с парламентом данными о том, что далеко не всегда средства международного отдела расходовались эффективно. Были раскрыты факты злоупотребления финансовой помощью функционерами местных компартий и продолжения оказания им помощи со стороны ЦК КПСС вопреки протестам органов внешней разведки [9, л. 82]. Вопиющим примером являлась компартия Израиля, которая и не скрывала того факта, что просит денег у КПСС не на срочные нужды, а чтобы сохранить конкурентоспособность зарплаты освобожденных работников партии на рынке труда [9, л. 13]. Вместе с тем он подтверждал, что сам механизм доставки был чрезвычайно эффективным. Банкноты для передачи зарубежным партиям предварительно «отмывались» Внешэкономбанком так, чтобы их номера

не были зафиксированы как оказавшиеся в распоряжении СССР [9, л. 80]. В странах с жестким контрразведывательным режимом был освоен механизм передачи средств даже не через посольства, а через тайники [9, л. 80]. Этот же сотрудник оспаривал выводы следственной комиссии о том, что объем финансирования зарубежных партий и движений со стороны КПСС в период с 1980 по 1990 г. колеблется в районе от 200 до 250 млн долл. По мнению М. П. Любимова, следствие не учло всех источников, сосредоточившись только на международном отделе, в то время как для тех же целей использовались различные «общества дружбы», агентство печати «Новости» и прочие структуры [9, л. 83–84].

Обсуждение

Материалы, привлеченные в данной публикации, представляют интерес для корректировки многих оценок, высказанных в предыдущей работе авторов.

Прежде всего на новом материале подтверждаются прежние выводы о высоком качестве механизма работы Международного отдела и чрезвычайном разнообразии и дифференцированности форм и способов оказания помощи зарубежным партиям и движениям. Появляется почва для того, чтобы усомниться как в абсолютной финансовой односторонности этих сделок, так и в главенствующем критерии внешнеполитической лояльности Советскому Союзу, перед которым якобы отступала и идеология. Небезынтересны оценки этой деятельности от современников в стране и за рубежом.

Одновременно с этим материалы парламентских слушаний и журналистских расследований вскрывают факты того, что далеко не всегда оказание этой помощи было рациональным даже с точки зрения идеологических и внешнеполитических интересов компартии, а форма оказания помощи через подставные фирмы имела свои изъяны ввиду возможности столкновения коммерческих интересов компартий.

Заключение

Безусловно, накопленный материал и выводы могут представлять интерес для сравнительно-исторических исследований в сфере финансирования политических партий и вмешательства во внутренние дела других государств.

С точки зрения внутрипартийной истории КПСС и внутриполитической истории России представляет дальнейший исследовательский интерес та логика, по которой советская внешняя политика стала проводиться вопреки мнению дружеских партий и их идейным позициям, и вместе с тем поддержание международного коммунистического движения продолжалось во всех точках мира, тем более почему эту политику поддерживал уже новый, реформистский состав Политбюро.

На сегодняшний день однозначно можно сказать, что именно международная деятельность КПСС являлась как наиболее показательным случаем сохранения партией ее политической хватки, так и наиболее уязвимым с правовой точки зрения местом для обвинений со стороны новой власти.

Список литературы

1. Мочалов Д. П., Невзорова И. В. Деятельность международного отдела ЦК КПСС по материалам Конституционного суда РФ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1 (57). С. 62–71.
2. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов ; науч. ред. Н. В. Елисеева. М. : Политическая энциклопедия, 2013. 670 с.
3. Холмская М. Р. Коммунисты России: между ортодоксальностью и реформизмом // Политические партии России: история и современность. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 551–579.
4. Вострышев М. И. Популярная история КПСС. 1898–1991 годы. От расцвета до заката. М. : Родина, 2021. 366 с.
5. Черняховский С. Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России : монография. М. : МНЭПУ, 2003. 239 с.
6. Рузанов С. А. 1991–1993. История сопротивления в России. М. : Русский печатный двор, 2011. 136 с.
7. Волохов А. Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990–2002. М. : Импэто, 2003. 136 с.
8. Соколов С., Плужников С. Щедрость КПСС не знала границ // Комсомольская правда. 1992. № 65 (20 365). С. 3.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10 026. Оп. 4. Д. 3469.
10. Бурмистенко А. Старые грехи старой площади // Труд. 1992. № 24 (21 548). С. 3.
11. Шевцов О. Время собирать деньги // Комсомольская правда. 1992. № 112 (20 412). С. 3.
12. Свистунов С. Ищут в Риме «Золото Москвы» // Правда. 1992. № 92 (26 846). С. 5.
13. Головачев В. Мы обнародуем все уже в этом году (Интервью с В. Степанковым) // Труд. 1992. № 32 (21 556). С. 4.
14. Оськин А. Игра по правилам. Хоть и незаконная // Рабочая трибуна. 1991. № 218 (518). С. 3.
15. Евлахов А. И не только валюта... // Россия. 1992. № 2 (61). С. 3.
16. Соколов С., Плужников С. Нелегалов готовили в кабинете № 516 // Комсомольская правда. 1992. № 200 (20 500). С. 2.
17. Доменеч Р. «Необходимы идеи, а не призывы» // Правда. 1991. № 267 (26 715). С. 4.
18. Мирошник Н. Правда правде рознь // Правда. 1991. № 252 (27 000). С. 5.
19. Свистунов С. Золото Москвы (Интервью с С. А. Аристовым) // Правда. 1992. № 92 (26 846). С. 7.
20. Соколов С. Золото партии: дан приказ ему на Запад // Комсомольская правда. 1991. № 251 (20 251). С. 2–3.
21. Голяев А. Вокруг черных фондов // Советская Россия. 1992. № 87 (10 786). С. 3.
22. Соколов С., Плужников С. Восточные слабости КГБ // Комсомольская правда. 1992. № 137 (20 437). С. 1–2.
23. Лютый А. Занавес опустился // Правда. 1991. № 275 (26 723). С. 2.

References

1. Mochalov D.P., Nevzorova I.V. Activities of the International Department of the Central Committee of the CPSU based on materials of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;(1):62–71. (In Russ.)
2. Bezborodov A.B. (resp. ed.). *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz* = *History of the Communist Party of the Soviet Union*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013:670. (In Russ.)

3. Kholmskaya M.R. Communists of Russia: between orthodoxy and reformism. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost' = Political parties of Russia: history and modernity*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000: 551–579. (In Russ.)
4. Vostryshhev M.I. *Populyarnaya istoriya KPSS. 1898–1991 gody. Ot rastsveta do zapreta = Popular History of the CPSU. 1898–1991. From heyday to ban*. Moscow: Rodina, 2021:366. (In Russ.)
5. Chernyakhovskiy S.F. *Protivorechivost' kommunisticheskoy oppozitsii v sovremennoy Rossii: monografiya = The contradictory nature of the communist opposition in modern Russia: monograph*. Moscow: MNEPU, 2003:239. (In Russ.)
6. Ruzanov S.A. 1991–1993. *Istoriya soprotivleniya v Rossii = 1991–1993. History of Resistance in Russia*. Moscow: Russkiy pechatnyy dvor, 2011:136. (In Russ.)
7. Volokhov A.E. *Noveyshaya istoriya Kommunisticheskoy partii: 1990–2002 = Recent History of the Communist Party: 1990–2002*. Moscow: Impeto, 2003:136. (In Russ.)
8. Sokolov S., Pluzhnikov S. The generosity of the CPSU knew no bounds. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol'skaya Pravda (Komsomol truth)*. 1992;(65):3. (In Russ.)
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 10 026. Op. 4. D. 3469 = State Archive of the Russian Federation. Fund 10 026. Item 4. File 3469*. (In Russ.)
10. Burmistenko A. Old sins of the old square. *Trud = Trud (Works)*. 1992;(24):3. (In Russ.)
11. Shevtsov O. Time to collect money. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol'skaya Pravda (Komsomol truth)*. 1992;(112):3. (In Russ.)
12. Svistunov S. Searching for the “Gold of Moscow” in Rome. *Pravda = Pravda (Truth)*. 1992;(92):5. (In Russ.)
13. Golovachev V. We will make everything public this year (Interview with V. Stepankov). *Trud = Trud (Works)*. 1992;(32):4. (In Russ.)
14. Os'kin A. Playing by the rules. Even if it's illegal. *Rabochaya tribuna = Rabochaya tribuna (Working tribune)*. 1991;(218):3. (In Russ.)
15. Evlakhov A. And not only currency... *Rossiya = Russia*. 1992;(2):3. (In Russ.)
16. Sokolov S., Pluzhnikov S. The illegals were preparing in office No. 516. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol'skaya Pravda (Komsomol truth)*. 1992;(200):2. (In Russ.)
17. Domenech R. “We need ideas, not appeals”. *Pravda = Pravda (Truth)*. 1991;(267):4. (In Russ.)
18. Miroshnik N. Truth is not always the same. *Pravda = Pravda (Truth)*. 1991;(252):5. (In Russ.)
19. Svistunov S. Gold of Moscow (Interview with S. A. Aristov). *Pravda = Pravda (Truth)*. 1992;(92):7. (In Russ.)
20. Sokolov S. Party Gold: ordered to go West. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol'skaya Pravda (Komsomol truth)*. 1991;(251):2–3. (In Russ.)
21. Golyaev A. Around black funds. *Sovetskaya Rossiya = Soviet Russia*. 1992;(87):3. (In Russ.)
22. Sokolov S., Pluzhnikov S. Eastern weaknesses of the KGB. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol'skaya Pravda (Komsomol truth)*. 1992;(137):1–2. (In Russ.)
23. Lyutyy A. The curtain has fallen. *Pravda = Pravda (Truth)*. 1991;(275):2. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Петрович Мочалов

соискатель, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

Dmitriy P. Mochalov

Applicant, Orenburg State
Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg,
Russia)

E-mail: dosoldschool@yandex.ru

Инна Валерьевна Невзорова

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19)
E-mail: i_nevzorova@mail.ru

Inna V. Nevzorova

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of Russian history,
Orenburg State Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.11.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.02.2024

Принята к публикации / Accepted 10.03.2024

УДК 94(4)

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

**Учебный процесс в средневековых университетах
(на материалах Парижского, Болонского и
Пражского университетов)**

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Тема актуальна, поскольку в многочисленных работах по истории университетов в эпоху Средневековья содержание учебного процесса детально не рассматривалось, а авторы ограничивались лишь общей характеристикой лекций и диспутов как основных форм обучения. Редко обращалось внимание и на методику чтения лекций и проведения диспутов. На примере Парижского, Болонского и Пражского университетов в исследовании предпринята попытка на основе университетских статуты и некоторых других источников определить содержание лекций и методику их чтения преподавателями. Также рассматриваются и другие формы обучения (репетиции, диспуты и практические занятия). *Материалы и методы.* Используя диалектический метод познания, принцип историзма, анализ и синтез, автор на основе документальных и нарративных источников прослеживает содержание учебного процесса в указанных университетах, а также некоторые аспекты методики обучения. *Результаты.* Изучение содержания учебного процесса позволило определить содержание и порядок чтения тем лекций по отдельным дисциплинам, методику их чтения, методику проведения репетиций, диспутов и получить общие сведения о практических занятиях на медицинском факультете. *Выводы.* Формами обучения были лекции, репетиции, т.е. повторное чтение лекций, диспуты и практические занятия, но только на медицинских факультетах. Университетские статуты регламентировали все формы обучения, что затрудняло возможность развития свободомыслия в среде как преподавателей, так и студентов. Однако все же имелись некоторые возможности преподавателям обходить жесткие правила в содержании изучаемого материала и доводить до обучающихся свои идеи и мнения.

Ключевые слова: университет, лекция, репетиция, диспут, студенты, преподаватели, университетские статуты

Для цитирования: Митрофанов В. П. Учебный процесс в средневековых университетах (на материалах Парижского, Болонского и Пражского университетов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 103–115. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

**The educational process in medieval universities
(by the materials from Universities of Paris,
Bologna and Prague)**

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* The topic is relevant because in numerous works on the history of universities in the Middle Ages, the content of the educational process was not considered in detail, and the authors limited themselves only to the general characteristics of lectures and debates as the main forms of education. Attention was rarely paid to the methodology of lecturing and conducting lisp. Using the example of the Universities of Paris, Bologna and Prague, the article attempts to determine the content of lectures and the methodology of their reading by teachers on the basis of university statutes and some other sources. Other forms of training (rehearsals, debates and practical exercises) are also considered. *Materials and methods.* Using the dialectical method of cognition, the principle of historicism, analysis and synthesis, the author traces the content of the educational process at these universities, as well as some aspects of the teaching methodology, based on documentary and narrative sources. *Results.* The study of the content of the educational process made it possible to determine the content and order of reading lecture topics in individual disciplines, the methodology of their reading, the methodology of conducting rehearsals, debates and to obtain general information about practical classes at the Faculty of Medicine. *Conclusions.* The forms of education were lectures, rehearsals, i.e. repeated lectures, debates and practical exercises, but only at medical faculties. University statutes regulated all forms of education, which made it difficult to develop freedom of thought among both teachers and students. However, there were still some opportunities for teachers to circumvent strict rules in the content of the studied material and bring their ideas and opinions to the students.

Keywords: University, lecture, rehearsal, debate, students, teachers, university statutes

For citation: Mitrofanov V.P. The educational process in medieval universities (by the materials from Universities of Paris, Bologna and Prague). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):103–115. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-9

История европейских университетов, как в целом, так и по отдельности, неоднократно была предметом исследований зарубежных и отечественных авторов и концептуально отражена на академическом уровне [1, с. 530–532]. Однако все же мало внимания уделялось содержанию учебного процесса в университетах в эпоху Средневековья [2, 3]. Так, в одной из последних работ содержание учебного процесса отмечено лишь в общем плане, в основном на примере Парижского и Болонского университетов [4]. Также отметим исследования британского историка Алана Коббана, который кроме английских университетов рассмотрел в общем плане внутреннюю организацию отдельных континентальных университетов периода Средневековья [5–7]. Однако он также не акцентировал внимание на учебном процессе в университетах.

Опубликованные документальные и некоторые нарративные источники позволяют проследить содержание и организацию учебного процесса и сделать собственные наблюдения и выводы. Наиболее полные сведения имеются по Парижскому, Болонскому и Пражскому университетам.

Древнейшие университеты в полном смысле средневекового термина *universitas* – это Парижский, отличавшийся в сфере теологии и философии, и Болонский, прославившийся преподаванием права [8, с. 315]. Для обучения в университете юноши должны были знать латынь, на которой происходило преподавание. Поэтому на начальном факультете «семь свободных искусств» кроме грамматики, диалектики, логики (тривиума) и математических дисциплин (арифметики, музыки, геометрии и астрономии – квадриума) студенты могли еще изучать и латынь в рамках курса грамматики. Только после

обучения на этом факультете они приступали к изучению медицины, права, ведения и царицы всех наук – теологии.

Процесс обучения на факультете «свободных искусств» можно проследить на примере Болонского университета. Так, первая учебная программа этого факультета датируется 1405 г. Она была рассчитана на три года обучения студентов. Все лекции делились на ординарные и экстраординарные. На первом году обучения студенты должны были прослушать ординарные лекции по «Физике» Аристотеля, т.е. «Физику в восьми книгах», которая считалась одним из естественнонаучных сочинений Аристотеля. Необходимо было прослушать еще естественнонаучный труд Аристотеля «О возникновении и уничтожении» в двух книгах. Экстраординарные лекции на первом году читались по книге II Аристотеля «О возникновении и уничтожении», «О сне и бодрствовании» и «Физиогномии» Псевдоаристотеля [9, с. 93].

На втором году обучения предусматривались ординарные лекции по трудам Аристотеля «О небе», «Метеорология», «Об ощущении и ощущаемом». В качестве экстраординарных лекций читались работы Аверроэса «О субстанции мира», «О памяти и воспоминании», «О дыхании» [9, с. 93]. Включение трудов Аверроэса в категорию экстраординарных лекций свидетельствует о том, что Болонский университет был одним из центров распространения аверроизма (учения материалистической направленности, проникшего из арабской Испании в европейские страны в XII в. – *В. М.*) в Западной Европе.

На третьем году обучения продолжали читать труды Аристотеля в качестве ординарных лекций: «О душе», «Метафизика», «Вступления» к первой книге, книга II (V–XII). Причем была приписка о том, что трактат «О душе» читается с исключением ошибочных положений первой книги. Как известно, в трактате «О душе» рассматриваются вопросы психофизиологии и сам этот труд сыграл большую роль в борьбе университетских ученых против церковных авторитетов, да и главного христианского догмата христианства, поскольку в нем Аристотель отрицал бессмертие души. В качестве экстраординарных лекций читались также работы Аристотеля «Метафизика» (часть книги IV), «О долготе и краткости жизни» и одно из его биологических произведений «О движении животных» [9, с. 93]. Таким образом, за три года обучения студенты прослушивали ряд работ Аристотеля по естественным наукам, философии и три работы Аверроэса, которые содержали материалистические и рационалистические положения.

Программа медицинского факультета Болонского университета свидетельствует о том, что обучение там длилось четыре года. На первом году в качестве ординарных лекций студенты должны были прослушать труд Авиценны «Канон врачебной науки». Программа конкретно определяла, какие книги этого труда должны читаться, а какие исключались. В качестве экстраординарных лекций студенты должны были прослушать книгу IV, раздел 2 и книгу II «Канона» Авиценны и труд Гиппократ «Афоризмы». Причем также отмечались «исключения», т.е. те разделы данных трудов, которые преподаватели не должны были читать студентам. На втором году студенты в качестве ординарных лекций прослушивали труды Галена, Гиппократ, Авиценны. Труд Гиппократ «Прогностика» следовало читать без комментариев. Также читался и его труд «Острые болезни». А работа Авиценны «О возможностях сердца»

читалась только частично. В качестве экстраординарных лекций читались отдельные части из работ Авиценны «Канон», «О плохом состоянии здоровья», «О простейшей медицине», «Критические дни». На третьем году обучения опять-таки читались отдельные разделы работ Авиценны в качестве ординарных лекций, работы Галена, Тегни, некоторые части работы Гиппократ [9, с. 94]. На четвертом году обучения в качестве ординарных лекций студенты опять-таки слушали повторно «Канон» Авиценны и вновь «Режим здоровья», но только книгу VI, и работу Гиппократ «О природе». В качестве экстраординарных лекций они слушали опять же «Афоризмы» Гиппократ, кроме ч. VII, «Терапевтику», «Терапию» Авиценны и комментарии на его работы [9, с. 95].

Таким образом, теоретический курс лекций на медицинском факультете был основан на трудах Гиппократ, Галена, Авиценны. Однако, как видно, читались эти работы не полностью. Очевидно, здесь сказалось влияние католической церкви, которая настороженно относилась к достижениям античной и арабской науки.

Кроме лекций были и практические занятия по анатомированию трупов. Статуты довольно подробно регламентировали этот вид учебной работы. Прежде всего отмечалось, что приобретать трупы для анатомирования студенты и преподаватели могли только с разрешения ректора. При анатомировании мужского трупа могло присутствовать не более 20 человек, а женского – не более 30 человек. Посещать такие занятия разрешалось только студентам медицинского факультета, обучавшимся на третьем курсе. Однако такое занятие они могли посещать только один раз в год. Но далее следовало интересное положение: «Тот, кто дважды видел вскрытие трупа, не может это делать в Болонье в третий раз, если не считать присутствие при вскрытии женского трупа, которое можно наблюдать всего один раз, независимо от того, принимал ли участие студент в анатомировании мужского трупа» [9, с. 98]. В статутах регламентировался состав группы студентов в количестве 20 или 30 человек «по нациям». Так, 5 человек должны быть от ламбардийской нации, 4 – от тосканской, 4 – от римской, 3 – от ультрамонтанской и 3 – от г. Болоньи. При вскрытии женского трупа 8 человек от ламбардийской нации, 7 – от тосканской, 7 – от римской, 5 – от ультрамонтанской и 3 – от Болоньи. Ректору разрешалось «со своими спутниками» посещать неограниченное количество раз вскрытие трупов, независимо от количества присутствующих при этом. Никто не мог требовать от ректора разрешения на проведение вскрытия трупов. Он лично определял тех, кто мог посещать занятия со вскрытием трупов. Причем оговаривалось, что за эти занятия студенты должны отдельно платить преподавателю 100 болонских солидов [9, с. 95].

Понятно, что для подготовки врачей двух-трех занятий по анатомированию трупов было явно мало. Однако, на мой взгляд, была лазейка для того, чтобы студентам получить больше знаний. Так, если студент-медик не мог больше двух-трех раз посещать занятия по анатомии в своем университете, то не содержалось запрета на посещения таких уроков в других университетах или даже вне стен университета. Вполне возможно, что уроки по анатомированию трупов преподаватели могли давать нелегально где-то вне стен университета или даже вне пределов Болоньи. Формально это не было наказуемо по статутам университета. Если за это не было еще и преследования светских

и духовных властей, то вполне вероятно такая практика была распространена на медицинском факультете Болонского университета.

От Болонского университета сохранился также пробный план лекций по астрономии. Он предусматривал трехлетний курс обучения по этой дисциплине. На первом году студенты слушали лекции по «Алгоритму», т.е. трактату по арифметике, «Геометрии» Евклида, по астрономическим таблицам кастильского короля Альфонса Мудрого (1252–1284 гг.), по теории планет. На втором году слушали лекции по труду Джона Голливуда «Трактат о сферах Вселенной», по труду Евклида и «Правилам» Иоанна Линерия, где содержались руководства для пользования астрономическими таблицами. На третьем году обучения они слушали лекции по «Введению в астрологию» Алькабитнуса, по Сентилохиуму Птолемея, опять же по Евклиду, Птолемею «Четырехчастник», а также трактат Уильяма из Англии «О бесплодности невидимого» и трактата Птолемея «Альмагеста» [9, с. 95].

В статутах Болонского университета говорилось, что любой студент может прекратить посещение занятий любого доктора или репетитора в течение 15 дней, начиная с праздника Святого Луки. Его нельзя было заставить платить за занятия, если он не посещал их в эти дни. Значит, это был период как бы необязательных каникул, но преподаватели все же могли проводить занятия для желающих.

Плату за занятия собирали сами преподаватели со студентов. Статуты регламентировали оплату за обучение. Так, преподаватели логики могли брать со студентов не более 40 болонских солидов, репетиторы по логике – не более 20 болонских солидов зимой и 15 – летом [9, с. 95]. Роль репетиторов состояла в повторении уже прочитанных лекций, и оплачивались эти занятия меньшей суммой денег. Магистры грамматики имели право на оплату в размере 30 солидов в год с каждого студента, «кто не снимает из них квартиру». А с тех студентов, которые снимают у них жилье, они получали 40 болонских солидов. Оплата репетитору по грамматике – 20 солидов зимой и 10 солидов летом. Фактически, преподаватели могли выступать и в роли сдатчиков жилплощади для студентов. Очевидно, они сами брали в аренду жилье для своих студентов, а затем сдавали им его в субаренду. Плату со студента они могли брать в том случае, если он «проспал три ночи в его доме, заплатив полную сумму за все время, даже если перешел к другому магистру или на другую квартиру». Значит, если студент прожил у преподавателя более трех дней, то считалось, что он выбрал себе именно этого преподавателя. Статуты разрешали «студентам из дальних стран» выбирать себе преподавателя в течение 15 дней, даже если «они провели ночь в комнате или на квартире (какого-либо учителя)». Однако студенты-иностранцы, выбрав себе преподавателя, должны были заплатить за учебу и жилье за год вперед. Статуты разрешали студентам уходить от преподавателя любого факультета, а последние не могли их удерживать, если они уже оплатили обучение и проживание. Статуты запрещали преподавателям принуждать студентов посещать занятия по латыни, если они ею уже владели [9, с. 96]. Также статуты регламентировали оплату за лекции по философии. За лекции по «Метафизике» Аристотеля и по «Физике» следовало платить 25 болонских солидов и т.д. Фиксированная плата за лекции упоминается и в документах Краковского университета (от 10 до 40 марок) [9, с. 97].

Интересно, что допускалось чтение лекции по философии студентами и репетиторами, но в таком случае стоимость для них таких лекции была в два раза меньше [9, с. 64]. Плата за лекцию по медицине обходилась студентам в 20 болонских солидов, а если студент пожелает сидеть во время лекций на месте ректора или на первых скамьях, то за это он выплачивал 1 флорин [9, с. 97].

Сохранился любопытный документ о чтении лекций на юридическом факультете Болонского университета юристом Одофердом, датированный началом XIII в. Из него видно, что он читал лекции по «Дигестам» из Кодекса Юстиниана (VI в.) с октября до середины августа, т.е. около 10 месяцев. Однако одновременно он читал лекции по самому «Кодексу Юстиниана» [9, с. 97]. Таким образом, он подробно изучал со студентами кодификацию римского права. Интересно отметить, что в его классе были как хорошо успевающие, так и откровенно слабые, но он гарантировал, что выучит как тех, так и других. Гарантировал он и то, что будет все читать целиком без пропусков и даже зачитывать глоссы, т.е. пояснения прочитанного. Его методика чтения лекций сводилась к следующему. Сначала он давал краткое изложение названия глав. Затем излагал содержание каждого закона, зачитывал текст и делал к нему замечания. Потом он вновь кратко разъяснял смысл текста. Затем разъяснял противоречия в содержании, делая общие замечания, характеризовал особенности закона. После этого он мог дать дополнительные разъяснения каких-либо сложных законов или наиболее известных законов. Но эти разъяснения делались уже «в послеобеденное время» [9, с. 98].

Таким образом, лекции по римскому праву отличались от лекций по философии и медицине тем, что на них большое место занимали толкования и комментарии преподавателем прочитанного текста. Очевидно, это было не случайно, ибо разобраться в римском праве было очень трудно для студентов, которые не знали истории самого древнеримского государства.

Как известно, университеты итальянских городов-коммун и не только такие прославленные, как Болонский, готовили юристов, медиков, официальных светских и церковных чтецов, должностных лиц для государственных учреждений городов-государств Италии и даже других стран [10, с. 51].

На основе статута Парижского университета от 1253 г. узнаем, что порой преподаватели факультета «семи свободных искусств» прочитывали лекции раньше установленного срока, т.е. очевидно в результате быстрого темпа чтения. Поэтому студенты не успевали усваивать их содержание. С этой целью устанавливались конкретные сроки чтения лекций для каждого предмета и даже для каждого труда античных или средневековых авторов. Так, например, статуты предписывали начинать чтение в праздник Религии (т.е. первого октября), а заканчивать по-разному. Например, труды Аристотеля по логике в переводе Боэция следовало заканчивать к празднику Благовещения, т.е. 25 марта. Около этого времени следовало заканчивать чтение лекций по трудам известного автора пособия по латинской грамматике Присциана (V–VI вв.) и ряда трудов Аристотеля. Причем отмечалось, что если «Этика» Аристотеля читается без сопоставления, то на это отводилась половина указанного срока, т.е. около трех месяцев. Отдельные тексты из труда Присциана следовало прочитать за шесть недель. Такие труды Аристотеля, как «Физика», «Метафизика», «О животных», следовало прочитать к 24 июня,

т.е. к празднику Иоанна Крестителя [9, с. 100]. Другие же труды Аристотеля необходимо было закончить через 40 дней после Пасхи. Далее расписывались сроки чтения всех других работ Аристотеля и Николая Дамасского. Предписывалось потратить не менее половины отведенного времени только на чтение текста без привлечения других книг. Таким образом, вторая половина отведенного времени использовалась на повторение, комментарии и пояснения преподавателя. Показательно, что лекции по этим книгам могли читать как бакалавры, так и магистры [9, с. 102]. Статуты разрешали самому преподавателю определять, сколько он должен прочитывать текста за один день. Нельзя было читать больше, чем две ординарные лекции: «либо превращать их в экстраординарные, либо давать их в какие-либо другие часы, либо другим способом». Преподаватели должны были спланировать чтение лекций равномерно на протяжении всего учебного года. Запрещалось читать больше двух общих лекций в один день, «в период, когда лекции читаются регулярно, и не более трех, когда нет регулярных занятий». Запрещалось также начинать читать какой-либо текст до тех пор, пока не будет закончено чтение предыдущего. Правда, допускались исключения: болезнь или отъезд преподавателя и, что интересно, нежелание студентов дальше слушать этого лектора [9, с. 103]. Запрещалось читать лекции в дни крупных христианских праздников [9, с. 104].

Статуты Парижского университета от 1355 г. также касались способов чтения лекций на факультете «семи свободных искусств». В них регламентировался сам темп чтения лекций. Отмечалось, что он должен быть такой, чтобы студенты успевали понять содержание, но не успевали бы записывать услышанное. Те преподаватели, которые будут читать лекции медленно, чтобы студенты успевали бы записывать, могли быть наказаны лишением права читать лекции в течение года, а также «лишением чести, должности и привилегий факультета». Студентам тоже запрещалось под угрозой наказания требовать от преподавателей медленно читать лекции. Интересно, что такое нередко случалось и студенты, как сказано в постановлении, кричали, шумели, свистели, бросали камни, требуя от преподавателя медленно читать лекции [9, с. 110].

В 1366 г. в Парижском университете были приняты новые статуты для всех факультетов о правилах чтения лекций [9, с. 111–114]. Прежде всего в них говорилось о чтении лекций на факультете теологии курсорами, т.е. бакалаврами, изучившими Священное Писание и получившими право его толкования, при условии достижения ими 30 лет. Статуты требовали от них даже внешнего отличия от других членов университета и хождения по городу в одежде, «приличествующей их положению, ученой степени и чести упомянутого факультета». Они были обязаны посещать в этой одежде частные классы, церкви и читаемые там проповеди. Запрещалось читать лекции в каникулы. Читать их они должны «как положено, комментируя текст и отмечая самые важные главы согласно древнему методу». Преподавать на теологическом факультете вообще могли лишь лица, достигшие 25-летнего возраста. В течение лекции нельзя было толковать больше одной главы Библии. Преподаватели теологии были обязаны не менее одного раза участвовать в диспуте по вопросам теологии. От участия в диспуте их мог освободить канцлер университета. Причем студенты, изучающие Библию на теологическом

факультете, первые четыре года должны были приносить с собой тексты Библии на занятия. Преподаватель читал Библию, а они внимательно следили по тексту. В ходе чтения он должен был сопоставлять отдельные места текста Библии. Статуты запрещали во время ее чтения обращаться к каким-либо философским аспектам, если это не требует читаемый ими материал. Запрещалось читать текст Библии по своим записям. Однако лектор мог на доске записывать необходимый, но трудный материал для изучения [9, с. 111]. Статуты запрещали преподавателям отдавать продавцам книг свои тексты «Сентенции» до тех пор, пока они не будут проверены канцлером и магистрами богословия, т.е. чтобы они не отклонялись от оригинального текста. Читать лекции по «Сентенциям» могли лишь те бакалавры, которые имели своего магистра в Париже. Бакалавры, читавшие лекции по «Сентенциям» и желавшие получить степень магистра, должны были оставаться в университете в период между чтением лекций и получением степени, «чтобы можно было все разузнать об их осведомленности, образе жизни и нраве» [9, с. 112].

О порядке обучения на факультете канонического права говорилось, что читать там лекции могли только те, кто прослушал все книги, которые по определению папской курии и своего руководства должны читаться на этом факультете. О медицинском факультете также сказано кратко, а именно что все студенты должны прослушать чтение установленных книг, посещать диспуты в порядке, установленном статутами. Относительно учебных занятий на факультете «свободных искусств» сказано, что студенты должны слушать лекции, сидя на полу перед преподавателем, а не на стульях или скамьях, «ибо таким путем смиряется гордыня юных». Далее отмечалось, что для получения степени студенты должны были быть хорошо подготовлены в грамматике, т.е. хорошо владеть латынью. С этой целью они должны были прослушать лекции по пособию Александра Валладье (1190 г.) («Doctrinale») и пособию 1212 г. («Degraecimo»). Кроме того, все студенты должны были прослушать и ряд обязательных трудов Аристотеля. Причем ученую степень бакалавра могли получить лишь те из них, кто проучились в Парижском университете не менее двух лет. Определялся перечень тех работ античных и средневековых авторов, которые необходимо было им прослушать до процедуры получения степени [9, с. 113–114]. И опять же регламентировались некоторые моменты чтения лекций преподавателями. Видимо, это объясняется тем, что лекторы далеко не всегда следовали строгим правилам и могли читать по «неисправленным и никому не ведомым книгам». Поэтому члены факультета «свободных искусств» постановили, что необходимо читать лекции только по книгам «известных магистров Пражского, Парижского или Оксфордского университетов». Но при этом они должны были их предварительно проверить. Сами преподаватели могли и не читать текст своей лекции, а поручить это «достойным чтецам» [9, с. 115].

Согласно статутам Пражского университета ординарные лекции заранее заявлялись [9, с. 121]. Причем допускалось состязание двух преподавателей, читающих лекции по одной и той же книге. Очевидно, это делалось для того, чтобы у студентов был выбор, чьи лекции им слушать. В данном статуте регламентировалась плата студентов за прослушивание лекций. Причем указывалось, что размер платы установлен по обычаю Парижского университета [9, с. 122–123].

Кроме лекций важной формой обучения были репетиции, т.е. повторное чтение лекций. Возможно, это касалось не всего текста, а лишь отдельных сложных мест. В роли «репетиторов» выступали так называемые курсоры, т.е. недавние студенты, получившие степень бакалавров.

Можно считать, что лекции, несомненно, были важнейшей формой обучения студентов. Очевидно, при существовавших тогда рукописных книгах их прослушивание представляло собой единственную возможность для студентов получить знания, так как рукописные книги были дороги, редки и вряд ли доступны большинству студентов. Сложность состояла и в том, что полностью записать текст лекции студенты не могли. Хотя преподаватели были регламентированы статутами в чтении лекций, но у них оставалась возможность изложить свою точку зрения во время их комментирования. Известно, сколько по времени могло длиться чтение лекции. Очевидно, это было связано с распорядком дня университета, в том числе церковными службами и молитвами. Повсеместно сроки учебных семестров были привязаны к христианским праздникам.

Другой важной формой обучения в университетах были диспуты. Они широко практиковались во всех университетах западноевропейских стран. Диспуты имели большое значение – посредством диспутов становились известными новые методы доказательства, новые идеи. Диспуты совершенствовали формальную логику.

Сохранились статуты Сорбонны о порядке диспутов, датированные 1344 г. Во-первых, представители «наций» избирали так называемого «магистра студентов», который после окончания учебного года составлял программу диспутов на следующий учебный год. Он обязан был при этом «выбрать самые важные и полезные теологические вопросы согласно тексту – “Сентенций”» [9, с. 107–109]. Причем следовало соблюдать порядок и последовательность этой работы. Это означало, например, что первая тема диспута должна быть посвящена учению о Боге, о Троице и т.д., а последняя – о рае и аде. Во-вторых, этот «магистр студентов» во время диспута выступал в роли арбитра. Так, если, по его мнению, диспутанты плохо понимали друг друга, то он должен был вмешаться и «привести их к взаимопониманию». Вмешивался он и в том случае, если диспутанты «спорят не ради установления истины, а из тщеславия». Все участники обязаны были повиноваться этому «магистру студентов» под угрозой штрафа в виде двух кварталов вина для всех присутствующих до конца на диспуте [9, с. 108]. В-третьих, «магистр студентов» должен был и сам участвовать в диспуте в случае отсутствия того, кто должен был отвечать на какие-либо вопросы. Интересно, что тот, кого избирают «магистром студентов», не имел права отказываться от этой должности под угрозой штрафа. В-четвертых, «магистр студентов» был обязан довести до сведения участника диспута, оппонента вопросы как минимум за две недели до начала диспута. В противном случае он опять-таки штрафовался в виде двух квартал вина.

Было установлено, что диспуты должны были проходить каждое воскресенье во второй половине дня после церковной службы. Причем на них оппоненты должны были выдвигать главную аргументацию и приводить возражения для того, чтобы другие имели возможность выступить. Они также должны были выдвигать не более восьми предложений, а каждый

выступающий – только три. Запрещалось приводить «сдвоенные аргументы, произвольно разделенные или объединенные или ведущие к невозможности доказательства». Запрещалось также объединять множество аргументов в один. Отвечающий участник диспута мог выставять только три заключения. Каждое из них требовалось подкреплять чьим-либо авторитетом и разумным доводом, «если отвечающий сможет это сделать». Порядок выступления тоже регламентировался. Сначала выступал главный оппонент того, кто выдвинул положения на диспут, затем выступал «магистр студентов», затем «приор дома» (т.е. представитель монашеского духовенства – В. М.), затем магистр теологии, если они пожелают, затем бакалавры, после них курсоры, причем согласно порядку получения ими степени. Очевидно, во время диспута практиковали чтение «Сентенций», после чего следовали устные высказывания. Порядок чтения и выступления строго расписывались. Во время диспута разрешалось выступать и некоторым не членам университета, если они присутствовали. Так, им могло быть и лицо без ученой степени, «но человек знатного происхождения, либо клирик или лицо, имеющие какие-либо привилегии» [9, с. 109].

Таким образом, порядок диспута, тема диспутов, состав участников были строго расписаны и регламентированы. Причем феодальный принцип иерархии в данном случае строго соблюдался. Правда, не совсем понятно, какое участие принимали в диспуте сами студенты. Были они просто пассивными слушателями или же могли выступать на нем? Скорее всего, они могли выступать, ибо, как отмечалось выше, для получения степени бакалавра требовалось участие в диспутах.

Краткое упоминание о диспутах имеется и в статутах Пражского университета от 1367 г. Там говорится, что ординарные диспуты могут проходить до «вечерних часов и что руководитель диспута распределяет софизмы в количестве не больше трех». Нельзя было приводить больше девяти софизмов. По каждому софизму могли выступать трое участников диспута. Один должен был давать положительный ответ, второй – отрицательный, а третий должен был сопоставлять их точки зрения [9, с. 121]. Учитывая, что Пражский университет копировал всю внутреннюю организацию и учебный процесс Парижского университета, то можно считать, что порядок диспутов и их содержание были в них схожими. Однако в Пражском университете ежегодно происходил торжественный университетский диспут «О чем угодно» («Кводлибет»). Он происходил под руководством избираемого из числа преподавателей факультета «свободных искусств» – кводлибеталия. В этом диспуте все преподаватели в степени магистров должны были принять обязательное участие и выступать по темам, предложенным кводлибеталием. Сам же кводлибеталий тоже должен был проявить себя на этом диспуте путем разрешения вопросов, предложенных ему диспутантами. Диспуты «О чем угодно» были не только словесными турнирами. На них обсуждались важные философские и общественные вопросы. В этом отношении была особенность «пражского типа» диспутов, который окончательно оформили в начале XV в.

В документах Пражского университета содержалось похвальное слово Иеронима Пражского такому типу диспутов [9, с. 124–129]. В нем отмечается, что на этот диспут приглашались клирики и магистры, однако далеко не все из них являлись. Этот диспут назывался «турниром рыцарей

учености» [9, с. 124]. Подчеркивалась полезность таких диспутов для студентов. Поэтому не явившиеся магистры приравнивались к рыцарям, проявившим трусость, что, как известно, считалось большим позором в средневековом обществе. Далее такие уклонявшиеся от диспутов магистры всячески поносились и приравнивались чуть ли не к еретикам. Вероятно, здесь содержалась национальная подоплека, т.е. критика немцев, которых было в то время немало как в Праге, так и в самом Пражском университете, ибо прославлялись как раз чехи. Иероним Пражский прямо писал, «что многие чужеземцы лгуны, для того, чтобы скрыть свою собственную мерзость и бесстыдство, пытались льстить и лживо набросить на вернейшего мужа нашего святого чешского народа позорное покрывало, отмеченное серым крестом». Очевидно, он имел в виду слова магистра Пражского университета члена Саксонской «нации» Лудольфа Мейстермана, который на одном из университетских собраний в 1408 г. заявил, что некоторые чехи как избалованные еретики должны носить позорные одеяния, отмеченные изображением креста [9, с. 125–126]. И. Пражский отметал обвинения его и других чехов в ереси и, в частности, в слепом следовании учению оксфордского доктора Джона Виклефа. Вместе с тем он признавался в том, что читал его работы и что они научили его «добру» [9, с. 133]. Иероним в этой речи защищал учение Виклефа. Он говорил, что если мы используем труды язычника Аристотеля и других язычников, в которых содержится множество ошибок, которые противоречат католической вере, то почему нельзя использовать работы Виклефа и брать у него самое ценное. Причем в доказательство своей правоты он ссылался на Священное Писание, труды отцов церкви и т.п. Он призывал студентов изучать его труды, а преподавателям разъяснять положения учения оксфордского профессора студентам и давать отпор «лгунам», т.е. немецким магистрам и докторам. Иероним хвалит руководителя диспута («Кводлибеталия») за организованное проведение диспутов «О чем угодно», за тот отпор, который он дал немецким участникам диспута [9, с. 126].

Таким образом, подобный тип диспутов в Пражском университете использовался чешскими преподавателями в контексте развернувшегося в начале XV в. чешского национально-освободительного движения против засилья немцев и католической церкви. Диспуты на эту тему были меньше всего регламентированы в плане тематики вопросов и порядка обсуждения, а следовательно, открывали больший простор для высказывания идей свободомыслия.

На основе интересного литературного источника – сатирической поэмы «Битва семи искусств» Анри Д'Андели, нормандского поэта XIII в., «который был близок к ученым кругам Парижа», можно видеть, что диспуты как раз способствовали становлению факультета «семи свободных искусств» Парижского университета [9, с. 126–127]. Очевидно, в то время в ходе диспутов между парижскими и орлеанскими магистрами шел спор о самом праве существования такого факультета в Парижском университете. Причем обе стороны обвиняли друг друга в различных пороках: «Она [противная сторона] твердит, что все там пьют без меры...» [9, с. 100–101]. В ходе споров участники широко апеллировали к трудам античных авторов, а в диспутах участвовали аббат монастыря Святого Виктора Руль де Бунли, епископ Парижа и другие представители высшего духовенства [9, с. 131].

Диспуты привлекали сотни слушателей, которые внимали сложному словесному поединку. Темы порой были далеки от жизни. Шли долгие словопрения, посвященные какому-нибудь запутанному месту священных текстов. И все же диспуты не прошли бесследно для дальнейшего развития человеческой мысли. Они способствовали развитию способности логично строить выступление и приводить необходимые аргументы в защиту своей точки зрения.

Таким образом, весь учебный процесс был строго регламентирован. Учебный год состоял из двух семестров: большого и малого. Сроки семестров были привязаны к христианским праздникам, но могли отличаться в разных университетах. Строго определенных каникул для студентов не было. Однако соблюдались все основные христианские праздники.

Основными формами обучения были лекции, репетиции и диспуты. Практические занятия имели место лишь на медицинских факультетах. Все формы обучения, как и методика обучения, были строго регламентированы университетскими статутами. Содержание изучаемого материала на родственных факультетах разных университетов было примерно одинаковым. В основном оно базировалось на изучении трудов Аристотеля, некоторых других античных авторов, трудов средневековых авторов по грамматике, философии и теологии. Все это в совокупности в историографии именуется схоластикой. Новшеством с XIII в. стало изучение трудов арабских ученых, содержащих некоторые материалистические положения. Диспуты давали больше возможностей для свободомыслия, но это зависело в немалой степени от ведущего диспут. Они также давали возможность студентам получать практические навыки в риторике, диалектике, философии и других науках. Несмотря на жесткую регламентацию учебного процесса, все-таки проявлялись ростки свободомыслия, показателем чего была деятельность Джона Виклифа в Оксфордском университете.

Список литературы

1. Всемирная история : в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров ; гл. ред. А. О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2012. 894 с.
2. Митрофанов В. П., Косырева М. А. Возникновение университетов в средневековой Европе // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 4 (40). С. 3–10.
3. Сокова А. В., Митрофанов В. П. Взаимоотношения западноевропейских университетов со светской и духовной властью (XII–XV вв.) // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). С. 55–61.
4. Корниенко М. А. Университет Средневековья: контекст интеллектуальных и культурных традиций. Ч. I // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 3 (50). С. 103–111.
5. Cobban A. B. The medieval universities: their development and organization. London ; New York : Methuen : L^oCo, 1975. 264 p.
6. Cobban A. B. The medieval English universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. Berkeley : University of California Press, 1988. 465 p.
7. Cobban A. B. English university life in the Middle Ages. London : UNL Press, 1999. 264 p.
8. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке : учеб. пособие. М. : Интерпракс, 1995. 416 с.

9. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. : учеб. пособие / вступ. ст., пер. и прим. Г. И. Липатниковой ; под. ред. и с предисл. А. Е. Москиленко. Воронеж : Воронеж. пед. ин-т, 1973. 157 с.
10. Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / под ред. В. И. Рутенбурга. Л. : Наука, 1986. 276 с.

References

1. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 2: Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka = The World History: in 6 volumes. Volume 2: Medieval civilizations of the West and East. Executive editor P.Y. Uvarov; editor-in-chief A.O. Chubaryan. Moscow: Nauka, 2012:894. (In Russ.)*
2. Mitrofanov V.P., Kosyreva M.A. The emergence of universities in medieval Europe. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University. 2022;(4):3–10. (In Russ.)*
3. Sokova A.V., Mitrofanov V.P. Relationships of Western European Universities with Secular and Spiritual Authorities (the 12th – 15th centuries). *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University. 2020;(3):55–61. (In Russ.)*
4. Kornienko M.A. The University of the Middle Ages: the context of intellectual and cultural traditions. Part 1. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of well-being: economy and society. 2023;(3):103–111. (In Russ.)*
5. Cobban A.B. *The medieval universities: their development and organization*. London; New York: Methuen: L0Co, 1975:264.
6. Cobban A.B. *The medieval English universities: Oxford and Cambridge to c. 1500*. Berkeley: University of California Press, 1988:465.
7. Cobban A.B. *English university life in the Middle Ages*. London: UNL Press, 1999:264.
8. Yastrebitskaya A.L. *Srednevekovaya kul'tura i gorod v novoy istoricheskoy nauke: ucheb. posobie = Medieval culture and the city in the new historical science: textbook*. Moscow: Interpraks, 1995:416. (In Russ.)
9. Moskilenko A.E. (ed.). *Dokumenty po istorii universitetov Evropy XII–XV vv.: ucheb. posobie = Documents on the history of European universities of the 12th – 15th centuries: textbook*. Voronezh: Voronezh. ped. in-t, 1973:157. (In Russ.)
10. Rutenburg V.I. (ed.). *Gorodskaya kul'tura: Srednevekov'e i nachalo Novogo vremeni = Urban culture: middle ages and early modern period*. Leningrad: Nauka, 1986:276. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024

УДК 930.2+94(4)«793/1066»
doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-10

Проблема периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии

Д. Г. Смятцкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dg.smyatckij@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* На фоне все увеличивающегося интереса к эпохе викингов в мировом научном сообществе осуществляется актуализация результатов исследований, проведенных учеными разных стран. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о выделении фаз внутри этого сравнительно длительного периода истории, который остается дискуссионным в отечественной и зарубежной историографии. Целью работы является анализ и сравнение между собой подходов к проблеме периодизации эпохи викингов в Англии по материалам англоязычных авторов, их сопоставление с устоявшейся в отечественной историографии периодизацией. *Материалы и методы.* Источниками для настоящего исследования послужили опубликованные научные труды англоязычных историков конца XX – начала XXI в., в которых рассматривается эпоха викингов в Англии и уделяется внимание вопросу ее периодизации. При рассмотрении данной проблемы используются методы историографического анализа: сравнительно-исторический, системности, историзма. *Результаты.* Удалось выявить основные подходы к периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии, определить их характерные черты, сравнить между собой и сопоставить с периодизацией, принятой в отечественной историографии. *Выводы.* Наличие различных подходов к периодизации эпохи викингов среди англоязычных историков объясняется развитием научного интереса к проблеме в целом, а также увеличением источниковой базы. Эти обстоятельства актуализируют дискуссии и являются основой для выдвижения новых интерпретаций хронологических рамок рассматриваемого периода. Различия в национальной принадлежности авторов, количестве доступных источников, степени развития региональной истории обуславливают наличие нескольких подходов к периодизации эпохи викингов в Англии среди англоязычных авторов.

Ключевые слова: эпоха викингов, периодизация, историография, англоязычные историки

Для цитирования: Смятцкий Д. Г. Проблема периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 116–124. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-10

The problem of periodisation of the Viking Age in England in modern English language historiography

D.G. Smyatckiy

Penza State University, Penza, Russia

dg.smyatckij@yandex.ru

Abstract. *Background.* Against the background of ever-increasing interest in the Viking Age in the world scientific community, the results of the research by scientists from different countries are being updated. In this connection, the question of distinguishing phases within this relatively long period of history, which remains debatable in domestic and foreign historiography, inevitably arises. The purpose of the work is to analyse and compare approaches to the problem of periodisation of the Viking Age in England based on the materials of English-language authors, their comparison with the periodisation established in the domestic historiography. *Materials and methods.* The sources for the present study were the published scientific works of English-language historians of the late 20th – early 21st centuries, in which the Viking Age in England is considered and attention is paid to the issue of its periodisation. When considering this problem, the methods of historiographical analysis are used: comparative-historical, systematic, historicism. *Results.* It was possible to identify the main approaches to the periodisation of the Viking Age in England in modern English-language historiography, to determine their characteristic features, to compare and contrast them with the periodisation accepted in the domestic historiography. *Conclusions.* The presence of different approaches to the periodisation of the Viking Age among English-language historians is explained by the development of scientific interest in the problem as a whole, as well as by the increase in the source base. These circumstances actualize discussions and are the basis for new interpretations of the chronological framework of the period under consideration. Differences in the nationality of the authors, the number of available sources, the degree of development of regional history determine the existence of several approaches to the periodisation of the Viking Age in England among English-language authors.

Keywords: Viking Age, periodisation, historiography, English-language historians

For citation: Smyattskiy D.G. The problem of periodisation of the Viking Age in England in modern English language historiography. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):116–124. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-10

Введение

Одной из значимых составляющих историографического исследования является изучение проблемы периодизации исторических процессов. Это связано со стремлением ученых-историков хронологически выделить этапы того или иного исторического явления с целью наиболее полного и объективного его анализа. Периодизация исторической эпохи позволяет проследить влияние различных факторов на формирование, развитие и завершение конкретных явлений, определить их место в едином историческом процессе.

В связи с этим представляется актуальным выделить различные подходы к периодизации эпохи викингов в Англии среди англоязычных ученых-историков конца XX – начала XXI в. и соотнести полученные данные с аналогичными интерпретациями, принятыми в отечественной историографии.

Материалы и методы

Проблема периодизации эпохи викингов в Англии и ее целостное восприятие в науке достаточно противоречивы. Многие англоязычные ученые, среди которых Питер Соьер [1], Дональд Ф. Логан [2], в контексте общего вопроса об эпохе викингов уделяли большое внимание указанному выше периоду и создали собственную интерпретацию событий, которые его

наполняли. Определение фаз эпохи викингов в Англии перечисленными учеными во многом находит отражение в «Оксфордской истории Великобритании» [3], «Викинги: Набеги с севера» [4] и трудах Эльзы Роэсдалль [5].

Установки таких англоязычных историков, как Джулиан Д. Ричардс [6, 7], Клэр Даунхэм [8], а также выделение фаз эпохи викингов в Англии в «Культурном атласе викингов» [9], представляют научный интерес, поскольку их подход к проблеме периодизации указанного вопроса также видится достаточно рациональным.

При изучении вопроса периодизации эпохи викингов в Англии среди англоязычных историков конца XX – начала XXI в. использованы сравнительно-исторический метод, принципы историзма, системности, которые считаются устоявшимися при историографическом анализе.

Результаты и обсуждение

В настоящее время отмечается повышенный интерес к эпохе викингов как в массовой культуре, так и в научной среде. В связи с этим представляется целесообразным тщательнее подходить к изучению этого периода. Поэтому в настоящей работе уделяется внимание периодизации эпохи викингов в Англии, которая принята в первую очередь в англоязычной историографии.

Англоязычные историки конца XX – начала XXI в. традиционно выделяют эпоху викингов в целом примерно с 793 по 1066 г., однако в последнее время границы этого периода для Западной Европы слегка расширяются. Началом часто указывают 792, 789 и даже 786 г., когда викинги совершают еще слабо организованные ранние набеги, впервые вышедшие за пределы Скандинавии [2, р. 35–36].

Периодизация эпохи викингов на Британских островах в интерпретации англоязычных авторов практически полностью совпадает с периодизацией континентальной части Европы, однако ее внутренние этапы имеют свою специфику, связанную с изменением характера взаимодействия скандинавов с англосаксами на протяжении указанного выше времени.

В среде англоязычных историков не установилось единого подхода к определению внутренних этапов эпохи викингов, однако можно выделить некоторые общие черты, позволяющие относительно условно сгруппировать интерпретации разных ученых в определенную структуру.

Так, первый подход к проблеме периодизации эпохи викингов в Англии можно представить следующим образом [1, с. 7–22; 3, р. 90–119; 4, с. 87–120; 5, р. 233–261; 10, р. 48–82]:

1. Первый этап (793–835 гг. / конец VIII – середина IX в.) – начало эпохи викингов. Эту фазу англоязычные историки характеризуют как время «ранних набегов». По их мнению, они представляли собой слабо организованные, часто управляемые авантюристами из числа родовой знати нападения, имеющие основной целью получение материальных ценностей легким путем за счет грабежа. В рамках этой фазы набеги осуществлялись в основном на слабо защищенные объекты, в первую очередь монастыри (ярким примером является нападение отряда викингов на монастырь Св. Кутберта 8 июня 793 г., который находился на о. Линдисфарн – Д. С.) [1, с. 7–8; 3, р. 90–91; 4, с. 87–93; 5, р. 233–234; 10, р. 50–52].

2. Второй этап (835–930-е гг. / вторая половина IX – первая половина X в.) характеризуется англоязычными историками как период активных набегов и постепенный переход к колонизации Англии. Они отмечают, что в это время неуклонно растет количество совершаемых викингами нападений. Кроме того, значительно улучшается степень организации этих походов, увеличивается количество их участников. На данном этапе отряды скандинавов все чаще остаются на территории Англии для зимовки, разбивают лагерь и налаживают потоки переселенцев из Скандинавии, захватывая и колонизируя обширные области англосаксонских королевств (например, форсируется Дэнло – область датского права в Англии, а также происходит вторжение «великой армии язычников» – Д. С.) [1, с. 8–11; 3, р. 91–100; 4, с. 93–109; 5, р. 234–250; 10, р. 52–73].

3. Третий этап (980–1066 гг. / конец X – первая половина XI в.) отмечается англоязычными историками попытками завоевания Англии скандинавскими конунгами и постепенным завершением эпохи викингов. Они считают, этой фазе предшествует довольно длительная пауза в нападениях на территорию Англии. В первую очередь это связано с изменением географии набегов, переориентацией основного потока экспансии викингов на континентальную часть Западной Европы. Однако именно после этой паузы, по мнению англоязычных исследователей, новый этап нападений скандинавов на территорию Англии можно характеризовать как период «организованного завоевания». Набеги сменились планомерным вторжением под руководством конунгов Дании и Норвегии, которые ставили основной целью политическое завоевание Англии [1, с. 11–12; 3, р. 100–119; 4, с. 109–112; 5, р. 250–261; 10, р. 73–82].

Второй подход к периодизации эпохи викингов в Англии представляется более детальным, поскольку выделяется уже четыре этапа, период возобновления нападений викингов с 980 по 1066 г. делится на несколько фаз [6, р. 47–76; 7, р. 26–44; 8, р. 341–349; 9, р. 122–131, 205–212]:

1. Первый этап (789/793–865 гг.) они называют началом эпохи викингов. Указанные англоязычные историки в основном солидарны со своими коллегами, представляющими первый подход к периодизации, в отношении характеристики этой фазы: спорадические набеги викингов на территорию Англии в этот период имеют сезонный характер и преследуют грабительские цели [6, р. 55–56; 7, р. 26–32; 8, р. 341–342; 9, р. 122–129].

2. Второй этап (865–896/900 гг.) – в это время, полагают они, происходят первые крупные вторжения викингов и увеличивается количество набегов, которыми часто предводительствуют ярлы и конунги. Именно в это время характер нападений, по мнению англоязычных историков, сменяется в сторону более организованного вторжения, в том числе «великой армии язычников», а также происходит колонизация скандинавами территории англосаксонских королевств [7, р. 33–39; 8, р. 342–345; 9, р. 129–131].

3. Третий этап (980–1012/1018 гг.) рассматривается ими как время возобновления набегов викингов после длительной паузы. Указанные выше англоязычные авторы считают, что в этот период времени нападения викингов в Англии имеют две цели. С одной стороны, это получение материальной выгоды за счет вымогательства у англосаксов дани (так называемый «данегельд», или «датские деньги» – Д. С.). С другой стороны, викинги претендовали

на территорию Дэнло, часть которой за время их «отсутствия» была отвоевана англосаксонскими королями [7, р. 39–43; 8, р. 346; 9, р. 205–210].

4. Четвертый этап (1013/1019–1066 гг.) характеризуется ими как период политического завоевания Англии скандинавскими конунгами. Выделение этой фазы англоязычными исследователями продиктовано в первую очередь изменением характера экспансии викингов на территории англо-саксонских королевств. По-видимому, это утверждение является оправданным и его можно принять. В это же время короли Дании и Норвегии предпринимают попытки объединить в своих руках территорию Скандинавии и Англии, а также формируется Англо-Датская, или Северная, империя Кнута Великого (1016–1035 гг.) [7, р. 43–44]. После ее распада викинги предпринимают еще несколько попыток удержать английскую корону, однако в 1066 г. в битве при Стамфорд-Бридже погибает последний король-викинг Норвегии – Харальд Суровый (1046–1066 гг.) и эпоха викингов, по мнению англоязычных историков, подходит к концу [8, р. 346–347; 9, р. 210–212].

На фоне остальных интерпретаций англоязычными историками периодизации эпохи викингов в Англии выделяется работа «Викинги в истории» американского исследователя Дональда Ф. Логана. Автор отодвигает раннюю границу эпохи до 786 г., объясняя это наличием сведений о более ранних нападениях викингов на территорию Англии [2, р. 35–36], а также делит весь период завоеваний скандинавов на Британских островах на две волны:

1) 835–954 гг. – первая волна викингов, которая характеризуется постепенной сменой сезонных набегов и грабежей на постоянную колонизацию и полноценные вторжения скандинавских армий на территорию англосаксонских королевств [2, р. 141–172];

2) 980–1035 гг. – вторая волна викингов, представляющая собой организованные попытки завоевания Англии. Эти нападения возглавлялись членами скандинавских королевских династий, которые выступали в качестве предводителей датских или норвежских армий [2, р. 172–179]. По мнению Дональда Ф. Логана, короли Дании и Норвегии не стремились к созданию Северной империи, однако номинально Англо-Датская империя просуществовала сравнительно не долго, а попытка норвежского короля Харальда Сурового заявить о своих правах на английский трон закончилась неудачей [2, р. 172].

Все перечисленные выше подходы имеют общие черты, однако расходятся в небольших деталях, связанных с более подробным делением внутренних фаз эпохи викингов в Англии за счет изменения характера взаимодействия викингов с территорией англосаксонских королевств.

Так, «Оксфордская иллюстрированная история викингов» под редакцией Питера Сойера выделяет четыре внутренние фазы в период правления короля Этельреда (978–1016 гг.):

1) 980–991 гг. – возобновление набегов скандинавов после длительной паузы;

2) 991–1005 гг. – попытка завоевания Англии большой армией викингов;

3) 1006–1012 гг. – два крупных вторжения скандинавских армий во главе с конунгами, имеющих разрушительные последствия;

4) 1013–1016 гг. – вторжение датчан под предводительством Кнута Великого и политическое завоевание Англии [10, р. 73–82].

Для сравнения отметим, что в отечественной историографии периодизация эпохи викингов в целом имеет хронологические рамки IX–XI вв. А если точнее, то называют период с 793 по 1066 г. с незначительными расхождениями у разных авторов [11–15]. В частности, в работах отечественных исследователей заметно разделение указанного исторического периода на более мелкие внутренние фазы. Так, Е. А. Мельникова рассматривает эпоху викингов с точки зрения «времени формирования национальных государств» от «возникновения “дружинных” государств до их перерастания в централизованные национальные государства» [11, с. 407]:

1) 30-е гг. VIII – середина IX в. – строительство оборонительных линий и других крупномасштабных строительных работ в Скандинавии, требующих высокого уровня организации общества, а также нарастание масштабов походов викингов;

2) середина IX – конец X в. – период колонизации викингами части Ирландии, Англии, Франции, Исландии;

3) конец X–XI в. – усиление скандинавской экспансии в Западной Европе за счет становления в Дании, Швеции и Норвегии централизованных государств [11, с. 407–410].

Кроме того, научный интерес вызывает подход к периодизации эпохи викингов одного из крупнейших отечественных исследователей-скандинавистов – Г. С. Лебедева. По его мнению, весь указанный период можно разделить на девять этапов (восемь из них связаны с активностью скандинавов на территории Англии – Д. С.), каждый из которых обладает протяженностью около 30 лет, т.е. время деятельности одного поколения:

1) первый этап (793–833 гг.) – высокая степень активности викингов в Англии, связанная с нападениями на церкви и монастыри прибрежных районов;

2) второй этап (833–863 гг.) – время более организованных нападений скандинавов с целью захвата скота и создания промежуточных баз;

3) третий этап (864–891 гг.) – завоевание викингами северной части Англии, формирование Дэнло;

4) четвертый этап (891–920 гг.) – перерыв в нападениях скандинавов на территорию англосаксонских королевств и смещение их активности в сторону континентальной Европы;

5) пятый этап (920–950 гг.) – возобновление активности викингов на территории Англии во главе с конунгами;

6) шестой этап (950–980 гг.) – нападения скандинавов на территорию Уэльса и западных районов Англии под предводительством конунгов-викингов из Ирландии и скандинавских королевств, взимание с побежденных англосаксов данегельда;

7) седьмой этап (980–1014 гг.) – организованные набеги викингов под руководством северных конунгов на территорию Англии с целью стимулирования выплат данегельда и дальнейшего подчинения страны;

8) восьмой этап (1014–1043 гг.) – вторжение в Англию датского короля Кнута Великого со своим войском и формирование Англо-Датской империи;

9) девятый этап (1035–1066 гг.) – распад империи Кнута Великого и неудачные попытки ее восстановления конунгами из Англии, Дании и Норвегии, приведшие к завершению эпохи викингов [14, с. 35–59].

Периодизация эпохи викингов, принятая в отечественной историографии, во многом соотносится с интерпретацией этого времени в среде англоязычных историков. Однако многие российские исследователи [12, 13, 15] делают акцент на общеевропейской экспансии скандинавов в период с 793 по 1066 г., что не позволяет в полной мере выделять ключевые фазы этого явления на территории Британских островов, как это делают представители англоязычной историографии. Исключение представляет труд Г. С. Лебедева [14], который за счет наиболее подробного разделения этапов эпохи викингов смог отразить ее специфику, характерную для региона англосаксонских королевств.

Заключение

Таким образом, проблема периодизации эпохи викингов в Англии является актуальной в англоязычной историографии, поскольку по-разному выстраивается исследователями. Это можно объяснить, с одной стороны, увеличивающимся научным интересом к феномену в целом, а с другой стороны, появлением новых археологических источников, расширяющих известные сведения об изучаемом историческом периоде, что способствует пересмотру принятых в историографии его хронологических рамок.

Рассматриваемые в настоящей работе труды современных англоязычных историков по эпохе викингов в Англии представляют широкое поле для научного обсуждения и дискуссий. Особенности подходов к периодизации указанного явления обусловлены национальной принадлежностью авторов, степенью развития региональной истории на территории Великобритании, а также различным набором доступных для исследователей источников во время их работы.

Например, большинство британских историков выделяют три [1, 3, 4, 10] или четыре [6–9] внутренних этапа эпохи викингов в регионе Британских островов, а также прибегают к более подробному анализу нападений скандинавов с точки зрения их отправной точки – Дания, Норвегия, Ирландия, Оркнейские и Шетландские острова или о. Мэн.

В свою очередь американский исследователь Дональд Ф. Логан [2] разделяет эпоху викингов на две отличающихся друг от друга характером нападений «волны» скандинавского вторжения на Британские острова. Такой подход представляется достаточно дискуссионным, поскольку предполагает более упрощенную интерпретацию событий, происходящих в указанное время в Англии.

Изучаемые в настоящей статье труды англоязычных историков имеют общие черты как между собой, так и в сравнении с отечественной историографией. В основном неизменным остается определение хронологических рамок эпохи викингов с 793 по 1066 г., где небольшие расхождения (в первую очередь касающиеся ранней границы) обуславливаются появлением новых сведений о первых набегах скандинавов на территорию Британских островов. Кроме того, для англоязычных авторов характерно выделение внутренних фаз деятельности скандинавов в Англии, которое зависит от различий в интерпретациях событий, происходящих в эпоху викингов в указанном регионе. В то же время в отечественной историографии делается акцент на изучении

общей экспансии викингов в Европе. Однако в части работ российских исследователей можно обнаружить рациональное деление эпохи на более мелкие временные промежутки, обусловленные постоянным изменением активности скандинавов на территории Англии на протяжении всего периода 793–1066 гг.

Список литературы

1. Сойер П. Эпоха викингов. СПб. : Евразия, 2006. 351 с.
2. Logan D. F. *The Vikings in History*. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2003. 224 p.
3. *The Oxford History of Britain*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1993. 747 p.
4. Викинги: Набеги с севера. М. : ТЕРРА, 1996. 168 с.
5. Roesdahl E. *The Vikings*. London : Penguin books, 1992. 324 p.
6. Richards J. D. *The Vikings: A Very Short Introduction*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 152 p.
7. Richards J. D. *Viking Age England*. Stroud : The History Press, 2013. 248 p.
8. *The Viking World*. London ; New York : Routledge, 2008. 717 p.
9. *Cultural Atlas of the Viking World*. Abingdon : Andromeda Oxford Limited, 1994. 240 p.
10. *The Oxford Illustrated History of the Vikings*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1997. 298 p.
11. *Всемирная история : в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока*. М. : Наука, 2012. 894 с.
12. Гуревич А. Я. *Избранные труды. Древние германцы. Викинги*. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 352 с.
13. *История Европы : в 8 т. Т. 2. Средневековая Европа*. М. : Наука, 1992. 808 с.
14. Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. СПб. : Евразия, 2005. 640 с.
15. Сванидзе А. А. *Викинги – люди саги: жизнь и нравы*. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.

References

1. Soyer P. *Epokha vikingov = Viking Age*. Saint Petersburg: Evraziya, 2006:351. (In Russ.)
2. Logan D.F. *The Vikings in History*. London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2003:224.
3. *The Oxford History of Britain*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1993:747.
4. *Vikingi: Nabegi s severa = Vikings: Raids from the North*. Moscow: TERRA, 1996:168. (In Russ.)
5. Roesdahl E. *The Vikings*. London: Penguin books, 1992:324.
6. Richards J.D. *The Vikings: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2005:152.
7. Richards J.D. *Viking Age England*. Stroud: The History Press, 2013:248.
8. *The Viking World*. London; New York: Routledge, 2008:717.
9. *Cultural Atlas of the Viking World*. Abingdon: Andromeda Oxford Limited, 1994:240.
10. *The Oxford Illustrated History of the Vikings*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997:298.
11. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka = The World History: in 6 volumes. Volume 2. Medieval civilizations of the West and East*. Moscow: Nauka, 2012:894. (In Russ.)
12. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy. Drevnie germantsy. Vikingi = Selected Works. Ancient Germans. Vikings*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007:352. (In Russ.)

13. *Istoriya Evropy: v 8 t. T. 2. Srednevekovaya Evropa = History of Europe: in 8 volumes. Volume 2. Medieval Europe.* Moscow: Nauka, 1992:808. (In Russ.)
14. Lebedev G.S. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi = The Viking Age in Northern Europe and Rus'.* Saint Petersburg: Evraziya, 2005:640. (In Russ.)
15. Svanidze A.A. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nray = Vikings – people of the saga: life and morals.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014:800. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Георгиевич Смяцкий
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Dmitriy G. Smyattskiy
Postgraduate student,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: dg.smyatckij@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024

УДК 303.446.4+281.913+323.1

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-11

**Православная община в общественно-политической жизни
Ливана: историография проблемы в трудах отечественных,
западноевропейских и ближневосточных авторов
XX–XXI вв.**

Р. В. Захаров

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

2508ruslan@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Данное исследование представляет собой историографический анализ участия православной общины в общественно-политической жизни Ливана. Значительная часть монографий, диссертационных исследований и статей, используемых в настоящей работе, впервые вводятся в научный оборот и ранее никогда не переводились на русский язык. Вкупе с тем, что православная община является в целом одной из наименее изученных религиозных общин Ливана, представленный историографический анализ является одной из немногих попыток в отечественной арабистике дать характеристику основополагающих работ в рамках заданной тематики. *Материалы и методы.* Использовались принципы историзма, системности и объективности, что позволило проанализировать различные точки зрения исследователей касемо роли православной общины в общественно-политической жизни Ливана. *Результаты.* Анализ редкой и малодоступной литературы по православной общине Ливана позволил не только определить степень изученности самой темы, но и проследить динамику численности православной общины в различные периоды истории Ливана, выявить основные идеологические течения внутри православной общины, а также поляризацию взглядов между ее членами относительно национальной и культурной идентичности общины, степень политического участия православных в рамках системы политического конфессионализма в Ливане, роль Антиохийской православной церкви в формировании ливанской внутривнутриполитической повестки. *Выводы.* На фоне большого количества работ, посвященных общей истории Ливана и различным религиозным конфессиям, интерес исследователей к изучению православной общины Ливана остается достаточно незначительным ввиду ограниченной роли православной общины во внутривнутриполитических процессах в Ливане. Это выражается в нежелании ее членов участвовать в перманентном межконфессиональном противостоянии, неясности политических требований и внутривнутриобщинной разобщенности.

Ключевые слова: Ливан, православные христиане, национальная идентификация, Антиохийская православная церковь, арабский национализм, ливанский национализм

Для цитирования: Захаров Р. В. Православная община в общественно-политической жизни Ливана: историография проблемы в трудах отечественных, западноевропейских и ближневосточных авторов XX–XXI вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 125–139. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-11

**Orthodox community in public and political life in Lebanon:
historiography of the theme in works of Russian,
Western Europe and Middle East researchers
from the 20th to the 21st centuries**

R.V. Zakharov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

2508ruslan@gmail.com

Abstract. *Background.* This study dwells on analyzing historiography of the participation of Orthodox community in public and political life in Lebanon. For the first time the author introduces new scientific monographies, PHD researches and articles which have not seen translation in Russian previously. Taking into account that the Orthodox community is still the least studied religious community in Lebanon this analysis of historiography represents one of a few attempts in Arabic studies in Russia to systematize the main works within a topic given. *Materials and methods.* During the writing of this article the author relies on principles of historicism, systematicity and objectivity which made it possible to analyze the different points of view of researchers regarding the role of the Orthodox community in public and political life in Lebanon. *Results.* An analysis of rare and inaccessible literature on the Orthodox community in Lebanon has allowed to determine not only the degree of study of the topic itself, but also to trace the dynamics of the size of the Orthodox community in various periods of Lebanese history, identify the main ideological trends within the Orthodox community, as well as the polarization of views between its members regarding national and cultural community identity, the degree of political participation of Orthodox Christians within the system of political confessionality in Lebanon and role of the Antiochian Orthodox Church in shaping the Lebanese domestic political agenda. *Conclusions.* Amid considerable amount of works touching upon the history of Lebanon and various religious communities, researches do not pay much interest to studying Orthodox community in Lebanon due to its limited role in domestic policy of Lebanon. This is expressed in reluctance of its members to participate in permanent interfaith confrontation, the ambiguity about political demands and intra-community disunity.

Keywords: Lebanon, Orthodox Christians, national identity, Antiochian Orthodox Church, Arab nationalism, Lebanese nationalism

For citation: Zakharov R.V. Orthodox community in public and political life in Lebanon: historiography of the theme in works of Russian, Western Europe and Middle East researchers from the 20th to the 21st centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):125–139. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-11

Введение

Историография места и роли православной общины в политической системе Ливана является неотъемлемой частью общих исследований, посвященных ливанской государственно-конфессиональной системе или системе политического конфессионализма. Каждую конфессиональную группу Ливана можно охарактеризовать как сложный механизм взаимосвязанных элементов на нескольких уровнях взаимодействия – политическом, экономическом, религиозном, влияние на которые оказывает внешняя динамика ближневосточного региона. Не является исключением и православная община,

представляющая собой независимую единицу, которая тем не менее тесно инкорпорирована в структуру ливанского общества. Таким образом, большинство исследований, так или иначе затрагивающих ливанскую внутривнутриполитическую повестку, будут включать в себя обзор конфессиональных общин Ливана, включая православную общину.

Вместе с тем на фоне значительного количества работ, посвященных отдельным ливанским конфессиям, в мировой историографии практически отсутствуют работы, посвященные православной общине. Причины этого, предположительно, заключаются в том, что православная община на протяжении всего XIX в. и большей части XX в. предпочитала дистанцироваться от перманентного внутривнутриполитического противостояния между ведущими конфессиональными группами Ливана и занимать нейтральную позицию. Интерес же исследователей по большей части фокусировался на взаимодействиях и противоречиях трех крупнейших конфессиональных групп Ливана – маронитов, суннитов и шиитов, которые с 1943 г. благодаря личным договоренностям обеспечили себе доминирующее положение в ливанской политике. Напротив, члены православной общины, хоть и внесли значительный интеллектуальный и идеологический вклад в развитие политической жизни Ливана, занимали второстепенные должности и не оказывали существенного влияния на политику страны.

Таким образом, наблюдается значительный перекос в сторону изучения именно ведущих конфессиональных групп страны, в то время как православная община остается одной из наименее изученных религиозных общин Ливана.

В связи с вышесказанным проследить какую-либо закономерность в исследовании православной общины Ливана достаточно сложно из-за малого количества системообразующих работ на заданную проблематику. Для существенной части исследователей, особенно на Западе, православная община остается христианской общиной «второго плана» (после маронитов), которая, соответственно, не заслуживает детального изучения.

Наибольший вклад в изучение православной общины внесли отечественные и сиро-ливанские исследователи. Это объясняется, во-первых, религиозным фактором, что в равной степени относится и к отечественным, и к сиро-ливанским исследователям (большинство из них были православного вероисповедания); во-вторых, общностью целей и задач, которые стояли перед Русской православной церковью и Антиохийским патриархатом на разных этапах исторического развития; в третьих, внешней политикой Российской империи, а затем Советского Союза, которые часто рассматривали православных христиан как наиглавнейших союзников в регионе.

В настоящей статье был дан обзор, как нам представляется, наиболее значимых работ, посвященных православной общине Ливана. Большинство из них были написаны в середине XX – начале XXI в., однако встречаются как более ранние, так и более поздние работы. При этом можно констатировать практическое отсутствие работ на заданную тематику за последние 10 лет за исключением нескольких статей, которые будут упомянуты в настоящей работе.

Основное внимание в статье все же уделено либо редко упоминавшимся, либо вовсе никогда не переводившимся на русский язык работам. Каждая

работа посвящена отдельному аспекту политического участия православных. Можно выделить следующие группы исследований: исследования на общую тематику, охватывающие расселение и численность православных христиан Ливана; исследования, посвященные национальной, культурной и цивилизационной самоидентификации православной общины; исследования, посвященные роли и месту православной общины во внутривосточных процессах в Ливане; исследования, посвященные истории и роли Антиохийской православной церкви в формировании внутривосточной повестки в Ливане.

Охватываемые исследования различаются по типу (диссертации, монографии, статьи), методологическим подходам (количественные и качественные методы, эмпирический и теоретический способы познания).

При этом автор отдает должное более ранним работам русских дипломатов, путешественников и востоковедов XIX в., внесших огромный вклад в исследуемую проблематику. К их числу относятся генеральный консул в Бейруте К. М. Базили и позже сменивший его на посту К. Д. Петкович, путешественник и востоковед А. Е. Крымский. Работы указанных авторов, безусловно, до сих пор сохраняют актуальность и являются примерами ранних работ в отечественной арабистике.

География населения и демографические показатели православных Ливана

Начать, на наш взгляд, следует с фундаментальной работы французского исследователя Жан-Пьера Валоня, в которой автор фокусируется на истоках восточного христианства, расселении и демографии восточных христиан, дифференциации обрядов, догматов и церковного устройства, а также историческом развитии на различных этапах, начиная с периода начала распространения ислама за пределы Аравийского полуострова и заканчивая концом XX в. [1]. Отдельно рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются восточные христиане на современном этапе (сокращение числа верующих, культурные и идеологические различия), и их реакции на текущие кризисы: начиная от стратегий полной интеграции в общественно-политическое и экономическое пространства, объединения и компромисса с доминирующими силами, заканчивая отчуждением и непринятием культурных и идеологических концепций большинства.

Православным христианам Ж.-П. Валонь посвящает несколько страниц в рамках большого обзора христианских конфессий Ливана. Численность православных в Ливане Ж.-П. Валонь оценивает в 200–250 тыс. человек, не указывая при этом временной отрезок. Вкратце описаны центры расселения православных (Бейрут, Триполи), их экономическая активность, подчеркивается высокий образовательный и культурный уровень православной общины [1, р. 663].

При этом, по мнению Ж.-П. Валоня, политическое участие православных остается на низком уровне. Признавая высокий потенциал православной общины, Ж.-П. Валонь упрекает ее в отсутствии внутриобщинной солидарности: «Православные священники и депутаты очень часто представляют только самих себя» [1, р. 664].

Большой историко-географический обзор православной общины провела ливанская исследовательница Мэй Дейви [2]. Ценности работе придает

использование автором ранее недоступных архивов греко-православной епархии Бейрута. Она представляет основные вехи исторического развития православных епархий Антиохийской церкви Бейрута, Джебейля, Батруна и других территорий, населенных православными христианами. В предисловии автор честно признает недостаточное количество доступного материала, поэтому исследования в этой области находятся только в начале пути и еще далеки от завершения. Более того, М. Дэйви рассматривает свою работу как этап для будущих более глубоких исследований, поскольку, по ее словам, имеются значительные пробелы в исследовании православной общины как на национальном, так и на общинном уровне [2, р. 7–8].

М. Дэйви фиксирует увеличение внутренней миграции православных христиан из сельских районов Горного Ливана в прибрежные города Бейрут и Триполи на рубеже XIX–XX вв. По мере прибытия в Бейрут все большего количества православных христиан город начинает разрастаться. Численность православных в городе выросла с 4 тыс. человек в 1860 г. до 25 тыс. человек к началу XX в. М. Дэйви пишет, что «демографический поток положил начало городскому толчку» и образованию многочисленных пригородов Бейрута, многие из которых до сих пор находятся на карте. Многие из них со временем приобрели значительную финансовую и экономическую мощь во многом благодаря широким связям православной элиты с западным капиталом [2, р. 45–47].

Организация местного самоуправления в православных районах Бейрута также является предметом исследования М. Дэйви. Так, православные христиане были представлены в общественном совете (Джамийят Киллайят ар-Рум) и совете миллета (Маджлис аль-милля). Совет миллета возглавлялся епископом и состоял из 12 мирян, которые в свою очередь избирались влиятельными бейрутскими семьями и, соответственно, представляли их интересы. Епископ руководил общественным порядком, разрешал судебные и финансовые вопросы. Совет контролировали следующие влиятельные православные семьи: Саба, Трад, Сурсук, Джубейл, Фиани, Дагер, Туейни, Бутрос, Ризкалла, Каркаби. Еще около сотни человек из 68 знатных семей входили в общинное собрание. Общее количество семей, представители которых находились на службе у епископа на 1870 г., по данным ливанской исследовательницы Мей Дэйви, составляло 167 семей [10, р. 62]. М. Дейви пишет, что расселенные по всему региону, представленные практически во всех слоях общества, экономически независимые и свободно перемещающиеся с места на место, православные арабы выполняли роль связующего звена между различными конфессиональными группами [3, р. 90–91].

Более детальным и фундаментальным исследованием, раскрывающим внутреннюю и внешнюю миграцию христиан Сирии и Ливана, является работа современного российского востоковеда А. В. Сарабьева. В работе приводятся статистические показатели численности православных христиан в различных районах Ливана, мест расселения, причины миграционных процессов. Существенное внимание уделяется материальному, общественному и культурному уровню православной общины на рубеже XIX–XX вв. [24]. В динамике показаны изменения миграционных показателей относительно конфессионального состава, численности и основных направлений миграционных потоков в начале – середине XX в.

Интересными представляются статистические данные о конфессиональном составе ливанской эмиграции. Так, на 1932 г. христианские конфессии составляли до 85 % от всего миграционного потока, при этом не менее 23 % эмигрантов составляли представители православной общины [4, с. 239]. Наиболее популярными направлениями эмиграции в первой половине XX в. были страны Латинской Америки, США и Франция [4, с. 226–227].

Объяснить влияние гражданской войны в Ливане на внутреннюю миграцию христианских конфессий помогает исследование, изложенное в статье ливанского демографа Сальмы Хусейн [5]. К 1975 г. численность православной общины, по данным С. Хусейн, едва дотягивала до 7 % при общей численности населения в 2 млн 325 тыс. человек. При этом православные были склонны к урбанизации больше, чем марониты. Так, в 1975 г. 46,1 % православных проживало в Бейруте, 14,5 % – в Куре и 8 % – в Триполи. Наименьшая часть из них проживали в сельской местности – 3,8 % проживали в Метне и 2,6 % – в Рашайе [5, р. 148].

Проблема национальной, культурной и цивилизационной самоидентификации православной общины

Самосознание православной общины формировалось на протяжении всего периода османского владычества и характеризовалось порой полярными мнениями и взглядами относительно национальной и культурной самоидентификации православного населения. Ключевой вопрос, который стоял перед интеллектуальной православной элитой того времени, – к какой из двух мировых цивилизаций принадлежит сиро-ливанская православная община – западно-христианской или арабо-мусульманской? Ответ на этот вопрос часто определялся, с одной стороны, историческим опытом внешнего взаимодействия православной общины сначала с завоевателями-крестоносцами, затем с османами и пришедшими им на смену европейскими колониальными державами, а с другой – опытом внутреннего сосуществования с представителями других конфессий Ливана. При этом стоит отметить, что на указанную дилемму достаточно сложно дать однозначный ответ – в большинстве случаев исторический опыт взаимодействия что с одной, что другой цивилизациями имел как положительные, так и негативные стороны.

Наиболее фундаментальное исследование по национальной и культурной идентичности православных содержится в диссертации Тарека Митри [6]. «Православные – самые арабские из христиан», – так написал Т. Митри, делая особый акцент на участии православных христиан в арабском националистическом движении [6, р. 378]. С точки зрения Т. Митри, «арабская» идентичность православной общины является подтверждением, с одной стороны, их «независимости» от стран Запада, стремлением обособить себя от влияния западной культуры, а с другой – чувством принадлежности к большому арабскому миру.

Т. Митри отмечает непосредственную роль Антиохийской православной церкви в «арабизации» православной общины. Сам процесс «арабизации», достаточно долгий и растянутый во времени, берет свое начало в IX в., когда под влиянием Арабского Халифата произошла языковая «арабизация», которая впоследствии распространила свое влияние на литургическую

и богословскую мысль. Т. Митри упоминает несколько видных православных богословов времен Арабского Халифата, говоривших и писавших свои труды на арабском языке, среди которых Иоанн Дамаскин и его ученик Абу Курра, которого считают отцом православной литературы на арабском языке. При этом Т. Митри не отрицает наличия у православных христиан «византийского наследия», что делает их, по его словам, мостом между западно-христианской и арабо-мусульманской цивилизациями [6, р. 379].

В середине XIX в. на территорию арабских провинций Османской империи начинает проникать идеология национализма, которая быстро трансформировалась в идею объединения всей арабской нации в рамках единого государства.

История национального движения арабов и участия в нем христианских общин Сирии и Ливана нашло свое отражение в книге историка арабского националистического движения Джорджа Антониуса «Пробуждение арабов» [7]. Особое внимание Дж. Антониус уделяет истокам арабского националистического движения и стремлению египетского султана Мухаммеда Али к созданию единого арабского государства. Дж. Антониус указывает на весьма благосклонное отношение Мухаммеда Али к православному меньшинству в Сирии, что в дальнейшем имело существенное влияние на положительное восприятие идей арабского национализма среди христианских конфессий [7, р. 26].

Дж. Антониусу вторит американский исследователь Мартин Крамер [8]. Автор отмечает, что в середине XIX в. основными центрами распространения идей арабского национализма и панарабизма становятся Сирия и Ливан. Наибольшее участие в этих процессах принимала христианская община, в том числе православные, как наиболее прогрессивная и восприимчивая к европейскому опыту. М. Крамер указывает на роль арабо-христианских меньшинств, испытавших сильное влияние со стороны европейских миссионеров и использующих арабский язык как средство миссионерской деятельности и современного просвещения, что способствовало повышению интереса к светской литературе и искусству в Сирии и Ливане в середине XIX в. [8, р. 22].

О высокой популярности идей арабского национализма среди православных писал и сирийский историк А. Хаурани: «Образованные молодые люди, которые были настоящими лидерами движения, в целом поддерживали разделение политики и религии с подчеркиванием равенства всех конфессий внутри арабского сообщества. На этой основе они нашли много сторонников среди арабских христиан, особенно среди православных» [16, р. 30–31].

Развитие антиколониальных настроений в Сирии и Ливане в период французского мандата способствовало дальнейшему принятию идей арабского национализма. Особый вклад в разработку идеологических концепций арабского национализма и панарабизма внесли выходцы из православной общины Сирии и Ливана – Мишель Афляк [10] и Контантин Зурайк [11]. Оба из указанных идеологов арабского национализма значительную часть своих трудов посвятили роли религии, особенно ислама, в чаемом объединенном арабском государстве, правам национальных и религиозных меньшинств в арабском обществе, предпочтительной экономической модели развития арабского

государства, взаимоотношениям с Западом и западной культурой, проблеме упадка и цивилизационной отсталости арабских обществ.

Распространение арабского национализма во второй половине XX в. встретило сопротивление со стороны некоторых слоев сирийского и ливанского обществ, видевших свои страны в качестве исключительных на политической карте Ближнего Востока. Объединение в единое арабское государство также рассматривалось ими в качестве негативного варианта развития событий. По мнению противников арабского национализма, это вело к утрате собственной национальной и культурной идентичности и, что самое главное, суверенитета во внутренних и внешних делах. Подробный обзор идеологических концепций сирийского и ливанского национализмов содержится в работе «Взлет и падение христианского Ливана» исследователя Бассама Халифы [12]. Б. Халифа указывает на особую популярность идей сирийского национализма среди образованных выходцев из православной общины, видевших для себя возможность восстановления исторической справедливости и объединения со своими единоверцами в Сирии, с которыми они оказались разединены вследствие политики французской мандатной администрации [12, р. 79]. Напротив, как признает Б. Халифа, идеи ливанского национализма были распространены среди христиан-маронитов, которые рассматривали Ливан не как общество равноправных граждан, а как конгломерат изначально неравноправных религиозных общин, объединенных гегемонией маронитов [12, р. 97–108].

Одним из немногих сторонников ливанского национализма среди представителей православной общины был Шарль Малик, занимавший пост министра иностранных дел Ливана в период с 1956 по 1958 г. Ш. Малик оставил после себя многочисленные философские и политологические труды, в которых он размышлял об идеальном устройстве ливанского общества и месте Ливана в арабо-мусульманском мире, рассматривая его как уникальное в своем роде ближневосточное государство, которое не относится ни к Востоку, ни к Западу [13, р. 9].

Мнения ведущих православных политиков и философов касаясь культурной и национальной самоидентификации Ливана, относящих себя к разным общественно-политическим движениям, содержатся в работе ливанской исследовательницы Мэй Семан «Политическое мировоззрение греко-православных в Ливане» [14]. Особую ценность работе придает использование М. Семан метода интервьюирования при опросе видных православных политиков и философов середины XX в., среди которых уже упоминавшийся Ш. Малик, архиепископ Антиохийской православной церкви Жорж Ходр, занимавшие различные государственные посты Фуад Бутрос и Мишель Сассин, издатель газеты «Ан-Нахар» Гасан Туэйни. Резюмируя мнения, М. Семан характеризует православную общину как независимую единицу ливанского общества, относящую себя к арабо-мусульманскому миру и стремящуюся взаимодействовать с ним [14, р. 123].

Тем не менее связи православных Ливана с западно-христианской цивилизацией также остаются достаточно прочными из-за ориентации образовательной системы Ливана на западные стандарты, а также отсутствия, в отличие от маронитов и других конфессиональных общин Ливана, большого

количества специализированных православных учебных заведений, в связи с чем значительная часть ливанских школьников и студентов получали образование в католических и протестантских школах. Вместе с тем М. Семан приходит к выводу, что большинство членов православной общины имеют негативное восприятие исторического опыта взаимодействия с Западом, начиная от периода крестовых походов, заканчивая деятельностью католических и протестантских миссионеров в Ливане в середине XIX в. Православные считают себя неотделимой частью арабо-мусульманского мира, и любые попытки представить Ливан в качестве какого-либо отдельного от этого мира субъекта встречают их яростное сопротивление. Отсюда, продолжает М. Семан, следует активное участие православных христиан в арабском националистическом движении, центральной идеей которого было единство арабского мира вне зависимости от религиозной принадлежности и страновой принадлежности [14, р. 121–126]. Таким образом, идеологии партии Баас или ССНП являются не просто привлекательными для православных ввиду полноценного обоснования их принадлежности к арабо-мусульманскому миру, но и гипотетическим объединением со своими единоверцами в Сирии и Палестине, с которыми они были разъединены вследствие политики западных держав [14, р. 121–126].

Несколько иной взгляд на причины популярности идей арабского национализма среди православных Сирии и Ливана содержится в книге сирийского историка Роберта Хаддада «Сирийские христиане в исламском обществе» [15]. Так, Р. Хаддад отмечает роль католических и протестантских учебных заведений, а также деятельность западных миссионеров в восприятии православными идей национализма, этнической солидарности и конституционного устройства государства. Р. Хаддад пишет, что «именно Европа воспламенила сознание некоторых православных Сирии и подготовила их к уникальной роли, которую они в дальнейшем сыграли в арабском националистическом движении» [15, р. 89].

Роль и место православной общины во внутривнутриполитических процессах в Ливане

Распределение политических должностей в ливанской политике определялось Национальным пактом – неписанными договоренностями между представителями трех крупнейших конфессиональных общин Ливана, заключенными в 1943 г. Договор не только предусматривал установление конфессионально-политической системы в стране, где каждая министерская должность заранее закреплялась за представителем той или иной конфессиональной группы, но и определял роль и место Ливана в мире и его отношения с иностранными государствами. Крупнейшие по значимости и влиянию должности были распределены между тремя конфессиями – маронитами, суннитами и шиитами. Православным, согласно договоренностям, позволялось занимать должность вице-председателя совета депутатов, а также ряд второстепенных постов. В статье ливанского исследователя Фариды Аль-Хазина Национальный пакт характеризуется как конечный итог внутривнутриполитических процессов, происходивших в Ливане в период французского мандата [16, р. 3]. Национальный пакт стал символом системы политического

конфессионализма, которая с некоторыми изменениями существует в Ливане до сих пор.

С середины XX в. в среде православной общины начинает зарождаться мнение о необходимости «реформирования» общины путем повышения религиозного и этнического самосознания, что, по их мнению, является ключом к более консолидированному отстаиванию своих интересов. На рубеже 40–50 гг. XX в. в среде православной общины появляются ряд общественных движений, настроенных на реформирование как светских, так и религиозных институтов общины.

Большую роль в продвижении интересов православного сообщества сыграло Православное движение реформ, созданное в 1951 г. бейрутским адвокатом Хабибом Ребейсом, который также был главным редактором печатного издания «Аль-Харака». При этом о структуре движения, руководстве (за исключением Х. Ребейса), основных положениях доктрины (если она была) практически отсутствует какая-либо информация за исключением выдержек из нескольких статей «Аль-Харака» в уже упоминавшемся исследовании Т. Митри [6, р. 144].

Более подробная информация имеется о деятельности Движения православной молодежи, созданной в 1943 г. митрополитом Жоржем Ходром, который стал ее первым секретарем и одним из главных ее идеологов. Так, на страницах статьи ливанского исследователя Раймонда Ризка деятельность Движения характеризуется как имеющее просветительский, миссионерский, культурный, социальный характер [17]. Р. Ризк пишет о негативном отношении членов Движения и самого Ж. Ходра к сложившейся в Ливане системе политического конфессионализма и нежеланию участвовать в межконфессиональном противостоянии [17, р. 368–369].

Выдержки из документов Движения, включая его устав, можно найти в сборнике статей под редакцией митрополита Ж. Ходра [18]. Так, в статье Джебраила Сааде указывается, что деятельность движения не должна была сводиться к политической активности, а наоборот концентрироваться на совершенствовании религиозной практики и обучения [19, с. 7–25].

Аспекты участия православных в мирных инициативах в годы Гражданской войны раскрываются в диссертации Риты Бехази [20]. Она отмечает, что период Гражданской войны является характерным для православной общины с точки зрения попыток выступить как единая конфессионально-политическая единица, пытаясь при этом сыграть роль медиатора между противоборствующими группировками. В то же время Р. Бехази указывает, что, несмотря на несколько попыток выработать единую позицию по внутриливанскому противостоянию, они потерпели неудачу. Это объясняется тем, что православная община встретила гражданскую войну, будучи политически и идеологически разделенной и атомизированной. С одной стороны, часть православных, преимущественно представители экономической и политической элиты Ливана, выступали со смешанных позиций нейтралитета и готовности ситуативно поддержать «маронитский лагерь», при этом подчеркивая арабский характер Ливана и желание взаимодействовать с «мусульманским лагерем». С другой стороны, среди рядовых членов православной общины доминировали левые идеи и настроенность на взаимодействие с палестинскими группировками [20, р. 47–60].

Участие членов православной общины на стороне различных враждующих группировок в годы Гражданской войны нашли свое отражение в диссертационном исследовании Марвана Ровайхеба [21]. Автор отмечает, что в период Гражданской войны православные не создавали собственные вооруженные группировки, как это делали другие религиозные общины Ливана (марониты, шииты, сунниты, друзы) [21, р. 13]. Напротив, православные предпочитали присоединяться к другим враждующим группировкам, выражая таким образом поддержку различным политическим проектам будущего Ливана. Отмечено участие православных христиан в боевых действиях на стороне как левых панарабских и пропалестинских группировок, так и в рядах маронитских боевых отрядов.

Одной из немногочисленных работ, частично посвященных современному участию православной общины во внутривнутриполитических процессах в Ливане, является работа Максимилиана Фелша «Христианский политический активизм в Ливане» [22]. Значительное внимание в статье уделяется инициативе Православного собрания от 2011 г. по реформе избирательного права в стране в преддверии парламентских выборов в 2013 г. (которые так и не состоялись). Законопроект предполагал, что выборы в Ливане будут проходить по конфессиональным квотам, т.е. предусматривать возможность голосования исключительно за членов своей религиозной общины. М. Фелш пишет, что законопроект был разработан националистической прослойкой православной общины совместно с праворадикальными партиями маронитов и не только нарушал ливанское законодательство, но и отвергал представление о Ливане как об «общем доме» для всех конфессий. Впоследствии законопроект «Православного собрания» был отвергнут большинством немаронитских партий из-за опасений, что он может пошатнуть межконфессиональное единство ливанского общества [22, р. 33].

Взаимодействие Антиохийской церкви и православной общины Ливана

Антиохийская православная церковь начиная с 1899 г. после победы в арабо-греческом противостоянии за антиохийский престол и избрания первого арабского патриарха Мелетия Думани неизменно выступала с панарабских позиций. О важности данного события пишут в том числе современные российские востоковеды: Е. М. Копоть и М. И. Якушев.

В статье «К вопросу об интерпретации греко-арабского противостояния и влияния России в Антиохийском патриархате во второй половине XIX в. (по материалам АВПРИ)» М. Е. Копоть отмечает негативные моменты нахождения Антиохийской православной церкви под властью Константинопольского патриархата в годы Османской империи, что выражалось в доминировании патриархов-греков на антиохийском престоле [23]. М. Е. Копоть пишет, что Антиохийская православная церковь к середине XIX в. стала представлять из себя «периферийный “филиал” монастыря Святого Гроба Господня в Иерусалиме (Святого братства) – замкнутой греческой монашеской корпорации, из среды которой ставились Патриархи на соседний патриарший престол» [23, с. 32]. Указанное, в свою очередь, стало одной из причин формирования предпосылок к избранию арабского патриарха, к числу которых

Е. М. Копоть относит в том числе численность и влияние арабской паствы в сиро-ливанском регионе [23, с. 37].

О роли Российской империи и ее поддержки избранию Мелетия на антиохийский престол пишет современный российский востоковед М. И. Якушев [24]. Одной из причин поддержки Россией избрания арабского патриарха стал вопрос дальнейшего функционирования русских школ на территории Сирии и Ливана. М. И. Якушев отмечает, что арабы в случае своей победы обещали не препятствовать созданию русских школ по линии ИППО на территории Антиохийского патриархата [24, с. 101].

О причинах поддержки Россией Мелетия в борьбе за антиохийский престол упоминает британский востоковед Дерек Хопвуд [25]. В своей работе «Русское присутствие в Сирии и Палестине» Д. Хопвуд отмечает, что Мелетий приветствовал расширение сети «московских» школ в сиро-ливанском регионе [25, р. 170].

Работа Д. Хопвуда является одной из немногих попыток западноевропейских исследователей проанализировать степень влияния Российской империи в сиро-ливанском регионе. Значительную часть работы Д. Хопвуд посвящает борьбе между Россией и Англией в регионе, а также арабо-греческому противостоянию за антиохийский престол. При этом автор ориентируется исключительно на арабские и западные (преимущественно английские и греческие) источники.

Фундаментальной работой по истории Антиохийской церкви выступает исследование сирийского историка Асада Рустума ««Церковь Божьего Града Великой Антиохии»» [26]. В своей работе А. Рустум описывает двухтысячелетнюю историю Антиохийской церкви, делая акцент на взаимоотношениях Антиохийского патриархата с властями Османской империи и отношениях с Константинопольским и Иерусалимским патриархатами.

Мнение Антиохийской церкви по вопросам той позиции, которой должна придерживаться православная община в межконфессиональном противостоянии в условиях Гражданской войны в Ливане, содержится в работе Патриарха Антиохийской церкви Игнатия IV [27]. В своей работе «Ливанский вопрос: судьба христианства» Игнатий IV пишет, что православная община не сражалась ни на чьей стороне, однако были одной из общин, понесших ущерб от этой войны, не принимая в ней участия [27, с. 23]. Тем не менее ограниченное участие православных в боевых действиях вовсе не означало отсутствие симпатий к одной из сторон.

Позицию Антиохийской православной церкви по отношению к конфликту можно охарактеризовать как проарабскую и пропалестинскую. Арабскость Антиохийской церкви объясняется не только фактом того, что большинство ее паствы представляют собой арабов, но и укорененностью восточно-христианского присутствия внутри арабского общества. Игнатий IV писал, что с точки зрения Церкви Бог с палестинцами, а Бог есть сама справедливость, соответственно, и Церковь должна быть с палестинским народом [18, с. 38].

Заключение

Представленный историографический обзор православной общины Ливана не охватывает абсолютно все работы и исследования на заданную

тематику. Тем не менее, даже исходя из наличия доступных для изучения материалов, можно констатировать незначительное количество работ, посвященных православной общине Ливана. Наименее изученным остается период середины XX – начала XXI в., а именно вопросы реальной вовлеченности православных христиан в левые и правые идеологические движения середины XX в., причины возникновения и развития в середине XX в. православных общественно-религиозных организаций и их роли во внутренней политике Ливана, роли православной бизнес-элиты в продвижении собственных интересов в высших политических кругах, истинные причины отрешенности православных от участия во внутривосточных процессах в Ливане, в то время как их численный, финансовый и идеологический потенциал не только позволял, но и настойчиво требовал более активной вовлеченности в ливанскую политику с целью занятия достойного места в рамках системы политического конфессионализма.

Список литературы

1. Valognes J.-P. Vie et mort des chrétiens D'Orient. Les Chrétiens du Liban. Paris : Librairie Arthème Fayard, 1994. 972 p.
2. Davie M. Atlas historique des orthodoxes de Beyrouth et du Mont Liban, 1800–1940. Tripoli : Université de Balamand, 1999. 158 p.
3. Davie M. Civil Consciousness of the Orthodox of the Antiochian Patriarchate // History of Antiochian Orthodox Church: what Specificity? Al-Balamand, 1999. 78 p.
4. Сарабьев А. В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М. : ИВ РАН, 2012. 324 с.
5. Husseini S. La redistribution territoriale des Chrétiens au Liban // Les Cahiers de L'Orient. 1994. Vol. 32/33. P. 145–174.
6. Mitri T. Conscience de soi de rapport à autrui chez les orthodoxes au Liban : PHD Thésis. Paris : Université Paris – Nanterre, 1985. 499 p.
7. Antonius G. The Arab Awakening. Philadelphia : J. B. Lippincott Company, 1939. 492 p.
8. Kramer M. Arab Awakening and Islamic Revival: The Politics of Ideas in the Middle East. New Jersey : Transaction Publishers, 2008. 297 p.
9. Hourani A. Minorities in the Arab World. London : Oxford University Press, 1947. 118 p.
10. Aflaq M. On the Way of Resurrection. Beirut : Dar al-Taliea, 1946. 318 p.
11. Zureiq K. Battle for Civilization. Beirut : Dar al-'Ilm al-malai'in, 1964. 426 p.
12. Khalifah B. The Rise and Fall of Christian Lebanon. London : York Press LTD, 2001. 205 p.
13. Malik C. The Near East: The Search for Truth. Beirut : Charles Malik Institute, 1952. 32 p.
14. Semaan M. La perception politique des grecs-orthodoxes au Liban : PHD Thésis. Beyrouth : Centre d'Études Orthodoxes d'Antioche, 1983. 223 p.
15. Haddad R. Syrian Christians in Muslim society: an Interpretation. New Jersey : Princeton University Press, 1970. 132 p.
16. El-Khazen F. The Communal Pact of National Identities. London : Center for Lebanese Studies, 1991. 68 p.
17. Rizk R. Le Mouvement de la Jeunesse Orthodoxe du Patriarcat d'Antioche // Centre d'études Istina. 2011. Vol. 6. P. 359–378.
18. Commitment to earthly affairs / ed. by G. Khodr // Renewal of Antiochian Orthodox Church: Documents and Texts. Beirut : Manshurat an-Nur, 1990. 294–297 p.
19. Saadeh D. Brief History of the Creation of the Orthodox Youth Movement / ed. by G. Khodr // Renewal of Antiochian Orthodox Church: Documents and Texts. Beirut : Manshurat an-Nur, 1990. 7–25 p.

20. Bekhazi R. *Unité et différenciation de la décision politique chrétienne: cas de la communauté grecque orthodoxe (1943–1989) : Master Thésis.* Beyrouth : Université Saint Joseph, 1989. 96 p.
21. Rowayheb M. *Ethnic Mobilization, Political Power and Resources: The Case of the Greek Orthodox of Lebanon during the Civil War (1975–1988) : PHD Thesis.* London : University of London, 2001. 371 p.
22. Felch M. *Christian Political Activism in Lebanon: A Revival of Religious Nationalism in Times of Arab Upheavals // Studies in Ethnicity and Nationalism.* 2018. Vol. 18, № 1. P. 19–37.
23. Копоть Е. М. К вопросу об интерпретации греко-арабского противостояния и влияния России в Антиохийском патриархате во второй половине XIX века (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2011. № 3. С. 31–38.
24. Якушев М. И. Первый патриарх-араб на антиохийском престоле // Восточный архив. 2006. № 14-15. С. 99–106.
25. Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914.* Oxford : Clarendon Press, 1969. 231 p.
26. Рустум А. Кяниса мадинати Аллах Антакийя аль-узма: аль-джуз'у ас-салис (Град церкви Божией великой Антиохии: часть третья). Йорк : Хиндави, 2021. 410 p.
27. Хазим Х. Фи аль-мас'аляти аль-любнанийяти: аль-масыр аль-масихи (Ливанский вопрос: судьба христианства). Бейрут : Маркяз ад-дирасат аль-урсузулк аль-антаки, 1989. С. 96.

References

1. Valognes J.-P. *Vie et mort des chrétiens D'Orient. Les Chrétiens du Liban.* Paris: Librairie Arthème Fayard, 1994:972.
2. Davie M. *Atlas historique des orthodoxes de Beyrouth et du Mont Liban, 1800–1940.* Tripoli: Université de Balamand, 1999:158.
3. Davie M. *Civil Consciousness of the Orthodox of the Antiochian Patriarchate. History of Antiochian Orthodox Church: what Specificity?* Al-Balamand, 1999:78.
4. Sarab'ev A.V. *Doma, za rubezhom. Migratsii khristian Sirii i Livana (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) = At Home, Abroad. Migrations of Christians in Syria and Lebanon (second half of the 19th – the first half of the 20th century).* Moscow: IV RAN, 2012:324. (In Russ.)
5. Husseini S. *La redistribution territoriale des Chrétiens au Liban. Les Cahiers de L'Orient.* 1994;32/33:145–174.
6. Mitri T. *Conscience de soi de rapport à autrui chez les orthodoxes au Liban: PHD Thésis.* Paris: Université Paris – Nanterre, 1985:499.
7. Antonius G. *The Arab Awakening.* Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1939:492.
8. Kramer M. *Arab Awakening and Islamic Revival: The Politics of Ideas in the Middle East.* New Jersey: Transaction Publishers, 2008:297.
9. Hourani A. *Minorities in the Arab World.* London: Oxford University Press, 1947:118.
10. Aflaq M. *On the Way of Resurrection.* Beirut: Dar al-Taliea, 1946:318.
11. Zureiq K. *Battle for Civilization.* Beirut: Dar al-'Ilm al-malai'in, 1964:426.
12. Khalifah B. *The Rise and Fall of Christian Lebanon.* London: York Press LTD, 2001:205.
13. Malik C. *The Near East: The Search for Truth.* Beirut: Charles Malik Institute, 1952:32.
14. Semaan M. *La perception politique des grecs-orthodoxes au Liban: PHD Thésis.* Beyrouth: Centre d'Études Orthodoxes d'Antioche, 1983:223.
15. Haddad R. *Syrian Christians in Muslim society: an Interpretation.* New Jersey: Princeton University Press, 1970:132.

16. El-Khazen F. *The Communal Pact of National Identities*. London: Center for Lebanese Studies, 1991:68.
17. Rizk R. Le Mouvement de la Jeunesse Orthodoxe du Patriarcat d'Antioche. *Centre d'études Istina*. 2011;6:359–378.
18. Khodr G. ed. Commitment to earthly affairs. *Renewal of Antiochian Orthodox Church: Documents and Texts*. Beirut: Manshurat an-Nur, 1990:294–297.
19. Saadeh D. Brief History of the Creation of the Orthodox Youth Movement. *Renewal of Antiochian Orthodox Church: Documents and Texts*. Beirut: Manshurat an-Nur, 1990:7–25.
20. Bekhazi R. *Unité et différenciation de la décision politique chrétienne: cas de la communauté grecque orthodoxe (1943–1989): Master Thésis*. Beyrouth: Université Saint Joseph, 1989:96.
21. Rowayheb M. *Ethnic Mobilization, Political Power and Resources: The Case of the Greek Orthodox of Lebanon during the Civil War (1975–1988): PHD Thesis*. London: University of London, 2001:371.
22. Felch M. Christian Political Activism in Lebanon: A Revival of Religious Nationalism in Times of Arab Upheavals. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2018;18(1):19–37.
23. Kopot' E.M. On the Interpretation of the Greco-Arab Confrontation and Russia's influence in the Antiochian patriarchate in the second half of the 20th century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie = Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2011;(3):31–38. (In Russ.)
24. Yakushev M.I. The first Arab patriarch on the throne of Antioch. *Vostochnyy arkhiv = Eastern Archives*. 2006;(14-15):99–106. (In Russ.)
25. Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914*. Oxford: Clarendon Press, 1969:231.
26. Rustum A. *Kyanisa madinati Allakh Antakiyya al'-uzma: al'-dzhuz'u as-salis (Grad tserkvi Bozhiey velikoy Antiokhii: chast' tret'ya) = Kyanisa madinati Allakh Antakiyya al'-uzma: al'-dzhuz'u as-salis (The City of the Church of God the Great Antioch: The 3rd part)*. York: Khindavi, 2021:410.
27. Khazim Kh. *Fi al'-mas'alyati al'-lyubnaniyyati: al'-masyr al'-masikhi (Livanskiy vopros: sud'ba khristianstva) = Fi al'-mas'alyati al'-lyubnaniyyati: al'-masyr al'-masikhi (The Lebanese Question: The Fate of Christianity)*. Beirut: Markyaz ad-dirasat al'-ursuzuks al'-antaki, 1989:96.

Информация об авторах / Information about the authors

Руслан Викторович Захаров

лаборант-исследователь,
Институт востоковедения
Российской академии наук
(Россия, г. Москва,
ул. Рождественская, 12/1)

E-mail: 2508ruslan@gmail.com

Ruslan V. Zakharov

Laboratory researcher, Institute
of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences
(12/1 Rozhdestvenskaya street,
Moscow, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.04.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.05.2024

Принята к публикации / Accepted 24.05.2024

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 947.072.5

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-12

Пензенский и саранский полицмейстер Иван Васильевич Кравков: материалы к биографии и атрибуция портрета

С. В. Белоусов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sergbel_1812@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* На формирование региональной идентичности оказывает огромное влияние процесс становления и эволюции различных органов государственной власти и местного управления. Особенно ярко это проявлялось в судьбоносные для страны периоды. Немаловажную роль при этом играл субъективный фактор, т.е. те представители власти, которые определяли основные векторы развития каждого конкретного региона и тем самым влияли на процессы территориальной интеграции. В этой связи обращение к биографиям провинциальных чиновников представляется весьма актуальным. Целью данной работы является рассмотрение деятельности пензенского и саранского полицмейстера Ивана Васильевича Кравкова и атрибуция его портрета. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования диалектического метода познания исторических процессов, включающего в себя принципы историзма, объективности и системности, что помогло комплексно охарактеризовать различные источники и провести их сопоставление и анализ. *Результаты.* Комплекс источников позволил провести атрибуцию портрета пензенского и саранского полицмейстера И. В. Кравкова, а также выявить основные вехи его биографии и представить основные направления его деятельности в эпоху Отечественной войны 1812 г. *Выводы.* Выявление и атрибуция портретов первой половины XIX в. является одним из важных направлений в изучении эпохи Отечественной войны 1812 г. Следует заметить, что исследователей, обращающихся к этой теме, прежде всего интересуют портретные изображения офицеров и генералов русской армии, непосредственно участвовавших в боевых действиях с армией Наполеона. Изучение же портретов представителей различных сословий провинциального общества, в том числе чиновников губернских и уездных администраций, в контексте обращения к теме войны 1812 г. отходит на второй план. В этой связи несомненный интерес представляет миниатюрный портрет пензенского (1812–1814) и саранского (1814–1826) полицмейстера Ивана Васильевича Кравкова, находящийся в частной коллекции. В Государственном архиве Пензенской области обнаружено более 20 рапортов И. В. Кравкова, датированных июнем 1813 – февралем 1814 г., в которых затрагиваются различные аспекты

© Белоусов С. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

его деятельности на посту пензенского полицмейстера. Все рапорты имеют автографы И. В. Кравкова. О пензенском полицмейстере в своих мемуарах упоминал обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах. Миниатюрный портрет пензенского полицмейстера И. В. Кравкова, безусловно, дополняет галерею имеющих образов представителей провинциального общества Пензенской губернии эпохи Отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Пензенская губерния, Пенза, Саранск, полицмейстер

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-20015 «Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности», <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

Благодарность: автор выражает благодарность С. А. Попову, Е. М. Букреевой и Э. Умбрашко за помощь в атрибуции портрета И. В. Кравкова и особенно А. М. Олферьеву.

Для цитирования: Белоусов С. В. Пензенский и саранский полицмейстер Иван Васильевич Кравков: материалы к биографии и атрибуция портрета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 140–151. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-12

Penza and Saransk police chief Ivan Vasilyevich Kravkov: materials for biography and portrait attribution

S.V. Belousov

Penza State University, Penza, Russia

sergbel_1812@mail.ru

Abstract. *Background.* The formation of regional identity is greatly influenced by the process of formation and evolution of various public authorities and local government. This was especially evident during crucial periods for the country. An important role was played by the subjective factor, i.e. those representatives of the authorities who determined the main vectors of development of each particular region and thereby influenced the processes of territorial integration. In this regard, the appeal to the biographies of provincial officials seems to be very relevant. The purpose of this work is to examine the activities of Penza and Saransk police chief I.V. Kravkov and the attribution of his portrait. *Materials and methods.* The research tasks were achieved through the dialectical method of historical processes studying, including the principles of historicism, objectivity and systematicity. It helped to characterize the variety of sources, compare and analyze them in complex. *Results.* The complex of sources allowed attribution of the portrait of Penza and Saransk police chief I.V. Kravkov, as well as to identify the main milestones of his biography and present the main directions of his activities during the Patriotic War of 1812. *Conclusions.* Identification and attribution of portraits of the first half of the XIX century is one of the important directions in the study of the era of the Patriotic War of 1812. It should be noted that researchers who turn to this topic are primarily interested in portrait images of officers and generals of the Russian army who directly participated in the fighting with Napoleon's army. The study of portraits of representatives of various estates of provincial society, including officials of provincial and county administrations, in the context of addressing the topic of the “war of 1812”, fades into the background. In this regard, a miniature portrait of Penza (1812–1814) and Saransk (1814–1826) police chief Ivan Vasilyevich Kravkov, which is in a private collection, is of undoubted interest. In the State Archive of the Penza

Region, more than 20 reports of I.V. Kravkov, dated June 1813 – February 1814, were found, in which various aspects of his activities as Penza police chief are touched upon. All reports have I.V. Kravkov's autographs. The Penza police chief was mentioned in his memoirs by the lieutenant-general of the Bavarian 5th Line Regiment F. von Furtenbach. The miniature portrait of the Penza police chief I.V. Kravkov certainly complements the gallery of available images of representatives of the provincial society of the Penza province of the Patriotic War of 1812.

Keywords: Patriotic War of 1812, Penza province, Penza, Saransk, police chief

Financing: the research was financed by the RSF within the scientific project No. 22-18-20015 “The power and society of Penza Region in the 13th – the 21st centuries: historical aspects of territorial integration and the formation of regional identity”, <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>

Acknowledgements: the author extends gratitude to S.A. Popov, E.M. Bukreeva and E. Umbrashko for their help in attributing the portrait of I.V. Kravkov and especially to A.M. Olferyev.

For citation: Belousov S.V. Penza and Saransk police chief Ivan Vasilyevich Kravkov: materials for biography and portrait attribution. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):140–151. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-12

Выявление и атрибуция портретов первой половины XIX в. является одним из важных направлений в изучении эпохи Отечественной войны 1812 г. Вместе с тем следует заметить, что исследователей, обращающихся к этой теме, прежде всего интересуют портретные изображения офицеров и генералов русской армии, непосредственно участвовавших в боевых действиях с армией Наполеона [1–5]. Изучение же портретов представителей различных сословий провинциального общества, в том числе и чиновников губернских и уездных администраций, в контексте обращения к теме войны 1812 г. отходит на второй план. Хотя этот аспект исследовательской практики не менее интересен, так как на примере обращения к деятельности конкретных персоналий есть возможность представить взаимодействие власти и общества, а также процесс формирования региональной идентичности на примере различных губерний в одну из самых героических эпох российской истории.

В этой связи несомненный интерес представляет миниатюрный портрет пензенского полицмейстера Ивана Васильевича Кравкова, находящийся в частной коллекции (рис. 1). Сведений об изображенном на миниатюре немного. Иван Васильевич Кравков родился около 1774 г. в семье мелкопоместных дворян Пензенской губернии. На 1817 г. за ним значилось небольшое имение в с. Кологriровка Мокшанского уезда и числилось 30 душ крепостных крестьян мужского пола. 11 марта 1792 г. И. В. Кравков поступил на военную службу и был зачислен унтер-офицером в л.-гв. Семеновский полк. В октябре 1794 г. он был переведен прапорщиком во вновь формируемый 6-й Московский полевой батальон, который в 1796 г. вошел в состав Московского гарнизонного (с января 1797 по июнь 1800 г. – генерала от инфантерии Архарова 2-го, с июня 1800 по июль 1801 г. – генерал-майора Рейхенберга) полка. В декабре 1797 г. И. В. Кравков был произведен в подпоручики, а в ноябре 1798 – в поручики. В октябре 1800 г. он был отставлен от военной службы штабс-капитаном с правом ношения мундира. С 1802 по 1811 г. дворянством Мокшанского уезда И. В. Кравков избирался мокшанским земским

исправником. В январе 1811 г. он становится дворянским заседателем Пензенского совестного суда. В июне 1811 г. за многолетнюю беспорочную службу И. В. Кравков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. «По нахождении ж в совестном суде присутствовал и в приказе общественного призрения, имея на отчете своем все онаго приказа денежные суммы и надзор за смирительным и рабочим домами», – отмечено в его послужном списке. 15 мая 1811 г. он был командирован в г. Наровчат для приведения в порядок «запущения» в производстве дел по уездному и земскому судам. 20 июня 1811 г. И. В. Кравков был послан в Наровчатский уезд вместе с надворным советником Мейером, присланным из штата Санкт-Петербургской полиции для производства следствия по доносу удельного крестьянина Савина Поликарпова. 17 октября 1811 г. он был направлен в Мокшанский и Керенский уезды «для взыскания казенных доимок» [6, л. 270–271].

Рис. 1. Портрет пензенского полицмейстера Ивана Васильевича Кравкова. Неизвестный художник. Не ранее 1811 г. 4,5 × 3,5 см (восьмиугольник). Из частной коллекции

13 апреля 1812 г. И. В. Кравков был определен полицмейстером в Пензу [7, л. 31–31 об.]. В отечественной исторической науке, несмотря на определенный интерес к характеристике российского чиновничества первой половины XIX в. [8, 9], практически нет работ, поднимающих тему городничих и полицмейстеров в социально-историческом, а тем более иконографическом контексте [10–12].

О деятельности И. В. Кравкова в качестве пензенского полицмейстера в эпоху Отечественной войны 1812 г. известно немного [13, с. 60, 118, 165, 193, 206, 213, 215–216, 225–226, 235, 237]. Но мы можем реконструировать ее на основе тех функциональных обязанностей, которые он должен был выполнять, находясь на этом посту. Должностные полномочия городничих и полицмейстеров были связаны с обеспечением безопасности в городе, производством суда по незначительным полицейским проступкам, выполнением различных обязанностей по военному ведомству, благоустройством и противопожарными мероприятиями, организацией противоэпидемических мер.

Так, в Государственном архиве Пензенской области удалось обнаружить целый ряд циркулярных предписаний пензенского губернатора князя Г. С. Голицына, адресованных земским судам, городничим и полицмейстерам, которые свидетельствуют об основных направлениях деятельности последних. Одним из направлений деятельности полицмейстера было обеспечение порядка в городе, в том числе при проведении рекрутских наборов и сбора ополчения, а также размещение собранных рекрутов и ратников по обывательским квартирам. В этой связи можно отметить циркулярное предписание князя Г. С. Голицына пензенскому и саранскому полицмейстерам, всем городничим и земским судам от 16 мая 1812 г. о розыске рекрута Данилы Ширяева, принятого по 81-му набору из мещан Нижнего Ломова, бежавшего 27 апреля и «по поискам его в городе Пензе не найденного». Губернатор распорядился оповестить всех об этом побеге рекрута: «...буде где окажется, то, взяв его под стражу, и отослать в Пензенский гарнизонный батальон» [14, л. 352–352 об.]. 26 сентября 1812 г. губернатор сообщил Пензенской градской полиции о том, что до сведения начальника ополчения III округа генерал-лейтенанта графа П. А. Толстого дошло, что «некоторые люди распространяют нелепые слухи, единственно основанные на их легковерии и неосновательности, но не менее вред наносящие». Поэтому он в своем отношении пензенскому губернатору потребовал учинить предписание городничим и земским полициям, «чтобы оные всех тех, которые подобные слухи в городах или селениях, публично или тайно распускают», брали и представляли к губернатору «для обстоятельного расспроса сих разносителей ложных известий, на чем они основывают свои вести, и взяты подписки в сказанном ими, от кого до них дошло; и так добираться до источника вести. Судя же по важности развеваемых таковых нелепостей, издателей оных задержать и взятые с них подписки с обследованием» представлять министру полиции и сообщать графу П. А. Толстому [15, л. 301–301 об.; 16, л. 629–629 об.]. 28 октября 1812 г. пензенский полицмейстер И. В. Кравков предложил квартирной комиссии отвести квартиры командиру конного полка Пензенского ополчения полковнику Л. А. Безобразову, эскадронным командирам, 5 полковым офицерам, 12 урядникам, писарям и 670 ратникам, а также «для 670-ти лошадей дворы с конюшнями и сараями». Квартирная комиссия отметила, что квартиры для офицеров и ратников, а также конюшни и сараи для лошадей уже заняты еще месяц назад без назначения комиссии и без билетов. Поэтому и необходимо квартирмистрам комиссии Кузнецову и Хахулину проверить, где, у кого именно и по сколько человек квартирует, и об этом донести [7, л. 83–83 об.].

В обязанности полицмейстера входило и обеспечение добровольных пожертвований на военные и иные нужды. Так, 9 августа князь Г. С. Голицын предписал пензенскому и саранскому полицмейстерам, городничим и земским судам «по теперешнему военному времени, когда все сословия и все состояния вообще стремятся на защиту Отечества противу неприятеля всеми возможными способами, конечно, каждый верноподданный сын Отечества в особенности, быв движим чувствами неограниченной к оному приверженности, почтет священнейшим долгом принять благородное участие в жертвованиях на великое дело сие, и те, ознаменовав себя не только в настоящее время, но и в последующих веках показать истинный пример патриотизма».

Губернатор предложил им ныне же открыть в городах подписку для всех на пожертвования, «какие от кого будут изъявлены и представлены для военного употребления; и коль скоро таковая подписка кончится, доставить оную... вместе с деньгами для дальнейшей отсылки куда повелено будет правительством. Если же какие представляемы будут вещи, оные принимая и записывая также, как и деньги в особую книгу, которую завести за шнуром и печатью хранить в цейхгаузе до нового предписания». Он также отметил, что «о всех именах тех, кто чем пожертвует, имеет быть возведено в публичных ведомостях обеих столиц», а указанные лица получают признательность со стороны начальства [15, л. 157–158].

Пензенский полицмейстер должен был осуществлять надзор за всеми иностранцами, находящимися в губернском центре. 22 июля 1812 г. в Пензе было получено предписание Главного командующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова от 5 июля о разборе иностранцев, который предполагалось учинить незамедлительно, а списки необходимо было прислать в Министерство полиции. Князю Г. С. Голицыну предписывалось иметь за ними бдительнейший надзор. Получив циркуляр, пензенский губернатор отдал распоряжения полицмейстерам, уездным земским исправникам и городничим о доставлении сведений обо всех находившихся в Пензенской губернии иностранцах [17, л. 1–1 об., 6–6 об.; 18]. 13 августа 1812 г. князь Г. С. Голицын разослал циркулярные предписания о «бдительнейшем» надзоре за ними. «А если же паче чаяния будет... что в их поведении что-либо противное... в таком случае тотчас мне доносить без наималейшего упущения», – писал губернатор [17, л. 132–132 об.].

На основании Высочайшего повеления и циркулярного предписания С. К. Вязмитинова в июле – сентябре 1812 г. в Пензенскую губернию под надзор полиции было выслано несколько иностранцев: граф Иосиф Валуевский и графиня Рыцевская, французский офицер Радюльф, К. де Майор (Магьер) [19, с. 654–655; 20, л. 4; 21, л. 2]. От правительства иностранцы, сосланные в Пензу, не имели никакого содержания. Надзор за ними всецело ложился на пензенского полицмейстера.

Одна из задач, которая ставилась перед И. В. Кравковым в эпоху Отечественной войны 1812 г., заключалась в препровождении, размещении и надзоре за военнопленными армии Наполеона. Осенью 1812 г. Пенза являлась важным центром Поволжья, через который пленные армии Наполеона проходили к месту, предназначенному им для постоянного пребывания. В настоящее время известно об 11 партиях военнопленных, проследовавших в Саратов через Пензу осенью – зимой 1812 г. Но, безусловно, их количество было большим. Еще 2 партии прошли через губернский центр, направляясь из Тамбова в Симбирск. До остановки движения военнопленных в начале 1813 г. через Пензенскую губернию в различных партиях в общей сложности прошли 1 генерал (барон Корсен), 62 штаб- и обер-офицера и 2368 «нижних чинов» [22]. Кроме того, с июня 1813 по январь 1814 г. в Пензенскую губернию прибыло уже на жительство шесть конвоев военнопленных общей численностью 648 человек. Причем в самом губернском центре постоянно оставалось 111 солдат и офицеров армии Наполеона.

В Государственном архиве Пензенской области обнаружено более 20 рапортов пензенского полицмейстера И. В. Кравкова, датированных июнем

1813 – февралем 1814 г., в которых затрагиваются различные аспекты пребывания военнопленных на территории Пензенской губернии. Это вопросы их размещения и препровождения, денежного довольствия и приобретение для военнопленных одежды и обуви, вопросы полицейского надзора [23, л. 13–13 об., 38, 45, 58, 90, 103, 111, 119, 120, 122, 127, 128, 136, 145–145 об.; 24, л. 29–29 об.; 25, л. 52; 26, л. 19, 62–62 об., 91, 93; 27, л. 20–21]. Все рапорты имеют автографы И. В. Кравкова. О пензенском полицмейстере в своих мемуарах упоминал обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах, который называл Кравкова «милым и приятным человеком», благодаря «любезности» которого он был распределен в уездный город Краснослободск вместе со своими друзьями капитаном вестфальского гвардейского полка шеволежер-пикинеров Л. Ландсбергом и капитаном вестфальского 7-го линейного полка Ф. Гофманом [28, с. 13].

1 июня 1814 г. Пензенское губернское правление слушало предложение губернатора князя Г. С. Голицына об увольнении от должности по собственному желанию саранского полицмейстера надворного советника И. Я. Евсюкова, о переводе на его место пензенского полицмейстера штабс-капитана И. В. Кравкова, а на место последнего – отставного майора А. А. Халкиопова [29, л. 23–23 об.].

В октябре 1815 г. И. В. Кравков получил вещи и деньги (50 руб. ассигнациями, 2 маленькие иконы без оклада и 2 мужские портрета), оставшиеся после смерти его родного брата, майора Колыванского пехотного полка П. В. Кравкова и хранившиеся в Пензенском губернском правлении [30, л. 294–294 об.]. Петр Васильевич Кравков являлся участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Известно, что, являясь командиром батальона Колыванского пехотного полка, в чине майора он участвовал в сражении на р. Березине. В 1814 г. он был убит в сражении, очевидно, при Бриен-ле-Шато [31, с. 88].

По сведениям, содержащимся в послужном списке И. В. Кравкова, в 1817 г. он был женат, имел сына Дмитрия (12 лет), дочерей Наталью (16 лет), Варвару (6 лет) и Анну (3 лет) [6, л. 270–271].

На основании месяцесловов и адрес-календарей за 1815–1829 гг., где публиковалось штатное расписание губерний, в котором отражалось в том числе и замещение должностей полицмейстеров и городничих по губернским и уездным городам, выявлено, что И. В. Кравков занимал должность саранского полицмейстера вплоть до конца 1826 г. К этому времени кроме ордена Св. Владимира 4-й степени он был награжден еще и орденом Св. Анны 3-й степени. Причем на 9 октября 1825 г. он значится титулярным советником. 28 февраля 1827 г. исполняющим должность саранского полицмейстера уже являлся бывший чембарский городничий штабс-ротмистр Л. О. Лазовский [32, с. 376; 33, с. 257; 34, с. 270]. Можно предположить, что в декабре 1826 – феврале 1827 г. И. В. Кравков оставил этот пост либо по причине смерти, либо по собственному желанию. Этот вопрос еще до конца не выяснен.

Миниатюрный портрет И. В. Кравкова написан на картоне и имеет размеры 45 × 35 мм. На портрете изображен молодой мужчина с кудрявыми волосами и баками в трехчетвертном повороте вправо на нейтральном, серо-оливковом фоне с просветом. На обороте прослеживается надпись, написанная черными чернилами: «Мой дед Иван Васильевич Крафков. Мундир л.-г.

Семенов[ского] пол[ка]». Без всякого сомнения, надпись сделана намного позже написания портрета.

Заслуживает внимания тот факт, что мундир, в котором изображен И. В. Кравков, его внуком (или внучкой) интерпретирован неверно, хотя и подтверждает службу последнего в л.-гв. Семеновском полку. На миниатюре И. В. Кравков изображен в мундире со стоячим воротником с двумя рядами пуговиц без эполет, что свидетельствует о том, что он находится в отставке. И. В. Кравков был уволен из Московского гарнизонного полка в 1800 г. с правом ношения мундира. В это время полку полагался темно-зеленый мундир с желтыми пуговицами, красной подкладкой и бирюзовыми отложным воротником, лацканами и обшлагами. Следовательно, после отставки И. В. Кравков и должен был носить тот мундир, в котором закончил службу, т.е. мундир павловской эпохи, но без эполет или погон. При Александре I к покрою мундиров относились своеобразно. Он следовал веяниям моды. Вот и представленный на миниатюре мундир шит по покрою примерно 1811–1814 гг., со стоячим воротником, но по бывшим цветам Московского гарнизонного полка. Правда, понять это, пожалуй, мог бы только сам владелец.

Таким образом, миниатюрный портрет пензенского полицмейстера И. В. Кравкова, безусловно, дополняет галерею имеющих образы представителей провинциального общества Пензенской губернии эпохи Отечественной войны 1812 г., включающую, в частности, портреты пензенского губернатора князя Г. С. Голицына и его супруги, вице-губернатора А. М. Евреинова с семьей, епископа Пензенского и Саратовского Афанасия (Корчанова), Ф. Ф. Вигеля, пензенского дворянина И. В. Сабурова, родной бабушки М. Ю. Лермонтова, чембарской помещицы Е. А. Арсеньевой и пензенского купца П. В. Казицына.

Список литературы

1. Анфилов В. Е. Военный портрет в миниатюре из собрания Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). М. : Полиграф сервис, 2006. С. 120–128.
2. Белоусов С. В., Букреева Е. М. Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский // Бородино в истории и культуре : материалы Междунар. науч. конф. (Бородино, 7–10 сентября 2009 г.). Можайск : Государственный Бородинский военно-исторический заповедник, 2010. С. 116–134.
3. Букреева Е. М., Умбрашко Э. Портрет обер-офицера артиллерии Степана Нотары // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXIV Междунар. науч. конф. (Бородино, 7–9 сентября 2020 г.). М. : Государственный Бородинский военно-исторический заповедник, 2021. С. 315–318.
4. Букреева Е. М., Умбрашко Э. Портрет и образ графа Ридигера // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. XVIII : сб. материалов. М. : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2021. С. 92–98.
5. Шавенков П. В. Портреты неизвестных участников Отечественной войны 1812 г. в нижегородских музеях: историко-предметная атрибуция // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография : сб. материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 г. М., 2008. Т. VII. С. 227–236. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 179).
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 516.

7. ГАПО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 1.
8. Иванов В. А. Отставные военные в системе гражданских учреждений провинциальной России середины XIX в. (на материалах Калужской губернии) // Вестник Калужского университета. 2011. № 2. С. 45–52.
9. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.
10. Белоусов С. В. Городничие уездных городов Пензенской губернии – участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4 (48). С. 7–24.
11. Бирюкова А. Б. Полицмейстеры и городничие Поволжья – участники Отечественной войны 1812 года // Человек и общество в условиях войн и революций : материалы III Всерос. науч. конф. Самара : Изд-во СГТУ, 2016. С. 214–219.
12. Тотфалушин В. П. Петровский городничий. Штрихи к портрету П. Быкова // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославского сражения. Калуга : Золотая аллея, 2002. С. 248–253.
13. Белоусов С. В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза : ГУМНИЦ, 2012. 312 с.
14. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 439.
15. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440.
16. Центральный государственный архив Республики Мордовии. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 421.
18. Белоусов С. В. «Разбор» иностранцев в Пензенской губернии в 1812 году // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2 (34). С. 80–91.
19. Вигель Ф. Ф. Записки : в 2 кн. М. : Захаров, 2003. Кн. 2. 752 с.
20. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 508.
21. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 418.
22. Белоусов С. В. Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (33). С. 13–24.
23. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
24. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
25. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 461.
26. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463.
27. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 512.
28. Фуртенбах Ф. фон. Война против России и русский плен. Заметки оберлейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / подгот. публ., предисл. и коммент. д.и.н. С. В. Белоусова и к.и.н. С. Н. Хомченко ; пер. с нем. А. А. Кузнецова. Пенза : Изд-во Гуманитарного учебно-методического и научно-издательского центра, 2008. 44 с.
29. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 410.
30. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 449.
31. Белоусов С. В. Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии: итоги архивного поиска 2013–2014 гг. // Вестник военно-исторических исследований : Междунар. сб. науч. ст. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. Вып. 7. С. 78–101.
32. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1815 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1815. Ч. 2. 532 с.
33. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1828 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1828. Ч. 2. 527 с.
34. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1829 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1829. Ч. 2. 548 с.

References

1. Anfilatov V.E. Military portrait in miniature from the collection of the Borodino Museum-Reserve. *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XIII Vseros. nauch. konf. (Borodino, 5–7 sentyabrya 2005 g.) = Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems: proceedings of the 13th All-Russian scientific conference (Borodino, September 5–7, 2005)*. Moscow: Poligraf servis, 2006:120–128. (In Russ.)
2. Belousov S.V., Bukreeva E.M. Another portrait in the gallery of participants of the Battle of Borodino: Evgraf Nikolaevich Struisky. *Borodino v istorii i kul'ture: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Borodino, 7–10 sentyabrya 2009 g.) = Borodino in history and culture: proceedings of the International scientific conference (Borodino, September 7–10, 2009)*. Mzhaysk: Gosudarstvennyy Borodinskiy voenno-istoricheskiy zapovednik, 2010:116–134. (In Russ.)
3. Bukreeva E.M., Umbrashko E. Portrait of artillery chief officer Stepan Notari. *Otechestvennaya voyna 1812 goda: Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XXIV Mezhdunar. nauch. konf. (Borodino, 7–9 sentyabrya 2020 g.) = Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems: proceedings of the 24th International scientific conference (Borodino, September 7–9, 2020)*. Moscow: Gosudarstvennyy Borodinskiy voenno-istoricheskiy zapovednik, 2021:315–318. (In Russ.)
4. Bukreeva E.M., Umbrashko E. Portrait and image of Count Riediger. *Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriofografiya. XVIII: sb. Materialov = The Era of 1812: Research. Sources. Historiography. 18: collected materials*. Moscow: Gosudarstvennyy Borodinskiy voenno-istoricheskiy muzey-zapovednik, 2021:92–98. (In Russ.)
5. Shavenkov P.V. Portraits of unknown participants of the Patriotic War of 1812 in Nizhny Novgorod museums: historical and subject attribution. *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriofografiya: sb. materialov k 200-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 g. = The Era of 1812: Research. Sources. Historiography: collected materials to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*. Moscow, 2008;VII:227–236. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 6. Op. 1. D. 516 = State Archive of Penza region. Fund 6. Item 1. File 516. (In Russ.)
7. GAPO. F. 463. Op. 1. D. 1 = State Archive of Penza region. Fund 463. Item 1. File 1. (In Russ.)
8. Ivanov V.A. Retired military personnel in the system of civil institutions in provincial Russia in the mid-20th century (by the materials from the Kaluga province). *Vestnik Kaluzhskogo universiteta = Bulletin of Kaluga University*. 2011;(2):45–52. (In Russ.)
9. Pissar'kova L.F. Russian civil servant in service at the end of the 18th – first half of the 19th century. *Chelovek = Human*. 1995;(4):147–158. (In Russ.)
10. Belousov S.V. Governors of district towns of the Penza province – participants in the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of the Russian army. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya = Bulletin of the Scientific and Research Institute of Humanities under the government of the Republic of Mordovia*. 2018;(4):7–24. (In Russ.)
11. Biryukova A.B. Police chiefs and mayors of the Volga region – participants in the Patriotic War of 1812. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh voyn i revolyutsiy: materialy III Vseros. nauch. konf. = Man and society in the conditions of wars and revolutions: proceedings of the 3rd All-Russian scientific conference*. Samara: Izd-vo SGTU, 2016:214–219. (In Russ.)
12. Totfalushin V.P. Petrovsky mayor. Strokes to the portrait of P. Bykov. *Ot Tarutino do Maloyaroslavtsa: K 190-letiyu Maloyaroslavetskogo srazheniya = From Tarutino to Maloyaroslavets: On the 190th Anniversary of the Battle of Maloyaroslavets*. Kaluga: Zolotaya alleya, 2002:248–253. (In Russ.)

13. Belousov S.V. *Penzenskaya guberniya v epokhu Otechestvennoy voyny 1812 goda: khronika sobytiy* = *Penza province during the Patriotic War of 1812: a chronicle of events*. Penza: GUMNITs, 2012:312. (In Russ.)
14. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 439 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 439*. (In Russ.)
15. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 440 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 440*. (In Russ.)
16. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordovii*. F. 29. Op. 1. D. 11 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 29. Item 1. File 11*. (In Russ.)
17. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 421 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 521*. (In Russ.)
18. Belousov S.V. "Analysis" of foreigners in Penza province in 1812. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = *Bulletin of the Scientific and Research Institute of Humanities under the government of the Republic of Mordovia*. 2015;(2):80–91. (In Russ.)
19. Vigel' F.F. *Zapiski: v 2 kn. = Noytes: in 2 books*. Moscow: Zakharov, 2003;(bk. 2):752. (In Russ.)
20. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 508 = *State Archive of Penza region. Fund 6. Item 1. File 516*. (In Russ.)
21. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 418 = *State Archive of Penza region. Fund 6. Item 1. File 516*. (In Russ.)
22. Belousov S.V. Movement of convoys of prisoners of war of Napoleon's army through the territory of Penza province in 1812–1814. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2015;(1):13–24. (In Russ.)
23. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 459 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 459*. (In Russ.)
24. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 460 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 460*. (In Russ.)
25. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 461 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 461*. (In Russ.)
26. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 463 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 463*. (In Russ.)
27. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 512 = *State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 512*. (In Russ.)
28. Furtenbakh F. fon. *Voyna protiv Rossii i russkiy plen. Zametki ober-leytenanta Fridrikha fon Furtenbakha 1812–1813 gg.* = *War against Russia and Russian captivity. Notes of Oberleutnant Friedrich von Fortenbach 1812–1813*. Ready. publ., preface and comment. S.V. Belousov and S.N. Khomchenko; translated from German by A.A. Kuznetsov. Penza: Izd-vo Gumanitarnogo uchebno-metodicheskogo i nauchno-izdatel'skogo tsentra, 2008:44. (In Russ.)
29. GAPO. F. 6. Op. 1. D. 410 = *State Archive of Penza region. Fund 6. Item 1. File 410*. (In Russ.)
30. GAPO. F. 6. Op. 1. D. 449 = *State Archive of Penza region. Fund 6. Item 1. File 449*. (In Russ.)
31. Belousov S.V. Penza residents – participants in the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of the Russian army: results of archival search in 2013–2014. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: Mezhdunar. sb. nauch. st.* = *Bulletin of Military Historical Research: International collected articles*. Penza: Izd-vo PGU, 2016;(7):78–101. (In Russ.)
32. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto 1815 ot Rozhdestva Khristova* = *A calendar of men with a list of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1815 AD*. Saint Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1815;(pt. 2):532. (In Russ.)

33. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto 1828 ot Rozhdestva Khristova* = *A calendar of men with a list of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1828 AD*. Saint Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1828;(pt. 2):527. (In Russ.)
34. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto 1829 ot Rozhdestva Khristova* = *A calendar of men with a list of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1829 AD*. Saint Petersburg: Imp. Akad. nauk, 1829;(pt. 2):548. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Владиславович Белоусов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: sergbel_1812@mail.ru

Sergey V. Belousov

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-
department of general history
and social studies, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 06.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.04.2024

Принята к публикации / Accepted 05.05.2024

УДК 908/314.15

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-13

**Демографическая ситуация в российской провинции
в период Первой мировой войны
(на материалах Пензенской губернии)**

Я. В. Терещенко

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

yvtereshchenko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изменения социально-демографической структуры населения России, рост его численности в начале XX в. стали серьезным вызовом для имперских властей. Втягивание страны в Первую мировую войну не разрешило, но усугубило рост противоречий. Цель работы – провести анализ влияния военного конфликта на состав и структуру населения региона, не являвшегося зоной боевых действий, выявить и описать результаты произошедших деформаций. *Материалы и методы.* Осуществление задач исследования достигалось путем обработки и системного анализа материалов всеобщих переписей населения 1897 и 1926 г., статистических ежегодников и статистических материалов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области. Применялись методы экстраполяции, системного и демографического анализа данных. *Результаты.* На региональном материале исследованы результаты, к которым привели массовые мобилизации, определена степень их влияния на рождаемость, на естественный прирост населения. Выявлены изменения, произошедшие в половозрастной пирамиде. *Выводы.* Первая мировая война явилась мощным катаклизмом, оставившим свой след в демографической истории Пензенской губернии. При этом она смогла лишь на время замедлить основной тренд, характеризовавшийся экстремально высоким естественным приростом населения в сельской местности, но не изменить его. В силу того что война не изменила кардинально структуру населения, региону понадобилось всего несколько лет, чтобы сгладить последствия войны и вернуться к довоенному демографическому поведению.

Ключевые слова: Пензенская губерния, Первая мировая война, мобилизация, демографические изменения, структура населения

Для цитирования: Терещенко Я. В. Демографическая ситуация в российской провинции в период Первой мировой войны (на материалах Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 152–162. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-13

**Demographic changes in the Russian province caused
by the First World War (by the materials
of the Penza province)**

Ya.V. Tereshchenko

Penza State University, Penza, Russia

yvtereshchenko@mail.ru

Abstract. *Background.* Changes in the socio-demographic structure of the population of Russia, the growth of its number at the beginning of the 20th century, became a serious challenge for the imperial authorities. Drawing the country into World War I did not resolve, but exacerbated the growth of contradictions. The purpose of the work is to analyze the impact of the military conflict on the composition and structure of the population of the region, which was not a war zone, to identify and describe the results of the deformations that occurred. *Materials and methods.* The implementation of the study tasks was achieved by processing and systematic analysis of the materials of the general censuses of the population of 1897 and 1926, statistical yearbooks and statistical materials extracted from the funds of the State Archive of the Penza Region. Methods of extrapolation, systemic and demographic analysis of data were used. *Results.* The regional material examined the results that led to mass mobilizations, determined the degree of their influence on the birth rate, on the natural growth of the population. Revealed changes that occurred in the sex and age pyramid. *Conclusions.* The First World War was a powerful cataclysm that left its mark on the demographic history of the Penza province. At the same time, it was able only for a while to slow down the main trend, characterized by an extremely high natural population growth in rural areas, but not to change it. Due to the fact that the war did not radically change the structure of the population, the region took only a few years to smooth out the consequences of the war and return to pre-war demographic behavior.

Keywords: Penza province, World War I, mobilization, demographic changes, population structure

For citation: Tereshchenko Ya.V. Demographic changes in the Russian province caused by the First World War (by the materials of the Penza province). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2024;(2):152–162. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-13

Первая мировая война оказала колоссальное непосредственное и долгосрочное влияние на демографическую ситуацию в России. Военные действия, тем более такого масштаба, как Первая мировая война, служат причиной глубоких, нередко необратимых изменений в возрастно-половой структуре населения, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации численности населения, но и еще долго негативно влияют на вступление в брак многих поколений людей. Сверхвысокая смертность и инвалидизация молодых мужчин приводила к тому, что многие женщины не смогли выйти замуж или остались вдовами, что приводило к снижению рождаемости даже спустя годы после окончания войны. Большое значение имело также падение рождаемости в военные годы, что сказывалось на возможности заключить брак позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкающие к ним послевоенные годы. В рассматриваемый период ухудшалось как имущественное положение широких слоев населения, так и медико-санитарное состояние Пензенской губернии. В уездах регистрировались случаи заболевания тифом и резкое распространение инфекционных заболеваний, завезенных из прифронтовых регионов беженцами и солдатами, возвращавшимися с фронта, причем количество медицинских работников, которые могли бы уменьшить или притормозить скорость развития и масштабы эпидемий, сократилось из-за войны вдвое [1, с. 261–263]. Все вышеобозначенные факторы приводили к уменьшению рождаемости и повышению смертности, внося изменения в естественное движение населения. Так, если на начало 1914 г. население губернии оценивалось цифрой 1 911 600 постоянных

жителей [2, с. 41], то на 1918 г. постоянное население Пензенской губернии составляло около 1 808 700 человек, а наличное – 1 790 987 человек [3, с. 86]. То есть за четыре года произошло пусть небольшое, но сокращение населения, и это с учетом роста численности населения в довоенные годы, превышавшего 1 % в год в начале столетия и ускорившегося до 1,7 % к началу войны [4, с. 47]. Для того чтобы отследить, какие именно факторы привели к подобным изменениям демографической картины в губернии, нужно обозначить реперную точку с наиболее достоверными данными, и здесь мы сталкиваемся с проблемой деформации системы текущего учета населения в этот период времени.

Таким образом, прослеживая тенденции демографического движения населения за этот период, мы вынуждены опираться на косвенные и второстепенные источники, как, например, материалы комитетов помощи беженцам, голодающим, сведения о количестве людей, призванных на фронт и размещенных в госпиталях на территории губернии, анализ имеющихся демографических данных на начало 1914 г. И хотя в 1916 и 1917 г. прошли две переписи населения, они были направлены в первую очередь на решение продовольственной проблемы и проведение аграрной реформы и их данные не отражают полноты изменений, произошедших с 1897 г. К сожалению, война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. вторую всеобщую перепись населения [5, с. 28], поэтому, для того чтобы получить достоверные данные, мы обращаемся к результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Она хоть и является достаточно далеко отстоящей по времени от событий Первой мировой войны, все же дает наиболее развернутые сведения о половозрастном составе населения и социальной диверсификации в Пензенской губернии.

Итак, согласно переписи, на 1897 г. общее население Пензенской губернии составляло 1 470 474 человека, число женщин превосходило число мужчин на 6,9 %, причем в возрастной категории 20–30 лет этот показатель значительно возрастает до 24 % [6, с. 6]. Это объясняется тем, что многие мужчины находились на военной службе, учебе или в других регионах на заработках. Во всех остальных возрастных группах женское население также превышало мужское, поэтому более показательным будет общее значение. Также следует обратить внимание на семейный состав населения, данные по которому приводятся в переписи с разбивкой по возрастным группам. До 15-летнего возраста все население является, по понятным причинам, не вступившим в брак, а далее начинается медленный плавный подъем. Но уже в следующей возрастной группе, 20–30 лет, в брак вступает подавляющее большинство населения обоих полов, и это продолжается до 40-летнего возраста, с которого начинается регрессивное понижение с одновременным повышением количества вдов и вдовцов, пока в возрастной группе старше 60 лет оно не начинает полностью доминировать [6, с. 10]. Число разведенных настолько незначительно, что в рамках исследуемого вопроса влияния на общие числовые показатели оно не оказывает. Приведенные показатели будут отличаться в зависимости от сословной принадлежности для городского и сельского населения, но если учесть, что число жителей, проживающих в сельской местности, составляло 87,1 % от общего наличного населения, а также специфику Первой мировой войны, в которой воинские формирования состояли

главным образом из крестьян [7, с. 7] и которая ударила в основном по данному сословию, то разбивка по категориям будет давать разность в результатах на уровне статистической погрешности, хотя в целом нужно отметить, что на город и деревню война все же оказала разное по степени влияние.

Особенностью Пензенской губернии и одним из последствий достаточно раннего вступления в брак и практически тотального состояния в браке всего населения является чрезвычайно высокая рождаемость. И, хотя мы не имеем конкретной статистики по рождаемости на то время, все же мы можем сделать выводы, используя таблицы распределения населения по возрастным группам и данных о смертности. Так, возрастные группы до 20 лет включительно составляли практически половину всего населения – 48,7 %, причем в возрастной группе до 10 лет состояло 27,3 % населения. На возрастные группы 20–40 лет приходилось 37,2 %, а старше 60 лет – всего 7 % населения. При этом нужно учитывать, что средняя продолжительность жизни в Пензенской губернии в рассматриваемый период предстоящей жизни новорожденного в 1896–1897 гг. составила для мужчин – 31,3 года, для женщин – 33,4 года [8, с. 169–170]. Если соотнести между собой эти цифры, можно, даже не имея точной статистики, сделать вывод о чрезвычайно высокой детской смертности. Используя формулу вычисления коэффициента смертности (отношение числа умерших одной возрастной категории за год к среднегодовому количеству лиц этой категории), несложно определить, что в пятилетие 1896–1901 гг. данный показатель составил 0,26, т.е. из 100 младенцев, рожденных за год, умирала примерно четверть. Низкую (в сравнении с детским, молодым и зрелым возрастами) смертность в пожилом возрасте А. С. Новосельский объяснял некоей «природной жизненной энергией русского народа». Хотя подобная тенденция имеет вполне очевидное объяснение, ведь люди, выжившие в условиях огромной младенческой и детской смертности и дожившие до возраста от 60 и выше, точно обладали отменным природным физическим здоровьем, что и обеспечивало их выживаемость в преклонном возрасте. Подобное соотношение рождаемости и смертности давало вполне очевидный и стабильный естественный прирост населения. То есть до 1914 г., несмотря на все социально-экономические тяготы, население Пензенской губернии стабильно увеличивалось в год не менее чем на 1,5 %, что легко можно проследить, используя материалы Пензенского губернского статистического комитета. Так, например, в 1911 г. в Пензенской губернии родилось 95 702 ребенка обоего пола, умерших зафиксировано 57 660 [9, л. 20, 21]. В 1912 г. родилось 92 359 человек, умерло 58 111 человек [10, л. 13, 14]. Общая же численность населения составляла 1 933 923 человека и 1 991 682 соответственно, стало быть, коэффициент прироста численности населения за 1911 г. достигает уровня в 1,96 %, а за 1912 г. – 1,72 %.

Результаты получаются весьма противоречивые, ведь в соответствии с данными Центрального статистического управления, приводимыми выше, население Пензенской губернии составляло на 1914 г. 1 911 600 человек, а если же опираться на источники Пензенского губернского статистического комитета, то на начало 1914 г. численность населения оценивалась примерно в 2 027 827 человек, т.е. мы имеем несоответствие, превышающее 100 000 человек, или 5,7 % от общего количества населения. Данные по составу и количеству населения в военные и послевоенные годы еще более разрозненные

и часто неполные, данные по естественному движению населения во время войны по Пензенской губернии и вовсе не представлены, поэтому, чтобы сделать достоверный вывод о демографическом влиянии Первой мировой войны на состав и численность населения, приходится опираться на данные всеобщей переписи населения 1926 г., используя неточные базовые данные и перепись, прошедшую спустя восемь лет после окончания войны, сложно претендовать на результаты высокой точности, но все же можно выделить основные тренды и оценить конкретные изменения в интересующих нас возрастных группах.

Теперь же, имея реперные данные, можно проследить качественные изменения в демографическом составе населения, вызванные влиянием Первой мировой войны. Война началась в конце лета 1914 г., соответственно, в статистике 1914 г. она не смогла значительно скорректировать уровни рождаемости, смертности и частоты вступления в брак и изменения мы увидим только начиная с 1915 г. Для наглядности разрозненные данные по численности, составу и размещению населения, полученные из статистических ежегодников, изданных центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, сведем в табл. 1 в целях дальнейшего анализа.

В соответствии с приводимыми данными, в Пензенской губернии проживало 1 911 600 человек по состоянию на 1 января 1914 г., а наличное число жителей оценивалось в 1 901 450 человек обоего пола. К 1918 г. население Пензенской губернии оценочно составляло 1 808 700 человек, а наличное – 1 790 987 человек. Сопоставляя приведенные числа, мы видим не только остановку роста численности населения в данные четыре года, по сравнению с довоенным периодом, но и сокращение количества жителей на 5,4 %, что на фоне исчезновения роста является более чем ярким маркером произошедших демографических изменений. То есть три года войны привели к первому с начала XX в. сокращению общей массы населения, причем причины этого события не однородны. Точных данных по потерям жителей Пензенской губернии на фронтах мы не имеем, поэтому можем лишь воспользоваться оценками, приводимыми военными специалистами и историками, изучавшими этот вопрос. Так, по оценкам Г. Ф. Кривошеева и Б. Ц. Урланиса, на каждую 1000 мобилизованных человек приходилось 112 погибших в бою, умерших от ран или по иным причинам [11, 12]. Соответственно, количество жителей Пензенской губернии, погибших непосредственно от боевых действий, мы можем с известной степенью точности оценить приблизительно в 21 157 человек, что хоть и представляет собой огромные значения, все же несопоставимо с теми демографическими потерями, которые мы видим, анализируя табл. 1. То есть основной причиной потери численности населения в Пензенской губернии является сокращение уровня рождаемости, вызванное разрушением существовавших семейных связей и задержкой возникновения новых семей по причине нахождения на фронте большого числа мужчин детородного возраста, а также повышением количества отсутствующих мужчин, вызванное мобилизацией, отходничеством, внутренней миграцией и повышением смертности из-за ухудшения экономических и социально-бытовых условий. Мобилизация мужчин на фронт в губернии проводилась все годы мировой войны. Всего же за годы участия России в Первой мировой войне из Пензенской губернии в действующую армию было призвано 46,7 %

трудоспособных мужчин, или порядка 200 000 человек в абсолютных цифрах [13, с. 18].

Таблица 1

Численность и состав населения Пензенской губернии
в 1914–1917 гг., тыс. чел. [2, 14–17]

Год	Категория населения	Численность, тыс. человек		
		Муж.	Жен.	Оба пола
1914 (по данным Статистического ежегодника за 1914)	Городское	91,0	96,1	187,1
	Сельское	832,7	891,8	1724,5
	Всего	923,7	987,9	1911,6
1915 (по данным Статистического ежегодника за 1915)	Городское	95,2	100,1	195,3
	Сельское	843,6	901,6	1745,2
	Всего	938,8	1001,7	1940,5
1916 (по данным Статистического ежегодника за 1916)	Городское	99,0	103,3	202,3
	Сельское	854,1	911,1	1765,2
	Всего	953,1	1014,4	1967,5
1916 (по предварительным данным переписи 1916)	Городское	–	–	193,2
	Сельское	673,6	875,1	1516,7
	Всего	–	–	1789,9
1917 (по итогам сельскохозяйствен- ной и поземельной переписи 1917)	Наличное	–	–	1588,1
	Отсутствующее	–	–	220,6 (в том числе в армии 188,9)
	Всего	897,8	910,9	1808,7

Если, например, в 1911 г. в Пензенской губернии было заключено 12 186 браков [9, л. 51], а в 1912 г. – 14 078 браков [10, л. 15], то в 1914 г. данный показатель сократился на 15 %, а в 1915, 1916 г. – вдвое. Соответственно, уровень рождаемости в годы Первой мировой войны, по имеющимся статистическим данным, снизился примерно на 45 % [18, с. 11]. Такое падение рождаемости объясняет снижение общего коэффициента смертности, на которое можно обратить внимание, анализируя статистику за 1915–1917 гг., по сравнению с 1913 г., так как самый высокий процент естественной смертности населения был среди детей до трех лет. Видно, что, в отличие от рождаемости, существенных изменений в смертности среди населения Пензенской губернии в годы войны не отмечалось, несмотря на указанные негативные факторы. Ее уровень несколько повысился в городах, что объяснялось повышением количества инфекционных заболеваний в связи с поступлением большого количества раненых и беженцев, в сельской местности повышение смертности в связи с ухудшением условий жизни, видимо, перекрыло уменьшение детской смертности, вызванное сокращением рождаемости, поэтому там наблюдаются незначительные изменения [19, с. 289].

Одним из последствий Первой мировой войны для Пензенской губернии стала деформация половозрастной пирамиды. В отличие от половозрастной структуры, зафиксированной переписью 1897 г., в пирамиде, построенной с учетом периода 1915–1917 гг., наблюдаются «провалы» в численности 1912–1916 гг. рождения, что иллюстрирует падение рождаемости в данный период. Также к 1917 г. наблюдается существенный провал в численности мужчин возрастной группы 20–29 лет, если в 1897 г. на 1000 человек приходилось 15,7 мужчин данного возраста, то к 1917 г. этот показатель сократился до 7,7 человек на 1000 жителей. Соответственно, в данной группе образовался серьезный перевес женщин над мужчинами. По данным переписи, проведенной земской губернской управой в 1916 г., доля женского населения в губернии составляла 56,2 %, а в возрастной категории старше 20 лет показатель увеличивался до 60,6 %. Если же эти данные привести в абсолютных цифрах, то получится, что около 150 тысяч женщин не могли найти себе пару, при снижении возраста до 16 лет данная цифра возрастает до 200 тыс. [20, л. 34–41].

Как уже отмечалось выше, война повлияла на город и деревню в разных пропорциях. Возрастные группы от двадцати до тридцати лет, от тридцати до сорока и от сорока до пятидесяти лет в удельных величинах преобладали в городах над сельской местностью, причем среди обоих полов. В сельской же местности преобладали, по сравнению с городом, группы до 20 лет и старше 60. Причем доля детей в деревне и до войны была существенно выше, чем в городе, на селе. Так, в деревне было в среднем 152,6 ребенка на 1000 жителей, в городе – 119,5 ребенка на 1000 жителей. Такая картина в целом привела к тому, что за 25 лет, прошедших с первой в России переписи, продолжалось увеличение диспропорции между сельским и городским населением, что привело к сокращению последнего до 9,3 % от общего населения губернии [21, с. 26].

Приняв как самый достоверный способ определения общих демографических трендов за период Первой мировой войны сравнение результатов всеобщих переписей с 1897 по 1926 г., можем констатировать, что в этот период общее количество жителей губернии увеличилось на 30,68 %, т.е. росло в среднем на 1,05 % в год. Причем мужское население выросло на 28,1 %, или по 0,97 % в год, а женское – на 33,07 %, или по 1,14 % в год [21, с. 27]. Война и голод ожидаемо больше отразились на количестве населения мужского пола и снизили в целом темп прироста населения, до войны составлявший по губернии от 1,5 до 1,8 %. Средний размер семьи сократился с 6,1 человека в 1910 г. до 5,7 человек к 1920 г. [22, л. 13].

В погубернских и поуездных сводных таблицах предварительных итогов переписи 1919 г. содержится информация о 1 778 994 человеках общего населения и 220 765 отсутствующих на 1917 г. и 1 786 002 человеках населения и 90 320 отсутствующих на 1919 г. [23, л. 1]. Столь большой прирост населения (2,55 % в год) объясняется изменением соотношения наличного и отсутствующего населения, при этом в переписи учитывалось только наличное население. В таблицах статистики населения по возрасту, способности к труду, физическим недостаткам и психическому здоровью, составленным по переписи 1920 г., отмечался прирост количества жителей в селениях между 1910 и 1917 г. на 7,8 % [22, л. 13], т.е. 1,11 % в год, а между 1917 и 1920 г. – от 3,2 до 4,3 %, в промежутке между 1920 и 1922 г. он повышается до 5,4 %. В целом

за шестилетний период 1920–1926 гг. население увеличилось на 9,17 % [21, с. 28], что говорит о восстановлении скорости довоенного роста.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, установить точный, верифицируемый демографический состав и изменения численности населения не представляется возможным, так как статистический материал данного временного отрезка характеризуется неполнотой и несистемностью данных. Вызвано это тем, что источники имели разную полноту исследования и разные методики подсчета, что приводило к разности полученных материалов, которая исчислялась количеством в 100–200 тыс. человек, или более 5–10 % общей численности населения. Для поставленной цели исследования данная погрешность является критической, так как полученные результаты находятся в этих же числовых пределах. Во-вторых, хотя мы и не имеем достоверных чисел, мы все же видим достаточно яркие, четкие тренды происходивших демографических изменений. В первую очередь это касается естественного прироста населения. За счет мобилизации большого количества мужчин, их гибели на фронте, получения ими увечий в два раза падает количество браков и рождений. Естественный прирост за четыре военных года и последующие за этим два года гражданской войны замедляется вдвое. При среднем количестве разности рождений и смертей 35 000 человек за шесть лет Пензенская губерния недосчиталась примерно 105 000 новорожденных детей. Если к этому добавить погибших на войне и в последствии от ран и болезней, людей, погибших преждевременно в связи с ухудшившимся в результате войны социальным положением и в результате эпидемий, к которым приводило ухудшившееся санитарно-медицинское обеспечение, и приезд беженцев, раненых, демобилизованных с фронта, можно заключить, что общее число прямых и косвенных демографических потерь для Пензенской губернии составило порядка не менее 150 000 жизней. В-третьих, помимо влияния на численный состав населения война оказала влияние и на соотношение количества мужчин и женщин. Если в 1897 г. на 1000 мужчин приходилось 1085 женщин, в 1920 г. этот показатель был уже 1000 на 1247, и даже в 1926 г. диспропорция хоть и начала сглаживаться (1126 женщин на 1000 мужчин), но показатели так и не смогли вернуться к довоенному уровню [21, с. 33]. В общем можно заключить, что, несмотря на то что война стала серьезным событием, оставившим след в демографической картине Пензенской губернии, ее последствия в целом удалось преодолеть уже в начале 1920-х гг. В первую очередь это произошло потому, что происходящие события не привели к изменениям в социальной структуре населения. Пензенская губерния уже к середине 1920-х гг. вернулась к довоенным значениям естественного прироста населения, при этом получив негативные факторы, влияющие на численность и состояние в самых социально-активных и работоспособных возрастных группах.

Список литературы

1. Вестник Пензенского земства. 1916. № 20.
2. Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград : Тип. Штаба Петроград. воен. округа, 1915. 116 с.

3. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923. 221 с. (Труды центрального статистического управления РСФСР, Отд. с.-х. переписей. Т. 5, вып. 2).
4. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : стат. очерки / под ред. С. Г. Струмилина. М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 351 с.
5. Кауфман А. А. По поводу второй всероссийской переписи. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 28 с.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 89 т. Т. XXX. Пензенская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 257 с.
7. Белоусов С. В. Воинские формирования на территории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории Российской нации : сб. науч. ст. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. 199 с.
8. Новосельский А. С. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : Типография Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 9. Оп. 2. Д. 50.
10. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 746.
11. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. М. : Соцэкгиз, 1960. 567 с.
12. Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 624 с.
13. Кондрашин В. В. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918 : в 2 кн. Кн. 1: 1914–1916. Прага : Sociosféra-CZ, 2014. 544 с.
14. Статистический ежегодник России 1915 г. Петроград : Центр. стат. ком. МВД, 1916. Отд. 1. 107 с.
15. Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1-й. Петроград : Центр. стат. ком. МВД, 1918. Отд. 1. 121 с.
16. Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. М., 1921. 199 с. (Труды Центрального статистического управления. Т. VII, вып. 1).
17. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923. 218 с. (Труды Центрального статистического управления/РСФСР. Отд. с.-х. переписей. Т. 5, вып. 2).
18. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 10–20.
19. Морозов С. Д. Население Центральной России в 1897–1917 гг. : дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.02. М., 2002. 464 с.
20. ГАПО. Ф. П.-6028. Оп. 4. Д. 12.
21. Перепись населения 1926 г.: Поволостные и алфавитный списки мест Пензенской губернии / Статистический отдел Пензенского губернского исполнительного комитета ; Центральное статистическое управление Р.С.Ф.С.Р. Пенза : Типо-лит. т. Воровского, 1928. 185 с.
22. ГАПО. Ф. Р.-505. Оп. 1. Д. 19.
23. ГАПО. Ф. Р.-505. Оп. 1. Д. 5.

References

1. *Vestnik Penzenskogo zemstva = Bulletin of the Penza Zemstvo*. 1916;(20). (In Russ.)
2. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1914 g. = Statistical Yearbook of Russia 1914*. Petrograd: Tip. Shtaba Petrograd. voen. okruga, 1915:116. (In Russ.)

3. Pouezdnye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy i pozemel'noy perepisi 1917 goda po 57 guberniyam i oblastyam = County results of the All-Russian agricultural and land census of 1917 for 57 provinces and regions. Moscow, 1923:221. (In Russ.)
4. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): stat. ocherki* = Population of Russia for 100 years (1811–1913): article essays. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956:351. (In Russ.)
5. Kaufman A.A. *Po povodu vtoroy vserossiyskoy perepisi* = Regarding the second all-Russian census. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1913:28. (In Russ.)
6. Troynitskiy N.A. (ed.). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: v 89 t. T. XXX. Penzenskaya guberniya* = The First General Population Census of the Russian Empire, 1897: in 89 volumes. Volume 30. Penza province. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1899–1905:257. (In Russ.)
7. Belousov S.V. Military formations in the Penza province during the First World War. *Pervaya mirovaya voyna v istorii Rossiyskoy natsii: sb. nauch. st.* = The First World War in the history of the Russian nation: collected articles. Penza: Izd-vo PGU, 2014:199. (In Russ.)
8. Novosel'skiy A.S. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* = Mortality and life expectancy in Russia. Petrograd: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1916:208. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 9. Op. 2. D. 50 = State Archive of Penza region. Fund 9. Item 2. File 50. (In Russ.)
10. GAPO. F. 9. Op. 1. D. 746 = State Archive of Penza region. Fund 9. Item 1. File 746. (In Russ.)
11. Urlanis B.Ts. *Voyny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhennykh sil evropeyskikh stran v voynakh XVII–XX vv.* = Wars and Population of Europe. Human Losses of the Armed Forces of European Countries in the Wars of the 17th–20th centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1960:567. (In Russ.)
12. Krivosheev G.F. *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie* = Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Losses of the armed forces. Statistical study. Moscow: OLMA-PRESS, 2001:624. (In Russ.)
13. Kondrashin V.V. *Penzenskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914 – mart 1918: v 2 kn. Kn. 1: 1914–1916* = Penza province during the First World War. 1914 – March 1918: in 2 books. Book 1: 1914–1916. Praga: Sociosféra-CZ, 2014:544. (In Russ.)
14. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1915 g.* = Statistical Yearbook of Russia 1915. Petrograd: Tsentr. stat. kom. MVD, 1916:Otd. 1:107. (In Russ.)
15. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii 1916 g. Vyp. 1-y* = Statistical Yearbook of Russia 1916. The 1st issue. Petrograd: Tsentr. stat. kom. MVD, 1918:Otd. 1:121. (In Russ.)
16. *Statisticheskii ezhegodnik za 1913–1917 gg.* = Statistical Yearbook of Russia 1913–1917. Moscow, 1921:199. (In Russ.)
17. Pouezdnye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy i pozemel'noy perepisi 1917 goda po 57 guberniyam i oblastyam = County results of the All-Russian agricultural and land census of 1917 for 57 provinces and regions. Moscow, 1923:218. (In Russ.)
18. Morozov S.D. Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* = Woman in Russian society. 2014;(3):10–20. (In Russ.)
19. Morozov S.D. *Population of Central Russia in 1897–1917*. DSc dissertation. Moscow, 2002:464. (In Russ.)
20. GAPO. F. P.-6028. Op. 4. D. 12 = State Archive of Penza region. Fund P-6028. Item 4. File 12. (In Russ.)
21. *Perepis' naseleniya 1926 g.: Povolostnye i alfavitnyy spiski mest Penzenskoy gubernii. Statisticheskii otdel Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta; Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie R.S.F.S.R* = Voluntary and alphabetical lists of the local government of Penza. Statistical department of the Penza provincial executive committee;

Central statistical administration of the RSFSR. Penza: Tipo-lit. t. Vorovskogo, 1928:185. (In Russ.)

22. *GAPO. F. R.-505. Op. 1. D. 19 = State Archive of Penza region. Fund R-505. Item 1. File 19. (In Russ.)*

23. *GAPO. F. R.-505. Op. 1. D. 5 = State Archive of Penza region. Fund R-505. Item 1. File 5. (In Russ.)*

Информация об авторах / Information about the authors

Ярослав Витальевич Терещенко

соискатель, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yvtereshchenko@mail.ru

Yaroslav V. Tereshchenko

Applicant, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.04.2024

Принята к публикации / Accepted 10.05.2024

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-14

Новая монография о Войнах Алой и Белой Розы в Англии XV в.

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Праздников А. Г. Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб. : Евразия, 2023. 560 с.

Для цитирования: Митрофанов В. П. Новая монография о Войнах Алой и Белой Розы в Англии XV в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 163–171. Рец. на кн.: Праздников А. Г. Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб. : Евразия, 2023. 560 с. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-14

A new monograph on the Wars of the Roses in England in the 15th century

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Prazdnikov A.G. People of the Wars of the Scarlet and White Roses. The composition and behavior patterns of active participants in the socio-political conflict in England in the second half of the 15th century. St. Petersburg : Eurasia, 2023. 560 p.

For citation: Mitrofanov V.P. A new monograph on the Wars of the Roses in England in the 15th century. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;2:163–171. A review of Prazdnikov A.G. People of the Wars of the Scarlet and White Roses. The composition and behavior patterns of active participants in the socio-political conflict in England in the second half of the 15th century. St. Petersburg : Eurasia, 2023. 560 p. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-14

В истории Англии XV в. длительный социально-политический конфликт, известный в историографии как Война Алой и Белой Розы, неоднократно привлекал внимание отечественных и британских историков [1–4]. Тем не менее не все аспекты этого события, длившегося почти полвека, изучены. Например, недостаточно изучен социальный аспект этих событий английской истории, т.е. участие в них конкретных людей из разных сословий, что и стало основным объектом монографического исследования Андрея Геннадьевича Праздникова. Соответственно, это предполагает выявление социального ядра участников этого длительного социально-политического конфликта в обоих лагерях (Ланкастеры и Йорки) и моделей их поведения. Это новый подход в историографии Войн Роз. Такое исследование проводится в монографии в контексте социально-экономических и политических процессов в Англии того времени.

Автор последовательно рассматривает социальный состав участников Войн Роз (именно так он предлагает их называть) на первом и втором этапах, затем выявляет из их числа лиц, обвиненных в государственной измене, и далее определяет модель социального поведения активных участников Войн Роз. Много места в монографии отведено анализу роли нобилитета в войнах, структуре и модели поведения среднего и мелкого дворянства, а также участию в них духовенства и горожан. А. Г. Праздников использовал важный неопубликованный источник «Письменные патенты об амнистии» из Национального архива. Им проанализировано множество нарративных источников, прежде всего хроник, а также источников государственного происхождения, в том числе и материалов парламента (парламентские свитки), статуты королевства, документы канцелярии и казначейства (свитки), «закрытые» свитки, грамоты, «Свитки платежей», «неопубликованные открытые свитки» и др.

Рассмотрев сражения первого периода Войн Роз (1455–1464 гг.) (с. 74–136), он определил на основе анализа хроник участие в них 43 % от всех установленных им лиц, т.е. это было как бы первое поколение участников Войн Роз. А исследование парламентских материалов позволило ему не только выявить данные об участниках сражений, но и проанализировать социальное значение и последствия каждого сражения для дальнейших военно-политических событий в Англии периода Войн Роз. Важно, что по каждому сражению этого этапа Войн Роз автор составил таблицы количественного и социального состава участников из лагеря как Ланкастеров, так и Йорков. Андрей Геннадьевич приводит некоторые сведения и о событийной стороне сражений, но с акцентом на роли в них выявленных им персоналий, их социального статуса и графства, откуда они были родом или где проживали до начала войн. Можно согласиться с его утверждением, что раскол в английском обществе в ходе Войн Роз был явно не по географическому принципу (север – юг и т.п.). На самом деле он был внутри самих социальных групп, прежде всего среди дворянского сословия. Сравнительный анализ данных хроник с другими источниками на предмет определения численности участников сражений позволил определить не только их реальное количество, но и социальный состав. Правда, в связи со скудностью сведений об участниках войн ему удалось идентифицировать не очень-то много персоналий (от нескольких десятков человек до немногим больше сотни в каждом из сражений). Однако в целом степень их участия и социальное поведение на первом этапе

Войн Роз многих из них все-таки удалось восстановить. В большей мере это относится к представителям знати и командирам, но в меньшей мере – в отношении иных социальных слоев (дворян, горожан, йоменов, крестьян).

В таком же ключе изучены сражения и следующего периода войн (1469–1487 гг.) (с. 137–204). Опираясь на данные хроник и некоторые иные источники, автор выявил имена и социальный статус некоторых из участников сражений этого периода. Таблицы, составленные им, отражают как количественный состав сторонников Ланкастеров и Йорков, так и их процентное соотношение. И здесь автор обозначил их социальный статус, а также графства, откуда они были родом или где проживали. Тщательно реконструируется и событийная история Войн Роз на этом этапе. Андрею Геннадьевичу удалось проследить родственные, матримональные и сеньориально-вассальные связи участников сражений. Именно они, полагает он, и влияли на их социальное поведение, хотя могли быть и какие-то неизвестные субъективные факторы.

Специфика источников позволила автору в большей мере идентифицировать участников битвы при Босфорте (22.08.1485), а именно 191 участника (табл. 14, с. 168). Наглядно итоги его изысканий количественного и социального состава участников сражений Войн Роз также хорошо представлены в таблице, где отражены светские и духовные лорды, рыцари, сквайры, джентльмены, йомены, горожане, слуги. Кроме того, выявлены не определенные по своему социальному статусу персоналии. Наконец, в таблице указано количество лиц, переходивших в ходе войн с одной стороны на другую, коих автором установлено 34 человека, т.е. 3 % от всех известных 1123 участников войн, основную часть которых, как он показал, составляли светские лорды и рыцари (табл. 19, с. 203). Это вполне исчерпывающая цифра, так как, действительно, средневековые хронисты всегда старались отметить подобные факты. Автор убедительно объясняет столь малое количество предательств и измен просто как форму девиации (с. 204).

Большой интерес представляет исследование автором среди участников войн категории лиц, называемых «государственные изменники» (с. 190–201). Андрею Геннадьевичу удалось выявить не только конкретных лиц, обвиненных в государственной измене, но и их социальную принадлежность, а также их социальное поведение. Ему также удалось определить общую численность таковых, а именно 308 человек, а в табл. 18 он указал их социальный состав (с. 196). Им проанализирован социальный статус каждой из социальной категории лиц (светские и духовные лорды, сквайры, рыцари, джентльмены, рядовой клир, йомены, горожане), подвергшихся обвинению в государственной измене. Оказалось, что родственные или брачные связи не были исключительными причинами участия дворянства на той или иной стороне, но свою роль могли играть связи по службе и покровительство. Таковых автором выявлено 40 человек (с. 201).

При рассмотрении социального состава активных участников Войн Роз и модели их социального поведения Андреем Геннадьевичем проанализировано социальное поведение всех выявленных участников, что опять-таки отражено в табл. 19 (с. 203), а подробно все они перечислены в приложении монографии (с. 350–557). Это обширное приложение, составленное на основе данных различных источников, безусловно, очень ценное не только в контексте монографического исследования, но и как справочный материал для

последующих штудий по истории Англии XV в. Андрей Геннадьевич выявляет основной мотив их социального поведения, определяя его как «вынужденная активность». Под ним он имеет в виду родственные и патронально-клиентальные связи, а не политическую или экономическую целесообразность. С этим вполне можно согласиться.

Важной проблемой исследования стала социальная роль светского нобилитета в Войнах Роз (с. 207–239). Автор рассмотрел структуру и динамику политической элиты периода Войн Роз, социальную стратегию и модели социального поведения аристократов. На основе полного списка пэрства он определил их структуру, состоящую из пяти разрядов титулов (герцог, маркиз, граф, виконт, барон). Они вместе с королями и принцами как раз и составляли категорию «светские лорды» численностью в 187 человек. Отмечены также их должности и степень их участие в Войнах Роз. По его подсчетам, таковых оказалось 127 человек, или 68 %. Используя материалы парламентских сессий времен Войн Роз, Андрей Геннадьевич проследил изменения светской политической элиты, их участие в парламентских сессиях и их политические позиции. Им приводятся данные о лишении светских лордов гражданских и имущественных прав и их восстановление впоследствии на основе парламентских постановлений (табл. 22, с. 216; табл. 23, с. 217). В контексте этого, действительно, можно утверждать, что «старая» знать вовсе не была уничтожена в ходе Войн Роз, как это считалось порой в историографии. Лишь 53 % ее умерли насильственной смертью, причем, оказывается, в большей мере пострадали герцоги и графы, а в меньшей – виконты и бароны. К тому же потери среди титулованного дворянства, по мнению автора, компенсировались за счет социального продвижения на верх слоя аристократии нижестоящих слоев дворянства. Автор полагает, что важное последствие Войн Роз для правящего класса состояло в изменении характера и традиций взаимоотношений, а это, в свою очередь, привело к формированию новой модели правящего класса уже при династии Тюдоров.

Насколько позволили источники, Андрей Геннадьевич проследил политическое поведение практически всех представителей нобилитета в ходе Войн Роз, что и отражено наглядно в списках сторонников Йорков и Ланкастеров (с. 227–232) и в табл. 24 (с. 234–236). Он справедливо приходит к выводу о том, что политическое поведение большинства из них определялось преданностью своему сеньору, хотя 11,81 % активных участников войн меняли свои политические предпочтения на разных этапах Войн Роз. Им установлено, что чуть более 32 % лордов вообще отстранились от какого-либо участия в них по объективным (возраст, смерть) и субъективным причинам, в основном из-за нежелания рисковать своим статусом в обществе. Поэтому все это опять-таки подтверждает его тезис, что «старая» знать Англии вовсе не была уничтожена в ходе Войн Роз, как зачастую полагали историки.

Не менее обстоятельно Андрей Геннадьевич рассмотрел социальную структуру и основные модели поведения среднего и мелкого дворянства в ходе Войн Роз (с. 240–271). Он подробно охарактеризовал различные социальные слои среднего и мелкого дворянства, коих им выявлено по источникам 647 персоналей (табл. 25, с. 245). Также им определены их должностной статус в графствах, приближение к королевскому двору и участие в местном управлении. В этом свете закономерен его вывод о том, что отсутствие

в источниках сведений о многих представителях джентри (407 из 647 известных по источникам) свидетельствует о том, что в Войнах Роз участвовало множество дворян, не имевших каких-либо должностей в местном и центральном управлении, а значит, Воны Роз не были лишь борьбой местных и региональных элит, но имеют более глубокий социальный характер. Затронул автор и историографический аспект понятия «бастардный феодализм», который он вполне оправданно не считает причиной Войн Роз, а лишь средством преследования личных интересов лордами (с. 253–256). Он приводит ряд конкретных примеров «бастардного феодализма» в ходе Войн Роз в обеих группировках. Логично автор пытается выяснить, почему же таковых оказалось совсем немного. По его мнению, это может объясняться как скудностью источников, так и просто незаключением письменных договоров на предмет личных связей между дворянами и лордами (с. 266–267). Также он определяет связь участников Войн Роз с графствами. Этот аспект его исследования хорошо отражен в обширной табл. 26 (с. 268–269). Вполне логично, что им больше всего выявлено участников от графства Йоркшира. Автор объясняет взаимосвязь участников по графствам чисто гипотетически связью с местными магнатами или с «меньшими аристократами». Однако здесь стоило бы пояснить, что он вкладывает в это понятие. Вместе с тем по ряду графств, по его мнению, трудно проследить взаимосвязь участников Войн Роз с Йорками или Ланкастерами.

Андрей Геннадьевич проследил участие йоменов, которых он относит к пограничной группе участников Войн Роз. Таковых оказалось всего-то 63 человека (с. 271–275), многие из которых были фактически королевскими слугами или слугами крупных лордов и реально были в сфере так называемого «бастардного феодализма». Разумеется, количество йоменов, участвовавших в Войнах Роз, на самом деле было гораздо больше. Автор говорит об их пассивной модели поведения в ходе Войн Роз, поскольку они следовали за своими сеньорами. Скорее всего это именно так. Однако, по-видимому, источники не раскрывают степень участия сельских йоменов, которые в то время фактически были уже фермерами и вряд ли стремились отправиться на войну. В итоге автор определяет три типа модели поведения джентри. Первая – это те, кто был верным последователем Йорков или Ланкастеров (35,71 %). Вторая – те, кто сохранял лояльность династии, но старались не рисковать своими жизнями, правами и собственностью (61,65 %). Третья – те, которые меняли свою политическую и династическую приверженность (2,64 %). Этот вывод выглядит вполне обоснованным в свете данных источников, проанализированных автором.

В своей монографии Андрей Геннадьевич исследовал и участие духовенства в Войнах Роз (с. 276–291). Он показал, что католическая церковь в Англии не избежала внутренних противоречий в эпоху Войн Роз. Так, имела место явная враждебность, с одной стороны, между монахами и епископством, а с другой – приходским духовенством на почве стремления первых сохранить свое влияние на мирян и т.д. Епископы сопротивлялись ограничению их прав и доходов, чего хотели архиепископ Кентерберийский и папские легаты в Англии. Правда, читателю не совсем понятно, как это отражалось на их политической позиции во время Войн Роз. Однако, в целом, в монографии достаточно убедительно показано, что степень участия духовенства в большей

мере сводилась к политической поддержке той или иной группировки, а не к их военному участию в сражениях. Видимо, этот аспект еще более прояснили бы опубликованные проповеди, но таковых, по всей видимости, не сохранилось, кроме нескольких, упомянутых в тексте работы. Вывод автора заключается в том, что последствия Войн Роз для английской церкви хотя и выражались в минимальных потерях, но она политически ослабла, что стало одной из предпосылок тюдоровской Реформации сверху (с. 291). С этим, в целом, можно согласиться. Правда, если учитывать, что представители духовенства не участвовали с оружием в руках в Войнах Роз, то может быть лучше и говорить о них не как об участниках, а как о сторонниках той или иной группировки?

Не мог Андрей Геннадьевич не затронуть положение городов и степень их вовлеченности в Войны Роз (с. 292–325). Он справедливо отметил значимость городов в военном отношении для воюющих сторон и показал степень их прямого военного участия путем отправки в армии воюющих группировок своих солдат, которых оказывалось всего-то несколько десятков человек (табл. 28, с. 297–301). Но участие городов в Войнах Роз, по его мнению, было более значительным, нежели это отражено в источниках. Действительно, горожанам в силу их экономических интересов не было особого резона сохранять верность той или иной группировке. К тому же среди них самих в этом вопросе зачастую не могло быть единства в плане ориентации только на Ланкастеров или только на Йорков в силу конкретной ситуации и личных связей. Примерно также отмечали и другие современные отечественные авторы, чьи работы не менее фундаментальные в плане источников, а именно позиция городов по отношению к воюющим группировкам во многом определялась их экономическими интересами, что хорошо прослеживается на примере г. Йорка [5, с. 185–202, 228–229, 230–235; 6]. Автор попутно исследовал и участие горожан в народных движениях периода Вой Роз (с. 307–313). Однако если восстание Джека Кеда в 1450 г. можно считать народным, то восстания, инициированные представителями дворянства, сторонниками Ланкастеров или Йорков, едва ли можно назвать «народными», ибо цели их лидеров были чисто политическими по форме и феодальными по сути. Можно согласиться с тем, что водораздел в отношении к социальным движениям в среде горожан проходил не по линии «бедный-богатый» или «верхи-низы», а имел более сложную структуру и зачастую определялся их локальными или личными интересами. Андрей Геннадьевич проследил связи городов не только с королями, которые считались их верховными сеньорами, но и с представителями аристократии. Он справедливо отметил, что с королями как своими сеньорами у горожан в основном были связи финансового характера, в то время как с аристократией зачастую они могли быть связаны личными и семейными связями, что им показано на примере представителей городской верхушки. Это реально могло влиять на их политическую ориентацию в ходе Войн Роз. В итоге автор приходит к закономерному выводу о том, что горожанам удавалось добиваться у враждующих сторон привилегий в обмен на свою политическую лояльность, а поэтому события в период правления Генриха VI, Эдуарда IV и Ричарда III способствовали укреплению позиций городов. Развивая это положение, он исследует социально-экономическое развитие городов во второй половине XV в., приводит точки зрения англоязычных

и российских историков на кризисные явления в английских городах XV в. Им отмечены различные тенденции в экономических и демографических процессах, происходивших в английских городах XV в. Обстоятельно проанализирован финансовый аспект, а именно уплаты городами фирмы и других платежей в ходе Войн Роз. Видимо, это был самый болезненный вопрос для городов в их отношениях с королевской властью.

Андрей Геннадьевич также рассмотрел развитие внутренней и внешней торговли как важный показатель состояния экономики городов. При этом им отмечены изменения в коммунально-бытовой сфере городов. Также затронут им политический аспект, а именно участие представителей от городов в парламенте и т.п. Исследование проблемы участия городов в Войнах Роз позволило автору прийти к выводу о том, что нельзя говорить о тенденции снижения уровня экономического развития городов во второй половине XV в. Эта тенденция (экономический упадок) имела место лишь в локальном масштабе, но иногда городские власти по материальным или политическим причинам умышленно его представляли центральной власти. В то же время отмечается более быстрое развитие капиталистических отношений в мелких городах, нежели в крупных. Однако тогда в свете исследований других историков Лондон был исключением [7, с. 137–248]. Политические события второй половины XV в., по мнению Андрея Геннадьевича, не оставили глубокого отпечатка на развитии английских городов. В целом, как он полагает, данный период можно рассматривать скорее как время медленного поступательного движения и развития городов. Автор уделяет внимание выяснению численности горожан – участников Войн Роз. Таковых ему удалось определить немного. В табл. 29 (с. 322) приводятся эти данные (от Лондона 13 человек, от Йорка 7 человек, от Саутгемптона 3 человека и еще немного горожан от 11 городов). География этих городов, по его мнению, позволяет говорить о том, что социально-политическим кризисом была затронута вся городская система Англии. Привязанность горожан к той или иной династии (Йорков и Ланкастеров), полагает автор монографии, определялась не классовой или сословной принадлежностью, а групповыми или индивидуальными факторами. Однако читателю не совсем понятно, какие же факторы могли побуждать различные социальные слои горожан занимать сторону Йорков или Ланкастеров. Видимо, скудность источников, в частности хроник и парламентских документов, в которых этот аспект не нашел отражения, не позволили автору в полной мере объяснить сей феномен. В то же время, видимо, можно согласиться с тем, что, как подсчитал Андрей Геннадьевич, 46,15 % горожан, участвовавших в Войнах Роз, были практически их активными участниками (с. 323).

В целом выводы автора по исследуемым в монографии проблемам базируются на конкретных данных источников. Так, определив численность выявленных участников Войн Роз, определив их социальный статус, участие в конкретных сражениях, занимаемые некоторыми из них должностей в местном управлении и т.п., Андрей Геннадьевич выделил из них несколько групп по принципу их вовлеченности в события на той или иной стороне на разных этапах Войн Роз. Им сделано аргументированное данными источников заключение о социальной мотивации различных участников Войн Роз.

Видимо, можно согласиться с его выводом о том, что исчезновение «старой» знати в результате Войн Роз не было тотальным, тем более что, по

его подсчетам, треть лордов вообще не принимала в них участия, а также признать, что Войны Роз были для позднесредневековой Англии событием национального масштаба.

Предложенное автором определение «Войны Алой и Белой Розы», что ранее отмечали британские и некоторые отечественные историки [1, 6, 8], можно вполне принять вместо устоявшегося в научной и учебной литературе «Война Алой и Белой Розы».

В монографии Андрея Геннадьевича впервые в отечественной и англоязычной историографии войн Роз исследовано участие более тысячи современников из разных сословий в этих войнах, а также определены причины их выступления на той или иной стороне этого конфликта. Монография Андрея Геннадьевича, несомненно, будет востребована отечественными историками, специализирующимися на изучении средневековой истории Англии, а также всеми медиевистами и студентами-историками.

Список литературы

1. Браун Е. Д. Войны Роз: История. Мифология, Историография. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
2. Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск : Курсив, 2010. 232 с.
3. Кузнецов Е. В. Борьба магнатских партий в Англии в пятидесятые годы пятнадцатого века. Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1959. Вып. 46. С. 123–144.
4. Goodman A. The Wares of the Roses: Military activity and English society 1452–1497. London : Routledge Kegan and Poul, 1981. 304 p.
5. Мосолкин Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
6. Митрофанов В. П. Новая монография по социальной истории Англии XIV–XVII вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (50). С. 114–123.
7. Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
8. Carpenter C. The Wares of the Roses: Politics and the Constitution in England, c. 1437–1509. Cambridge : University Press, 1997. 312 p.

References

1. Braun E.D. *Voyny Roz: Istoriya. Mifologiya, Istoriografiya = Wars of the Roses: History. Mythology, Historiography*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016:208. (In Russ.)
2. Zolotov V.I. *Obshchestvo i vlast' v pozdnesrednevekovoy Anglii XV veka = Society and power in late Medieval England of the 15th century*. Bryansk: Kursiv, 2010:232. (In Russ.)
3. Kuznetsov E.V. The struggle of the magnate parties in England in the fifties of the fifteenth century. The political program of the York Party. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Gorkiy State University*. 1959;(46):123–144. (In Russ.)
4. Goodman A. *The Wares of the Roses: Military activity and English society 1452–1497*. London: Routledge Kegan and Poul, 1981:304.
5. Mosolkin T.V. *Sotsial'naya istoriya Anglii XIV–XVII vv. = Social history of England of the 14th – 17th centuries*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017:416. (In Russ.)

6. Mitrofanov V.P. New Monograph on the Social History of England of the 14th – 17th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2019;(2):114–123. (In Russ.)
7. Chernova L.N. *Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoy mir Londona XIV–XVI vv.* = *In the shadow of St. Paul's: London's business world of the 14th – 16th centuries*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016:366. (In Russ.)
8. Carpenter C. *The Wares of the Roses: Politics and the Constitution in England, c. 1437–1509*. Cambridge: University Press, 1997:312.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social science,
Penza State University
(40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 25.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.02.2024

Принята к публикации / Accepted 15.03.2024

doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-15

**«Русь не замерла еще, коли сумела выставить из своих рядов
тысячи добровольцев»: из истории добровольчества в Поволжье
в XIX в.**

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
ybartho@mail.ru

**Кочукова О. В., Кочуков С. А. В Сербию из Саратова. Русские
добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876) :
документальная монография. М. : Политическая энциклопедия, 2023.
296 с.**

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. «Русь не замерла еще, коли сумела выставить из своих рядов тысячи добровольцев»: из истории добровольчества в Поволжье в XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 172–177. Рец. на кн.: Кочукова О. В., Кочуков С. А. В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876) : документальная монография. М. : Политическая энциклопедия, 2023. 296 с. doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-15

**“Russia has not frozen yet, if it has managed to put thousands
of volunteers out of its ranks”: from the history of volunteerism
in the Volga region in the 19th century**

Yu.V. Varfolomeev

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia
ybartho@mail.ru

**Kochukova O.V., Kochukov S.A. To Serbia from Saratov. Russian
volunteers in the struggle for national freedom of the South Slavs (1876) :
documentary monograph. Moscow : Political Encyclopedia, 2023. 296 p.**

For citation: Varfolomeev Yu.V. “Russia has not frozen yet, if it managed to put thousands of volunteers out of its ranks”: from the history of volunteerism in the Volga region in the 19th century. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(2):172–177. A review of Kochukova O.V., Kochukov S.A. To Serbia from Saratov. Russian volunteers in the struggle for national freedom of the South Slavs (1876) : documentary monograph. Moscow : Political Encyclopedia, 2023. 296 p. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-2-15

© Варфоломеев Ю. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В современном политико-идеологическом, социально-культурном и медийном пространстве заметным и обсуждаемым явлением стала практика добровольчества (волонтерства), что, естественно, сподвигло современных ученых к актуальной научной интерпретации и осмыслению этого феномена общественного и патриотического служения своему народу и Отечеству. Наряду с этим рецензируемая монография, посвященная историческому опыту общественной поддержки внешнеполитических акций государства в форме добровольчества и волонтерского движения, имеет также несомненную остросюжетность в условиях современного обострения Балканского кризиса, а именно на фоне стягивающейся натовской «петли анаконды» вокруг Сербии. Поэтому не случайно при прочтении книги «В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876)» возникает ощущение, что события полуторавековой давности злободневно проецируются на современность.

Однако, несмотря на очевидную актуальность этой темы, в предыдущие два десятилетия эта проблематика, к сожалению, не получила широкого отражения в научной литературе, за исключением, пожалуй, обобщающего тематического сборника научных трудов «Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.» [1], в котором, в частности, на основе имагологического и антропологического анализа рассматриваются те или иные аспекты ментальных и культурно-психологических архетипов двух братских народов, формы участия и сопричастности россиян (идеология, война, добровольчество, благотворительность) к Сербо-турецкой войне 1876 г. Наиболее близки к теме исследования, предпринятого О. В. и С. А. Кочуковыми, работа Р. П. Гришиной «Российское общественное мнение и Балканы» [2], а также региональные (поволжские) сюжеты рассматриваемой темы, отраженные в статьях самарских исследователей Ю. П. Аншакова, О. А. Чернова [3] и А. Ю. Шепелевой [4].

Таким образом, учитывая существующую историографическую ситуацию по данной теме, можно констатировать, что рецензируемая работа является важным и заметным дебютом среди фундаментальных трудов по истории отечественного добровольчества. При этом важной особенностью этой документальной монографии является то, что она фактически открывает комплексное историографическое и источниковедческое направление в изучении регионального аспекта истории российского движения добровольчества в годы войн XIX–XX вв. Как известно, добровольческое движение тех лет охватило всю Россию, однако до сих пор наименее изученным остается его региональный аспект, и труд саратовских историков как раз восполняет этот пробел.

Еще в 1911 г. видный общественный деятель И. Я. Славин, высоко оценивая подвиг борьбы и смерти добровольцев, горько посетовал на то, что история добровольческого движения 1876 г. в Саратовской губернии еще не написана [5]. И вот в 2023 г. в московском издательстве «Политическая энциклопедия» выходит в свет книга кандидата исторических наук, доцента Саратовского государственного университета О. В. Кочуковой и доктора исторических наук, главного архивиста Государственного архива Саратовской области С. А. Кочукова о саратовских добровольцах в Сербо-турецкой войне, с появлением которой наконец была решена задача восстановления

в исторической памяти подвига русских добровольцев 1876 г., отправившихся в Сербию из Саратовской области.

Отдельно следует отметить стиливое своеобразие книги. Представляется, что жанр документальной монографии, избранный авторами для реализации своего научного замысла, – сравнительно малораспространенное исследовательское направление, однако именно такая форма истолкования и подачи материала оказалась в данном случае самой удачной, так как позволила органично совместить в тексте книги научную интерпретацию и публикацию исторических источников.

Уточняющий подзаголовок в названии книги – «Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876)» – раскрывает концептуальный замысел авторов книги, акцентирующих внимание на патриотическом посыле, проникнутом идеей славянского единства и взаимопомощи, свойственном как в целом российскому добровольческому движению, так и его саратовской составляющей, лозунгом которого не случайно был искренний и жертвенный девиз – отдать жизнь «за други своя».

Издание, как это и заявлено авторами, имеет целью восстановление в исторической памяти подвига русских добровольцев 1876 г., принимавших участие в борьбе за национальную свободу славян Балканского полуострова. Важнейшим историческим фактором, определившим цели и ценности Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг., было масштабное славянское движение в России середины 1870-х гг., а участие русских добровольцев в Сербско-турецкой войне 1876 г. стало прологом освободительного подвига русской армии в период войны с Османской империей.

Во введении и вступительных очерках документальной монографии на материалах архивных и опубликованных источников освещаются особенности славянского добровольческого движения 1870-х гг. в масштабах России в целом и непосредственно в Саратовской губернии.

Особо хотелось бы отметить самостоятельное значение вступительной части к публикации исторических документов, объединяющей три очерка историографического и источниковедческого характера, которые, вводя читателя в проблематику темы, последовательно подводят его к знакомству с документальной частью монографии. Замысел и структура вступительного блока свидетельствуют о том, что авторы резонно избрали логику представления научного материала от макроисторического уровня (общероссийский и концептуальный контекст добровольчества) к локальному (славянское движение в Саратовской губернии) и микроисторическому (анализ эго-источников саратовских добровольцев).

В первом очерке авторы выявляют и анализируют характерные черты национально-освободительной борьбы на Балканах, ее взаимосвязь с внешней политикой, идеями панславизма и славянским движением в России 1870-х гг., спорами западников и славянофилов, патриотическим подъемом в стране. Отмечая характерную особенность этого периода, О. В. и С. А. Кочуковы отмечают: «Умы современников все больше занимали размышления о роли России в судьбах славянского мира <...> с начала XIX в. набирал популярность комплекс идей и представлений, который принято обозначать термином “славянская взаимность”» [6, с. 26].

Авторы размышляют об отклике российской общественности на национально-освободительное движение южных славян в общероссийском и региональном масштабе и о добровольческом движении в период Серботурецкой войны 1876 г. Проникнувшись идеей «славянской взаимности», общественное мнение в России было охвачено заветной мечтой об освобождении братьев-славян, и славянская тема не покидала страниц периодической печати. При этом авторы выделяют «еще одну, весьма важную и характерную черту общественных настроений середины 1870-х гг. Это было тяготение к созданию позитивного образа Героя...» [6, с. 39]. Таким образом, на волне патриотизма и «славянской взаимности» генерировалось «героическое поколение» 70-х гг. XIX в., что в итоге привело к формированию добровольческого движения, отличившегося сначала в Серботурецкой, а затем и в Русско-турецкой войнах.

В следующей главе (очерке) рецензируемой монографии О. В. и С. А. Кочуковы впервые непосредственно обращаются к раскрытию характера и особенностей славянского движения в Саратовской губернии в 1875–1876 гг. В частности, они отмечают, что «в социокультурном пространстве Саратовского Поволжья многие факторы содействовали росту общественного интереса к идее “славянской взаимности”» [6, с. 75]. Также как и по всей стране, в Саратовской губернии ее жители не остались в стороне от воодушевленного порыва помочь братьям-славянам в их отчаянной и неравной борьбе за свободу. Авторы отмечают роль губернских властей в формировании местного добровольческого отряда и организации сбора пожертвований, а также показывают, какие разные люди – и священники, и отставные офицеры, и дворяне, и представители интеллигенции саратовщины – отправились тогда добровольцами на Серботурецкую войну.

В заключительном исследовательском сюжете монографии, предваряющем публикацию источников, О. В. и С. А. Кочуковы детально анализируют комплекс документальных свидетельств, публикуемых в книге, и делают обоснованный вывод: «Содержание записок саратовских добровольцев в целом дает яркую, правдивую и неоднозначную характеристику общественных настроений в России и роли добровольческого движения 1876 г. в качестве предыстории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» [6, с. 126].

При знакомстве с текстом монографии обращает на себя внимание то, как авторы умело и уместно коррелируют фактический материал с художественно-иллюстративными фрагментами – стихами, прозой и произведениями изобразительного искусства. Этот подход «оживляет» и органично дополняет исследовательский нарратив. В то же время в рецензируемом издании, к сожалению, не представлен визуальный ряд, как, например, фотографии добровольцев, картины баталлий, а также гравюры, которые так наглядно и ярко описывают авторы, расшифровывая смыслы, заложенные художниками в аллегорических образах и исторических сюжетах этих произведений. Однако это замечание относится, очевидно, не к авторам книги, а к издателям, которые по какой-то причине не предусмотрели врезку подобных иллюстраций.

В центре документальной монографии – эго-документы (записки, заметки, воспоминания и письма) добровольцев, отправившихся на войну за свободу славян из Саратовской губернии. Публикуемые исторические

источники позволяют реконструировать картину общественных настроений накануне Русско-турецкой войны, полнее представить мотивы участников добровольческого движения, способы формирования его организационных центров, а также историческое значение и трагизм судьбы добровольцев. Яркие и живые свидетельства непосредственных участников исторических событий, людей с разными взглядами, принадлежавших к различным социальным слоям общества, многообразны по жанровой форме и внутреннему содержанию. Каждый публикуемый источник сопровождается весьма обширными и научно выверенными историческими комментариями.

Очень важно, что документальная монография «В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876)» делает доступными как специалистам-историкам, так и широкой читательской аудитории ранее не известные, впервые вводимые в научный оборот архивные документы и материалы периодической печати. Научно-комментированное издание записок саратовских добровольцев – участников Сербско-турецкой войны 1876 г. существенно дополняет научное знание о предыстории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Подводя итог обзору содержания новой книги, следует отметить, что она имеет ярко выраженный злободневный и научно-просветительский характер и, несомненно, будет интересна не только ученым, преподавателям и студентам, но и широкому кругу читателей, так как знакомит всех интересующихся историей России и славянских народов с целым рядом интересных фактов участия российской общественности в защите национальных интересов России и братских славянских народов, в цивилизационных противостояниях и военных конфликтах прошлого.

Вместе с тем хотелось бы порекомендовать эту документальную монографию и для использования в учебном процессе средних и средне-специальных учебных заведений Саратовской губернии на занятиях по региональной истории и внеурочных мероприятиях по формированию гражданской и патриотической позиции учащихся.

Одним словом, книга О. В. и С. А. Кочуковых «В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876)» обязательно обретет широкий и заинтересованный круг читателей самых разных возрастов, уровня образования, профессий и увлечений, а также, безусловно, займет достойное место в историографической палитре научной литературы как первый опыт освещения отечественного добровольческого движения периода Сербско-турецкой войны 1876 г. в его региональной специфике.

Список литературы

1. Русские добровольцы в Сербии в 1876 г. : сб. науч. тр. М. : Институт славяноведения Российской академии наук ; Белград : Графо сан, 2022. 400 с. doi: 10.31168/7576-0472-5
2. Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб. : Алетей, 2009. 335 с.
3. Аншаков Ю. П., Чернов О. А. Помощь народов Поволжья в освободительной борьбе славян 1875–1878 гг. // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторический факультет. Самара, 2006. С. 18–31.

4. Шепелева А. Ю. Добровольческое движение из поволжских губерний в Сербию в Сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 370–378.
5. Славин И. Я. Памяти саратовских добровольцев // Волга. 1911. № 162.
6. Кочукова О. В., Кочуков С. А. В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876) : документальная монография. М. : Политическая энциклопедия, 2023. 296 с.

References

1. *Russkie dobrovol'tsy v Serbii v 1876 g.: sb. nauch. tr. = Russian volunteers in Serbia in 1876: collected articles*. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk; Belgrad: Grafo san, 2022:400. (In Russ.). doi: 10.31168/7576-0472-5
2. Grishina R.P. (resp. ed.). *Chelovek na Balkanakh: Vlast' i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya (konets XIX – nachalo XX v.): sb. st. = Man in the Balkans: Power and Society: Experience of Interaction (late 19th – early 20th century): collected articles*. Saint Petersburg: Aleteyya, 2009:335. (In Russ.)
3. Anshakov Yu.P., Chernov O.A. Assistance of the peoples of the Volga region in the liberation struggle of the Slavs in 1875–1878. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet = Bulletin of Samara State Pedagogical University. Faculty of History*. Samara, 2006:18–31. (In Russ.)
4. Shepeleva A.Yu. Volunteer movement from the Volga provinces to Serbia in the Serbian-Herzegovinian-Turkish war of 1876. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011;13(3):370–378. (In Russ.)
5. Slavin I.Ya. In memory of Saratov volunteers. *Volga = Volga*. 1911;(162). (In Russ.)
6. Kochukova O.V., Kochukov S.A. *V Serbiyu iz Saratova. Russkie dobrovol'tsy v bor'be za natsional'nuyu svobodu yuzhnykh slavyan (1876): dokumental'naya monografiya = To Serbia from Saratov. Russian volunteers in the struggle for national freedom of the Southern slavs (1876): documentary monograph*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2023:296. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Юрий Владимирович Варфоломеев

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
истории России и археологии,
Саратовский национальный
исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83)

Yuriy V. Varfolomeev

Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of the Russian history
and archaeology, Saratov National
Research State University named
after N.G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street,
Saratov, Russia)

E-mail: ybartho@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.04.2024

Принята к публикации / Accepted 23.05.2024

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные направления (отрасли науки и группы специальностей):

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; e-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.